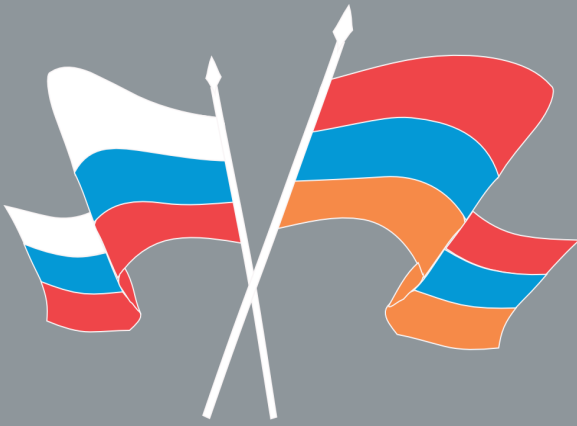

ISSN 1829-4162

Русский язык в Армении

1
2026

Армянский государственный педагогический университет имени
Хачатура Абовяна
Армянская Ассоциация «Педагогическая инициатива»
Академия педагогических и социальных наук РФ

ISSN 1829-4162

Русский язык

В

Армении

**Ռուսաց լեզուն
Հայաստանում**

**Russian language in
Armenia**

2026

1.CXXII

Ереван - 2026

Главный редактор – А. М. АМИРХАНЫ
ORCID: 0000-0003-2810-2052

Ответственный секретарь – И. Ю. МАНУКЯН
ORCID: 0000-0002-1620-4302

Ответственный за номер – И. Р. САРКИСЯН
ORCID: 0000-0002-4377-1601

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ :	РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Академик РАО, вице-президент АПСН, ректор МПСУ (РФ) С. К. Бондырева	А.В. Акопян (ЕГУ) А.Ж. Арутюнян (ЕГУ) Л.Г. Баласанян (АГПУ им.Х.Абовяна) Г.Г. Барикян (Французский университет в РА) Е.В. Белоусова (Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна») А.Г. Варданян (ГУ им. В.Я. Брюсова) И.Б. Геворкян (ОШ №131 им. П.Яворова) М.М. Геворкян (АГПУ им. Х.Абовяна) Р.Р. Грдзелян (ЕГУ) А.Л. Григорян (РАУ) М.Е. Жапанова (Евразийский НУ имени Л.Н. Гумилева, РК) О.Б. Кафанова (Санкт-Петербургский Институт Бизнеса и Инноваций, РФ) М.Ч. Ларионова (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, РФ) И.В. Лебедева (Каспийский инст-т морского и речного транспорта им. ген. Ф.М. Апраксина) В.В. Мадоян (НУАС Армении) Г.В. Маркосян («АЙБ» ОЦ) Н.И. Мартирян (ЕГУ) Л.Б. Матевосян (ЕГУ) И.В. Приорова (РосНОУ, РФ) А.М. Ранчин (МГУ им. М.В. Ломоносова /ИНИОН РАН) Антон Репонь Anton Repoj (Университет им. Матая Бела, Банска Быстрица, Словакия) С.Б. Самуэлян (ГУ им. В. Я. Брюсова) И.Р. Саркисян (РАУ) О.В. Спачиль (КубГУ, РФ) Е.Ю. Третьякова (КубГУ, РФ) А.Я. Хачикян (ЕАЕН) К.И. Шарафадина (СПбГУТД, РФ) Э.Ф. Шафранская (МГПУ, РУДН, РФ)

Компьютерный набор, корректура, оформление и печать М. Авагян

Խաչատուր Արովանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարան. «Գիտապ լեզուն
Հայաստանում». 2026. № 1 (122). – 259էջ.

Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна, РА. «Русский язык в
Армении». 2026. № 1 (122). – 258 стр.

Свидетельство № 01 А 044424 выдано 16.02.1999 г.
Формат 70Х100 1/16. Объем 16,5 усл. п. л. 258 стр.
Сдано в печать 23.06.2026 г.

Խմբագրության ներկայացված նյութերը գրախոսվում են: Արտատպության դեպքում հղումն ամսագրին
պարտադիր է:

Лицензия № 904

Журнал «Русский язык в Армении» включён в Перечень принятых ВАК РА
рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные
результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «АРМЯНСКОГО ТЕКСТА» РУССКОЙ ПОЭЗИИ (КНИГА С. М. ГОРОДЕЦКОГО «АНГЕЛ АРМЕНИИ», 1918)

К. И. ШАРАФАДИНА
ВИ (ИТ) Военной академии МТО МО РФ
имени генерала армии А. В. Хрулёва

belkaklara@mail.ru

В статье оценивается вклад М. Д. Амирханяна в выявление, изучение и введение в научный оборот поэтических произведений, сформировавших общими усилиями «армянский» метатекст русской поэзии. Автором также рассмотрена дополненная новыми разысканиями творческая история цикла С.М. Городецкого «Ангел Армении» (1918), ранее подробно реконструированная М. Д. Амирханяном: выявлены ключевые ассоциативные взаимосвязи между опубликованными и новонайденными неиздававшимися стихотворениями.

Ключевые слова: М. Д. Амирханян, С. М. Городецкий, «армянский» метатекст, русская поэзия XX века, творческая история, цикличность, культурные концепты.

В 2012 году в ереванском издательстве «Издательский дом Лусабак» тиражом 500 экземпляров вышла монография (она же – параллельно – поэтическая антология) Михаила Давидовича Амирханяна «Геноцид в Западной Армении и русская поэзия».

Книга стала важной новой страницей в создаваемой М.Д. Амирханяном на протяжении десятков лет (с конца 1980-х гг.) литературоведчески-публицистической летописи на эту лично дорогую для него тему. В нее вошли книги разных лет, последовательно выстраивающих и исследующих отражение этой темы в русской и европейской публицистике и художественной литературе. Одна из последних (четвертое, стереотипное издание), «Армения в зеркале русской поэзии», вышла в 2023 году [1].

В книге 2012 г. автор-составитель поставил себе, на первый взгляд, чисто литературоведческую текстологическую задачу «собрать воедино разбросанные по разным источникам как известные, так и мало известные и неизвестные поэтические произведения русских авторов, освещающие кровавые события в Западной Армении, в частности, в армянском городе Ване и вокруг него» [2: 2]. И далее пояснял во вступительной статье принцип отбора текстов: «Однажды опубликованные в различных изданиях (конца XIX – начала XX вв.) стихи русских авторов, проявивших сочувственное отношение к событиям в Западной Армении, которым в большинстве случаев они были свидетелями. Это их не сиюминутные восприятия, воплощенные в стихах, а скорее их сочувствие, потрясения и переживания [2: 8].

Все стихи, как заявил составитель, принципиально были даны без купюр – «как документальный материал очевидцев» [2: 10].

Скрупулезные разыскания дали такой результат: несколько десятков поэтических произведений, потребовавших попутного комментирования и взвешенной оценки их места в «армянском метатексте» и литературоведческой интерпретации-анализа.

Монография включала три крупных главы-раздела. Первая («Генерал-поэт», с. 12-52) была посвящена «армянским» стихам генерала русской армии А. П. Кулебякина, участвовавшего в русско-турецкой войне 1914-1916 гг.

Вторая глава была посвящена стихам из обширного корпуса «армянского текста» (корреспонденции, публицистика, проза и поэзия) известного русского поэта Сергея Митрофановича Городецкого («С.Городецкий – корреспондент и поэт», с. 53-75).

Третья глава («Стихи малоизвестных и неизвестных поэтов», с. 76-152) вводила в читательский кругозор и научный оборот произведения пятнадцати авторов: С.Зарова, А.Кушлю, С.Бахчисарайцева, С.П. Кроткова, С.Пирвердяева, В.Язвицкого, Е.Алексеева, Е.Алибекова, Е.Кипинова, Г.Кансона, Е.Морозова, Вл.Шуфа, Е.Балковой, а также Ю.Веселовского и Ю.Верховского.

Во вступительной статье составитель пояснил избранную последовательность текстов в антологии: «Хронологическое расположение материала в книге показывает степень нарастания в развитии событий» [2: 8].

Задуманная как антология, книга в результате стала оригинальной «лейтмотивной» монографией в виде цикла статей-очерков. В них, наряду с текстами, дана их аналитически обдуманная, при этом эмоциональная интерпретация в контексте ключевого тематического лейтмотива – пронзительного отклика русских поэтов на тему геноцида армян.

Обратимся ко 2-й главе, посвященной С.М. Городецкому.

В ней М.Д. Амирханян выстраивает «армянский» метатекст Городецкого, уделяя основное внимание ключевому произведению – поэтическому циклу «Ангел Армении» (1918), составленного из стихов-«зарисовок» увиденной поэтом воочию бесчеловечно-жестоким картиной последствий войны в Западной Армении. Эти 12 стихотворений написаны в апреле-июне 1916 г. (только открывающее книгу стихотворение «Ангел Армении» написано позже, в январе 1918 г.).

В заслугу 9-й книге поэта В.П. Енишерлов поставил простоту и «прекрасную ясность образов». К примеру, так в общей картине бедствия зарисованы знаменитые армянские хачкары: «У могил разрытых Плачут кроткие слова На могильных плитах» («Арчак»). Сборник был оформлен заставками и концовками работы Б.И. Рябова по барельефам древнего островного Ахтамарского монастыря, на обложке – рисунок крылатого ангела.

Эта книга, во многом этапная для поэта, до недавнего времени недооценивалась критикой, пока наконец В.П. Енишерлов не дал ей

блестящую оценку, назвав «одной из поэтических вершин XX века» [5: 118].

Нам также уже приходилось писать о ней как о неповторимо-личной в своей пронзительности странице «армянского текста» русской поэзии [6].

Но М.Д. Амирханян, можно сказать, намного опередил достойную ее оценку, посвятив обширную глав поэту и этой книге в своей монографии-антологии¹: «Первым ощущением Городецкого от армянской действительности этой поры было *ни с чем не сравнимое по трагизму чувство поэта*. Описанные С.Городецким надругательства над человеком, развалины вокруг, могилы без конца – все это создавало поразительную картину» [2: 58]. Или такая оценка: «С.Городецкий полюбил Армению ... растоптанную и разоренную, печальную и тоскующую. *Плененный Арменией и потрясенный ее горем, Г. "вжился" в армянскую действительность* и описал ее в стихах, очерках, романе, публицистике» (Курсив наш – К.Ш.) [2: 55].

В 2010 г. Ирма Сафразбекян представила обновленный вариант «армянского текста» Городецкого в составленном ею сборнике его произведений, дополнив его обнаруженными ею в архиве писателя (передан ей дочерью Городецкого) стихами и последними главами романа «Сады Семирамиды» и публицистическими статьями и эссе, сопроводив сделанными в Западной Армении зарисовками Городецкого [3].

В частности, она опубликовала несколько обнаруженных ею в записных книжках поэта стихотворений, предназначавшихся для цикла «Ангел Армении».

Это четыре стихотворения 1916 года: «Транспорт», «Ввысь», «Я и ты», «Любимой».

Среди них выделяется стихотворение «Любимой».

Вот его текст:

¹ До этого армянский исследователь Юрий Даронян восстановил по документам и подробно описал армянские страницы жизни и творчества Городецкого в книге 1985 г. «Сергей Городецкий и Армения» [4]. М.Д. Амирханяна с семьей Даронянов связывали теплые дружеские отношения.

О тебе, о тебе, о тебе
Я тоскую, мое ликование,
Самой страшной отдамся судьбе,
Только б ты позабыла страданье.
Плачет небо слезами тоски,
Звон дождя по садам пролетает.
С яблонь снегом текут лепестки,
Скорбь моя, как огонь, вырастает!
Вот она охватила сады
И зарю у озер погасила,
Оборвала лучи у звезды,
У вечерней звезды белокрылой.
Ало-черным огнем озарен,
Страшен свод. Но смеясь и сияя,
В высоте, как спасительный сон,
Ты стоишь надо мной, дорогая.
Я к тебе из томленья, из тьмы
Простираю безумные руки.
О, когда же увидимся мы
И сольемся, как в пении звуки! [3:33].

Это стихотворение, по нашему предположению, составляет своего рода лично-интимное продолжение ключевого сюжета стихотворения «Армения» того же 1916 года, положившего начало всему циклу.

М.Д. Амирханян подробно документально реконструировал творческую историю стихотворения «Армения» в своей антологии.

«В 1916 г. корреспондент газеты "Русское слово" Сергей Городецкий приехал в Тифлис. Это был его третий приезд. В Тифлисе он обратился в общество "Союз городов" с просьбой отправить его на фронт. Ему предложили поехать в Западную Армению, в г. Ван. Городецкий знал о происходящих там событиях, но отчетливо не представлял всей их глубины и масштабности и что он должен был там делать. Счастливая случайность свела тогда его с известным поэтом Ованесом Туманяном: "В толпе собравшихся хлопотал худощавый высокий человек, принимавший активное

участие В создании условий для отъезжающих в Ван на помощь беженцам". Узнав, что это был известный армянский поэт Ов. Туманян, С.Городецкий обратился к нему: Я еду в Ван. Я – поэт Сергей Городецкий. Мы знаем Вас... В Ван? Трудная дорога, трудное дело. От "Союза городов"? Что собираетесь делать? – Не знаю. – Собирайте и спасайте детей. Они там бродят, живут в развалинах. Одичали. Организуем приют» [2: 53].

И далее: «Вечером Ов.Туманян пригласил С.Городецкого к себе домой. Увлекательная беседа об Армении, как признавался позже С.Городецкий, надолго запомнилась ему. Туманян рассказывал о гонимом смертью своем народе, который желает жить в мире и верит в помощь русских. Много говорил он и о назначении поэзии и высоком призвании поэта: "Вы – поэт. Вы едете в разоренную древнюю родину Армении. Напишите про нее. – Я хочу, но я ничего не знаю. – Напишите про то, что увидите, – это и будет поэзия... "Я ушел с этого вечера потрясенный и окрыленный, – мой путь стал ясен мне"» [2: 54].

Через несколько дней, 13 апреля 1916 г., Городецкий написал и принес Туманяну стихотворение «Армения», которое, по мнению М.Д. Амирханяна, стало исповедальным и программным в дружбе Городецкого с Арменией: «...поэт как бы заглянул в самого себя и мгновенно, на одном дыхании излил свои переживания в трогательном стихотворении» [2: 54].

В письме от 24 апреля 1916 г, на пути в Ван он писал: «В душе у меня начинается какая-то новая песня, первое начало которой положено в Тифлисе, в гостеприимном вашем доме» [2: 54].

Напомним начало стихотворения «Армения»: «Как перед женщиной, неведомой и новой, / В счастливом трепете стою перед тобой. И первое сорваться с уст боится слово, / И первую смущаются глаза мольбой» [2: 52].

Сравним со стихами из «Любимой»: «О тебе, о тебе, о тебе, / Я тоскую, мое ликование, /... Я к тебе из томленья, из тьмы / Простираю безумные руки. О, когда же увидимся мы /И сольемся, как в пении звуки!» [3: 33].

Очевиден единый лирический сюжет-ситуация – любовное признание: реальной далекой возлюбленной («О тебе, о тебе, о тебе / Я тоскую, мое ликование») и стране («Армения, тебя хочу я полюбить»), олицетворенной в прекрасном женском лице («я красоту твою целую в алые уста»). Здесь, кстати, можно усмотреть реминисценцию на блоковский образ «России-жены» из цикла «На поле Куликовом»².

В этих произведениях можно отметить и единую палитру сквозных для всего цикла образов-концептов: идентифицирующий культурный армянский ландшафт (горы, озера, звездное небо, яблоневые сады), весенний хронотоп, метафоры огня и света («Скорбь моя, как огонь, вырастает!»; «Ало-черным огнем озарен, / Страшен свод»; «...смеясь и сияя, / В высоте, как спасительный сон, / Ты стоишь надо мной, дорогая») («Любимой») и ср.: «...горят твои венцы — / Жемчужные, алмазные, святые горы»; «Армения, звенящая огнем и кровью!» («Армения»). Становится очевидным своего рода творческий трансфер «перетекающих» из текста в текст культурных концептов.

Проведенное нами сравнение демонстрирует феномен авторской лирической цикличности, состоящий в переплетающихся и «рифмующихся» мотивно-ассоциативных связях между текстами цикла, цементирующих его целостность как единого высказывания. Суть этого высказывания поэта очевидна: «Обнять любовью / И воскресенья весть услышать над тобой».

Оценивая творческий вклад С.Городецкого в «армянский текст» русской литературы, М.Д. Амирханян сформулировал его так: «Страдающая и борющаяся Армения воплощена в художественном слове С.Городецкого рельефно и монументально» (2: 69). Лучше не скажешь.

² С А.Блоком С.Городецкого связывали тесные дружеские отношения, начиная с их общего студенчества в СПбГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амирханян М.Д.* Армения в зеркале русской поэзии / М.Д. Амирханян; под редакцией И.В. Романовой; Ереванский государственный университет имени В.Я. Брюсова; Центр русского языка и культуры. 4-е изд, стереотип. – Ереван: Копи Принт, 2023.- 662 с.
2. *Амирханян М. Д.* Геноцид в Западной Армении и русская поэзия. Ереван: ИД Лусабац, 2012. 158 с.
3. *Городецкий С.М.* Последний крик: Стихи и проза / Предисловие, сост. и коммент. И.Сафразбекян. Ереван: Эдит Принт, 2010. 488 с.
4. *Даронян Ю.С.* Сергей Городецкий и Армения. Ереван: Айастан, 1985.
5. *Енишерлов В.П.* «Сыны отражены в отцах...»: статьи, очерки, публикации. М.: Русский Мир, 2020. 576 с.
6. *Шарафадина К.И.* «Не забыть мне Армении никогда»: сакральный код поэтической книги Сергея Городецкого «Ангел Армении» // Арарат: русская и национальные литературы: Материалы Международной научно-практической конференции 26-29 сентября 2024 г. Ереван: Мекнарк, 2024. С. 248-255.

REFERENCES

1. *Amirkhanyan M.D.* Armeniya v zerkale russkoy poezii / M.D. Amirkhanyan; pod redaktsiyey I.V. Romanovoy; Yerevanskiy gosudarstvennyy universitet imeni V.YA. Bryusova; Tsentr russkogo yazyka i kul'tury. – Yerevan: Kopi Print, 2021.
2. *Amirkhanyan M.D.* Genotsid v Zapadnoy Armenii i russkaya poeziya. Yerevan: ID Lusabats, 2012. 158 s.
3. *Gorodetskiy S.M.* Posledniy krik: Stikhi i proza / Predisloviye, sost. i komment. I.Safrazbekyan. Yerevan: Edit Print, 2010. 488 s.
4. *Daronyan Yu.S.* Sergey Gorodetskiy i Armeniya. Yerevan: Ayastan, 1985.
5. *Yenisherlov V.P.* «Syny otrazheny v otsakh...»: stat'i, ocherki, publikatsii. M.: Russkiy Mir, 2020. 576 s.
6. *Sharafadina K.I.* «Ne zabyt' mne Armenii nikogda»: sakral'nyy kod poeticheskoy knigi Sergeya Gorodetskogo «Angel Armenii» // Ararat: russkaya i natsional'nyye literatury: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 26-29 sentyabrya 2024 g. Yerevan: Meknark, 2024. S. 248-255.

**ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՊՈԵԶԻԱՅԻ «ՀԱՅԵՐԵՆ ՏԵՐՍԻ»
ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾԱԿԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ
(Ս. Մ. ԳՈՐՈԴԵՏԿՈՒ «ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀՐԵՇՏԱԿԸ» ԳԻՐՔԸ, 1918 թ.)**

Կ. Ի. ՇԱՐԱԳԱԴԻՆԱ

**Ռուսաստանի Դաշնության Պաշտպանության նախարարության
լոգիստիկայի ռազմական ակադեմիայի Ա.Վ. Խրուլյովի անվան
Ռազմական ինստիտուտ (ինժեներական և տեխնիկական)**

Այս հոդվածում գնահատվում է Ս. Դ. Ամիրխանյանի դերը ռուսական պոեզիայի «հայերեն» մետատեքստը կազմող բանաստեղծական ստեղծագործությունների բացահայտման, ուսումնասիրման և գիտական շրջանառության ներդրման գործում: Հեղինակը նաև ուսումնասիրում է Ս.Մ. Գորոդեցկու «Հայաստանի հրեշտակը» (1918 թ.) շարքի ստեղծագործական պատմությունը, որը նախկինում մանրամասնորեն վերակառուցվել է Ս.Դ. Ամիրխանյանի կողմից և լրացվել է նոր հետազոտություններով: Բացահայտվում են հրատարակված և նոր հայտնաբերված չհրատարակված բանաստեղծությունների միջև հիմնական ասոցիատիվ կապերը:

Բանալի բառեր՝ Ս.Դ. Ամիրխանյան, Ս.Մ. Գորոդեցկի, «հայերեն» մետատեքստ, 20-րդ դարի ռուսական պոեզիա, ստեղծագործական պատմություն, ցիկլիկություն, մշակութային հասկացություններ:

**ON THE CREATIVE HISTORY OF THE «ARMENIAN TEXT» OF
RUSSIAN POETRY**

(S. M. GORODETSKY'S BOOK «THE ANGEL OF ARMENIA», 1918)

K. I. SHARAFADINA

**MI (IT) of the Military Academy of Logistics and Defense of the Ministry of
Defense of the Russian Federation named after General of the Army**

A. V. Khrulyov

This article evaluates M. D. Amirkhanyan's contribution to the identification, study, and introduction into scholarly circulation of poetic works that collectively formed the "Armenian" metatext of Russian poetry. The author also examines the creative history of S. M. Gorodetsky's cycle "Angel of

Armenia" (1918), previously reconstructed in detail by M. D. Amirkhanyan, supplemented by new research. Key associative links between published and newly discovered unpublished poems are identified.

Key words: *M. D. Amirkhanyan, S. M. Gorodetsky, "Armenian" metatext, 20th-century Russian poetry, creative history, cyclicity, cultural concepts.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 25 июля 2025 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.04.2026.

ЛИНГВИСТИКА

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССАХ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

А. Г. ВАРДАНЫАН

ГУ им. В.Я. Брюсова

anahit-1@mail.ru

Л. Г. ВАРДАНЫАН

ГУ им. В.Я. Брюсова

nlusinevardanyan@gmail.com

Помимо лексико-семантических процессов лингвисты отмечают особые явления, свойственные только терминологии. В термине при постоянстве внешней стороны языкового знака возможно изменение структуры понятия, отраженного в дефиниции. Это происходит в условиях эволюции понятия, становления его на разных этапах развития научных знаний. В языке науки нет единого мнения по вопросу о сущности термина. Сложилось множество противоречивых точек зрения на языковую природу термина. Однако все лингвисты сходятся в том, что термины во многом отличаются от других слов литературного языка.

Ключевые слова: термин, терминосистема, синонимия, полисемия, специальная лексика, омонимия, нейтральная лексика, антонимия, профессиональная коммуникация, информативная единица.

Период развития терминоведения как особой отрасли начался в эпоху Возрождения, т.е. становления и развития наук, и

терминологические системы складывались стихийно и намного позже. В обиходе появились понятия «термин» и «терминология». Под «терминологией» понималась система или группа специальных слов, используемая в определённой области науки.

В трудах М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина закладывались принципы построения и отбора русских терминов различных гуманитарных и естественных наук, появились первые словари специальной лексики, предпринимались попытки их систематизации. Постепенно формируются терминоведческие школы: советская, позднее – российская, австро-германская, чешская, скандинавская, романская, канадо-квебекская и др. Эти школы разрабатывают свою философию и методологическую платформу. По свидетельству канадского терминоведа Г.Рондо, именно в СССР родилось терминоведение как самостоятельная научная дисциплина (Guy Rondeau, «Introduction à la terminologie», 1980).

Интерес к научному стилю в целом и терминологии в частности в языкознании проявился лишь с середины двадцатого века. В 1960-х известный терминолог Д.С. Лотте сформулировал ряд требований к термину. С целью устранения многозначности, синонимии, неточности, наличия терминов, которые не имеют твердо фиксированных значений, употребления труднопроизносимых терминов, иноязычных терминов и предложил методы по упорядочиванию терминологической системы: термин по своей природе должен точно и однозначно выражать обозначаемое понятие или явление.

Как отмечают лингвисты, термин является точным носителем информации о научном явлении и/или понятии. Однако для большого числа терминов характерны полисемия, омонимия, синонимия и пр. Со временем термин закрепляется в одной отрасли науки, расширяя словарный состав языка. Следовательно, ему не могут быть чужды и такие лексико-семантические процессы, характерные для общелитературного языка, как синонимия, антонимия, многозначность. Таким образом, расширение словарного корпуса языка происходит также за счет принятия терминов.

Очень важно определить место терминологии в лексической системе языка. По данному вопросу сложились две основные точки зрения: терминоведческая и языковедческая. Одни учёные считают, что терминологии, обслуживающие коммуникативные потребности конкретных отраслей знания и деятельности, существуют и функционируют в языковой среде. При таком подходе термины получили в литературе разные наименования: *язык науки, специальный язык, язык для специальных целей*.

Другая часть лингвистов рассматривает *специальное слово и общелитературное* как омонимичные. Позиция В.В. Виноградова сводится к разграничению общелитературных слов и терминов: «Слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т.е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный термин» [3, 16].

Формирование терминологии той или иной отрасли знания в большой степени зависит от расширения знаний, т.е. характерной особенностью терминологических знаков является намерение и использование обозначения специальных реалий в профессиональном общении. Осознанное использование слов-терминов гарантирует обеспечивает взаимопонимание в профессиональном сообществе. Мнения ученых разнятся и по вопросу о свойствах и функциях термина. Одни считают термин единицей научного стиля, обладающей всеми функциями, присущими слову и лексеме. Другие лингвисты признают, что термин имеет ряд существенных особенностей как носитель конкретного специального обозначения или значения, точен по семантике, сфере употребления.

Рассмотрим влияние всех названных выше процессов на профессиональную коммуникацию. Так, в медицинской терминологии происходят разночтения, связанные с выбором одного из существующих терминов, называющих одно явление (например, «островки Лангерганса», «болезнь Паркинсона», «синдром Ван Гога» или «болезнь Боткина» – «*вирусный гепатит*»). Чаще всего один из терминов-синонимов является мотивированным, т.е. несет в себе

информацию о природе заболевания или отличительных признаках того или иного явления. Предпочтение, безусловно, отдаётся мотивированному термину, так как заложенная в нем информация важнее с точки зрения понимания термина.

Немало трудностей для профессиональной коммуникации вызывает наличие у одного термина нескольких значений (о чем уже сказано выше). Данное явление может свидетельствовать как о полисемии термина, так и об омонимии. Наиболее распространенным является терминологическая многозначность. Полисемия термина возникает при обозначении одним термином разных денотатов или понятий, относящихся к одной или нескольким близким областям знания. Отметим, что это присуще не только терминам, но и всему лексическому составу языка.

Использование одного и того же термина в лингвистике, физике, химии, медицине, биологии, логике, философии считается проявлением межнаучной терминологической полисемии, поскольку в разных сферах научного отображения значения в термине в его основе используется понимание общности, уподобления и схожести процессов. Известно, что основной отличительной чертой межсистемной полисемии от омонимии является наличие у разных значений термина общих сем. Например, многозначный термин *аборт* в медицине обозначает прерывание беременности, а в авиации он имеет значение «аварийное прекращение полета». Или термин *морфология* в лингвистике обозначает:

1. Раздел грамматики, наука о частях речи, об их категориях и о формах слов.

2. Принадлежащая языку система частей речи, их категорий и форм слов, описание морфологии русского языка, а в некоторых естественных науках, в частности, в медицине – строение, форма: морфология человека, морфология животных, морфология растений, морфология почвы.

Современная международная ситуация, характеризующаяся быстрым ростом и развитием политического, юридического и научного сотрудничества, требует повсеместного изучения иностранных языков. Необходимость знания иностранных языков

продиктовано тесным сотрудничеством стран. Терминология играет важнейшую роль в обеспечении профессиональной коммуникативной компетенции специалиста. В каждой специальной языковой научной коммуникативной сфере лежит терминологическая система, участники коммуникации используют не только специальную лексику отраслей.

Повторимся, под специальной лексикой понимается вся совокупность лексических средств, употребляемых в специальных отраслях человеческой деятельности. Следовательно, под термином *специальная лексика* понимается узкоспециальная терминология. Термины — это лексические единицы, слова специальные, однозначные, являющиеся точным выражением понятий и названий вещей. А это необходимо в науке, технике, политике и дипломатии.

Отличительными признаками термина является смысловая точность, отсутствие омонимии, полисемии, термин — объект определения. Также известно, что термин лишён экспрессии и ограничен сочетаемостью с другими словами. Следует отметить, что между терминами и нетерминами происходит постоянный переход — из одной области науки в другую. И в каждой терминологической системе, в том числе связанной с лингвистикой, есть определенная группа терминов, имеющих несколько значений. Например:

Калька, -и, род. мн. калек, ж. 1. Прозрачная бумага или ткань для снятия копий с чертежей и рисунков. 2. Копия чертежа, рисунка на такой бумаге. *Новый район еще в кальке* (только планируется, в чертежах). 3. В языкознании: слово или выражение, образованное путем буквального перевода иноязычного слова или выражения.

Один и тот же термин может функционировать как в профессиональной коммуникации в конкретных значениях, так и может обслуживать коммуникацию лиц, имеющих неодинаковое представление об объекте терминологической номинации.

Некоторые лингвисты отмечают такой характерный признак, как смысловая точность, отсутствие омонимии, полисемии. Однако на практике в процессе коммуникации носителю языка не всегда удастся сохранить четкое значение термина, и термин используется

уже в других терминологических системах данного языка и представляет собой межнаучную терминологическую омонимию.

В современной лингвистике термин определяется как явление динамическое, и под терминологизацией понимается не только процесс перехода слова из общеупотребительной лексики в специальную, но и дальнейшее его развитие как термина. А это развитие, т.е. появление у термина новых значений, приводит к возникновению полисемии.

Вопрос о многозначности термина относится к числу наиболее актуальных проблем современного теоретического терминоведения. Следует отметить, что выдвинутое в 1961 г. Д.С. Лотте требование терминологической однозначности сегодня признано несостоятельным и часто подвергается критике (например, К.Я. Авербух, В.П. Даниленко, В.М. Лейчик, А.В. Суперанская, А. Г. Ходакова и др.).

Однако теоретический материал показывает, что, несмотря на существенный объем информации по данному вопросу, в лингвистической литературе и, в частности, в работах по терминоведению, отсутствует единство мнений в том, что считать многозначностью термина. Одни ученые разграничивают понятия полисемии и многозначности.

Так, А.А. Филиппова считает, что если значения термина представлены в рамках одной словарной статьи, то речь идет о полисемии термина. Если же значения термина выявляются в дискурсе и при этом не зафиксированы в одной словарной статье, то можно говорить только о многозначности термина. При таком подходе, под многозначностью понимается контекстная вариантность, контекстуальное (семантическое) варьирование термина или речевая многозначность. Другие (например, В.М. Лейчик, С.Д. Шелов) употребляют термины «многозначность» и «полисемия» равнозначно, не приводя дефиниций или объяснений. Можно сказать, что термин *многозначность* употребляется в его широком понимании для наименования полисемии и омонимии термина как противопоставление его однозначности. Они акцентируют внимание на однозначности термина как одном из

главных свойств его нормативности. Это приводит к противоречиям: с одной стороны, определяют принадлежащие к разным терминосистемам термины как семантические омонимы, с другой стороны, относят данные термины к многозначным словам. Считается, что часто встречающимся случаем многозначности является использование одного и того же термина в близких областях знания с несколько различными значениями или признается многозначность, в частности полисемия, явлением, характерным и естественным для терминологии. Из сказанного следует, что ученые используют термин *многозначность* в его широком понимании, признавая полисемию и омонимию как явления одного уровня.

Например: *падеж* – см.: мор (Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – Под. ред. Н. Абрамова, М.: Русские словари, 1999); падеж – повальная болезнь, мор, номинатив, датив, смертность, эпидемия, генитив, аккузатив, аблатив, поветрие, элатив (Словарь русских синонимов); падеж сущ., кол-во синонимов: 10 • аблатив (2) • аблятив (2) • аккузатив (1) • генитив (2) • датив (1) • номинатив (1) • упадок (30) • элатив (3) • элятив (2) • эргатив (1). (Словарь синонимов ASIS. В.Н. Тришин. 2013). Синонимы: аблатив, аккузатив, валеж, генитив, датив, мор, номинатив, пагуба, повальная болезнь, поветрие, скотская хворь, смертность, ускотье, элатив, эпидемия, эпизотия, эргатив.

падеж – (грамм.) — этим термином обозначаются различные формы, которые принимает то или другое имя (существительное, прилагательное; местоимение, числительное).

частицы – лексико-грамматический разряд слов, служащих для выражения отношения говорящего к высказываемому, а также для образования некоторых грамматических форм

частицы – частицы мн. Небольшие твердые крупинки, из которых состоит что-либо.

Подобные явления нередко препятствуют эффективной научной и профессиональной коммуникации, однако они являются естественным следствием развития научного знания в целом и терминологии, в частности. И, повторимся, такие явления, как синонимия, омонимия и полисемия, являются неотъемлемой

характеристикой терминологии. Многозначные термины расширяют лексический и семантический потенциал языка науки, способствуя при этом языковой экономии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авербух К.Я.* Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания. 1986, № 6.
2. *Верещагин Е.* У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества // Вопросы языкознания. 1982. № 6.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
4. *Гринев С.В.* Введение в терминоведение. М., 1993.
5. *Даниленко В.П.* Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по терминологии. М.: Наука, 1971.
6. *Квитко И.С.* Термин в научном документе. Львов: Вища школа, 1976.
7. *Лантев В.Д., Татаринов В.А.* Новые пути описания терминологии // Терминологический вестник. М.: Московский лицей. Русский филологический вестник, 2000. № 1.
8. *Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

REFERENCES

1. *Averbukh K.Ya.* Terminologicheskaya variantnost': teoreticheskij i prikladnoy aspekty // Voprosy yazykoznaniiya. 1986, № 6.
2. *Vereshchagin Ye.* U istokov slavyanskoy filosofskoy terminologii: mentalizatsiya kak priyem terminotvorchestva // Voprosy yazykoznaniiya. 1982. № 6.
3. *Vinogradov V.V.* Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove. – M., 1972.
4. *Grinev S.V.* Vvedeniye v terminovedeniye. M., 1993.
5. *Danilenko V.P.* Leksiko-semanticheskiye i grammaticheskiye osobennosti slov-terminov // Issledovaniya po terminologii. M., Nauka, 1971.
6. *Kvitko I.S.* Termin v nauchnom dokumente. L'vov: Vishcha shkola, 1976.

7. *Laptev V.D., Tatarinov V.A.* Novyye puti opisaniya terminologii // Terminologicheskiy vestnik. M.: Moskovskiy litsey. Russkiy filologicheskiy vestnik, 2000. № 1.
8. *Lotte D.S.* Osnovy postroyeniya nauchno-tehnicheskoy terminologii. Voprosy teorii i metodiki. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961.

ԼԵՉՎԻ ՏԵՐՄԻՆԱԲԱՆԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳՈՒՄ ՈՐՈՇԱԿԻ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐԻ ՀԱՐՑԻ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ

Ա. Գ. ՎԱՐԴԱՆՅԱՆ, Լ. Գ. ՎԱՐԴԱՆՅԱՆ

Բրյուսովի անվան պետական համալսարան

Գիտության լեզվի բառապաշարային և իմաստաբանական գործընթացներից բացի, լեզվաբանները նշում են տերմինաբանությանը բնորոշ հատուկ երևույթներ: Մինչդեռ լեզվական նշանի արտաքին կողմը մնում է անփոփոխ, սահմանման մեջ արտացոլված հասկացության կառուցվածքը կարող է փոխվել տերմինի ներսում: Սա տեղի է ունենում հասկացության զարգացմանը՝ գիտական գիտելիքների զարգացման տարբեր փուլերում զարգանալուն զուգընթաց: Գիտության լեզվով տերմինի էության վերաբերյալ կոնսենսուս չկա: Տերմինի լեզվական բնույթի վերաբերյալ ի հայտ են եկել բազմաթիվ հակասական տեսակետներ: Այնուամենայնիվ, բոլոր լեզվաբանները համաձայն են, որ տերմինները շատ առումներով տարբերվում են գրական լեզվի մյուս բառերից:

***Բանալի բառեր՝** տերմին, տերմինաբանական համակարգ, հոմանիշ, բազմանշանակություն, մասնագիտացված բառապաշար, համանունություն, չեզոք բառապաշար, հսկանիշ, մասնագիտական հաղորդակցություն, տեղեկատվական միավոր:*

ON THE QUESTION OF SOME PROCESSES IN THE TERMINOLOGICAL SYSTEM OF THE LANGUAGE

A. G. VARDANYAN, L. G. VARDANYAN

Bryusov State University

In addition to lexico-semantic processes in the language of science, linguists note special phenomena peculiar only to terminology. In a term, with the constancy of the external side of the linguistic sign, it is possible to change the structure of the concept reflected in the definition. This happens in the context of the evolution of

the concept, its formation at different stages of the development of scientific knowledge. In the language of science, there is no consensus on the essence of the term. There are many contradictory points of view on the linguistic nature of the term. However, all linguists agree that the terms differ in many ways from other words in the literary language.

Key words: *term, terminosystem, synonymy, polysemy, special vocabulary, homonymy, neutral vocabulary, antonymy, professional communication, informative unit.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 25 февраля 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

КРЕОЛИЗАЦИЯ ТЕКСТА: ПОЛИКОДОВОСТЬ, ЭЛЕМЕНТЫ И КЛАССИФИКАЦИИ

В. А. ГРИГОРЯН

Российско-Армянский университет

violetta.grigoryan@rau.am

В статье рассматривается понятие креолизованного текста, его особенности, элементы и классификации. Анализируются вербальные и невербальные семиотические компоненты текста, их взаимосвязь и поликодовость, а также принципы создания креолизованного текста с сохранением информативности. Особое внимание уделено современным классификациям: по степени креолизации, по роли изображения в передаче информации, по наличию гиперкодов и по уровню вовлеченности реципиента. Материал может быть полезен для филологов, исследователей медиадискурса, специалистов в области рекламы и визуальной коммуникации.

Ключевые слова: креолизованный текст, поликодовость, вербальные и невербальные элементы, классификация текстов, гиперкод, визуальная коммуникация, вовлеченность реципиента, реклама, медиадискурс.

Обращение к креолизованному тексту сегодня получает большую популярность в связи с активным развитием современных средств передачи информации, поскольку отвечает актуальным принципам ее быстрого восприятия. Ведь представляется очевидным, что недлинный слоган или картинка воспринимаются индивидом во много раз быстрее, нежели небольшой абзац текста.

Актуальность изучения креолизированных текстов связана еще и с возникновением важной на сегодняшний день области языкознания, а именно – паралингвистики, объектом исследования которой является непосредственно невербальный текст, в том числе и конкретные неязыковые средства, используемые в коммуникативном акте [2].

Отметим, что креолизированные тексты, согласно статистическим данным, встречаются в повседневной коммуникации достаточно часто, обладая специфическими функциями воздействия на адресата. Эта функция обуславливает активное их использование в медиадискурсе.

Научный термин «*креолизированный текст*» был впервые введен в научный обиход в XX веке. Изначально данный термин функционировал в целом для обозначения различных языков, которые образовались непосредственно в процессе слияния определенных культурных и языковых систем. Позже значение этого терминологического сочетания заметно расширилось: оно стало использоваться применительно к различным знаковым системам уже в более широком смысле [3; 4].

В настоящее время в научном дискурсе понятие *креолизированный текст* предлагается как текст, объединяющий вербальные и невербальные семиотические системы, в результате чего формируется четкая целостная структура, имеющая определённые научные прагматические и функциональные характеристики. Отметим, что сегодня самым распространённым средством креолизации текстов являются иллюстрации и графические элементы. Они определённым образом влияют как на восприятие информации, так и на ее смысловое содержание в целом.

Следует оговорить, что окончательный перечень элементов креолизации все еще остается неустановленным. Наиболее регулярными являются такие характеристики как:

→ *цветной шрифт*,

→ *особое оформление текста*

символы, графические композиции и иконические знаки [5; 6; 8; 9].

В дальнейшем большую популярность стали приобретать так называемые иконические знаки, являющиеся востребованным средством креолизации текста.

Креолизация текста происходит не только с помощью изобразительных средств. Здесь используются обонятельные, слуховые и тактильные стимулы. Подобные формы воздействия весьма активно широко используются в современной рекламе, где креолизация направлена непосредственно на создание огромного эмоционального отклика у потребителя.

Выше мы отмечали, что понятие креолизованного текста появилось сравнительно недавно, однако ученые уже успели предложить ряд актуальных определений. При этом объединяющей особенностью предложенных авторами определений можно назвать поликодовость креолизованного текста. Это четко подразумевает синтез нескольких семиотических систем [10: 180—181].

Данная особенность обуславливает двойное декодирование информации. Таким образом в процессе восприятия креолизованного текста реципиент в-первую очередь обращает внимание именно на визуальные элементы, а лишь затем — на вербальный компонент.

Итак, невербальные и вербальные элементы креолизованного текста практически не могут быть интерпретированы независимо друг от друга. В противном случае восприятие окажется неточным и неполным. Получается, что только лишь сочетание отмеченных компонентов может реально обеспечить полноту смыслового содержания рассматриваемого текста. Следует оговорить, что так называемая поликодовость проявляется не всегда при наличии графического сопровождения высказывания, а лишь в тех случаях, когда визуальный или иной креолизационный элемент дополняет и развивает значение текста [10: 90].

Можно констатировать, что одной из ключевых задач креолизованного текста является обеспечение легкости восприятия информации для реципиента. Создание такого текста (при обязательном условии сохранения по-возможности максимальной информативности) являет собой достаточно трудоемкую задачу, грамотное решение которой может серьезно облегчиться при условии

соблюдения определённых правил, к числу которых, в частности, авторы относят:

→ обеспечение информативной целостности текста и изображения, при которой оба элемента дополняют друг друга, а не противоречат;

→ избегание дублирования информации, передаваемой одновременно вербально и визуально; использование грамматически простых конструкций, преимущественно односоставных предложений и императивов;

→ соблюдение лексической однообразности, то есть преобладание определенной части речи на протяжении всего текста (чаще всего — существительных);

→ обеспечение высокой семантической насыщенности текста при относительно простой грамматической структуре.

Относительно научной классификации рассматриваемых текстов, можно отметить, что в научной литературе в настоящее время практически отсутствует единая точка зрения по данному вопросу. Сегодня общепризнанными можно назвать плакаты и рекламу, ибо они наиболее изучены. Однако нередко к креолизированным текстам исследователи относят карикатуры и демотиваторы, однако отметим, что данная эта точка зрения еще не получила в научной литературе окончательного признания.

Некоторые исследователи предлагают классифицировать креолизированные тексты непосредственно по характеру связей между речевым и изобразительным компонентом. В данном ракурсе можно говорить о эксплицитно выраженных и эксплицитно невыраженных текстах:

→ к первым относятся тексты, в которых связь текста и изображения явно прослеживается,

→ во втором случае эта связь носит опосредованный и неявный характер.

Исследователь Е.Е. Анисимова представила интересную классификацию креолизированных текстов, которую на современном этапе можно считать базовой [1]. Данная классификация разработана

на основе характера связей между креолизированным текстом и изображением. Так, Анисимова выделяет 3 категории текстов, которые четко различаются по степени креолизации, а также расположением элементов креолизации в тексте:

- *Текст с нулевой креолизацией.*
- *Частично креолизированный текст.*
- *Полностью креолизированный текст.*

В научной литературе нередко можно встретить классификацию креолизированных текстов, основанную на *роли изображения в процессе передачи информации.*

Одной из современных классификаций креолизированных текстов можно считать разделение по наличию или отсутствию *гиперкодов* в их составе [11].

Помимо этого, креолизированные тексты классифицируют по степени вовлеченности реципиентов:

- *Минимальная вовлеченность.*
- *Средняя вовлеченность.*
- *Высокая вовлеченность.*

При этом выбор, использовать или проигнорировать данную информацию, остаётся за реципиентом.

Рассмотренный нами феномен креолизованного текста представляет собой относительно новое, но уже достаточно активно исследуемое явление в современной лингвистике и медиакommunikации. Анализ научной литературы показывает, что креолизированный текст характеризуется поликодовостью — объединением вербальных и невербальных элементов, которые в совокупности создают целостное смысловое сообщение. Важно подчеркнуть, что эффективность восприятия такого текста напрямую зависит от гармоничного взаимодействия всех его компонентов. В случае разрыва или несоответствия между вербальным и визуальным элементом смысловая нагрузка текста снижается, а реципиент воспринимает сообщение искажённо или фрагментарно.

Одним из ключевых выводов является то, что креолизация текста не ограничивается лишь визуальными средствами. Современные коммуникационные практики активно используют обонятельные,

слуховые и тактильные стимулы, что делает креолизованные тексты многомерными и многосенсорными. Особенно это проявляется в рекламе и медиапроизводстве, где креолизация направлена на формирование эмоционального отклика, повышение вовлеченности аудитории и усиление эффекта запоминания. Следовательно, креолизованные тексты выступают не только средством передачи информации, но и инструментом воздействия на когнитивные и эмоциональные процессы реципиента.

Несмотря на заметное развитие исследований в этой области, ряд вопросов остаётся открытым. Во-первых, до сих пор отсутствует единая классификация креолизованных текстов, что связано с высокой вариативностью их форм и функций. Различные подходы, предложенные исследователями, учитывают либо характер взаимодействия вербального и визуального компонентов, либо степень вовлеченности реципиента, либо наличие гиперкодов. Во-вторых, окончательный перечень креолизационных элементов остаётся неопределённым: наряду с цветом, шрифтом, графикой и символами активно внедряются новые виды иконических знаков и мультимодальные стимулы.

Актуальность дальнейшего изучения креолизованных текстов связана с быстрым развитием цифровых коммуникаций и медиaprостранства. Сегодня наблюдается экспоненциальный рост визуальной информации, мемов, инфографики, интерактивных публикаций и мультимедийных сообщений, которые невозможно полноценно интерпретировать с позиции традиционных текстологических подходов. Креолизованные тексты обеспечивают возможность интеграции этих новых форм коммуникации в академические и практические исследования, создавая потенциал для междисциплинарного анализа, объединяющего лингвистику, семиотику, когнитивные науки и медиаисследования.

Следует также отметить, что креолизованный текст обладает значительным образовательным потенциалом. Его использование в учебной и научной практике может способствовать формированию навыков критического восприятия информации, развитию визуальной грамотности и понимания поликодовых

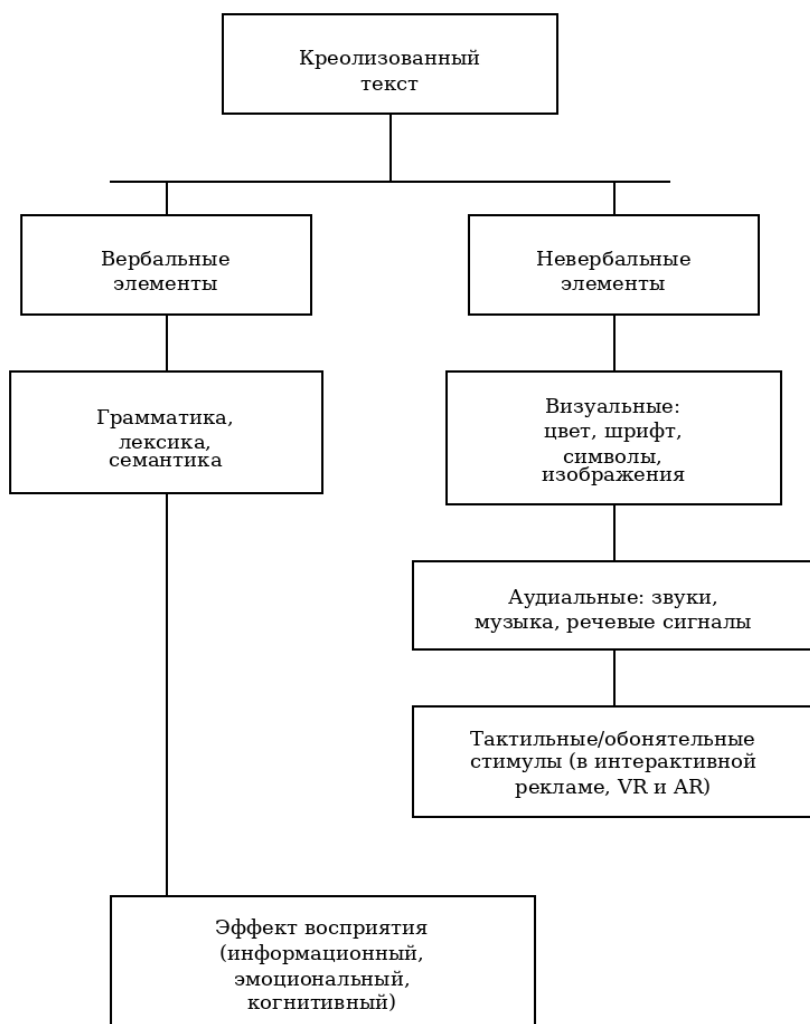
коммуникационных стратегий. В частности, интеграция креолизированных элементов в образовательные материалы повышает эффективность усвоения информации, облегчает восприятие сложных концептов и стимулирует активное вовлечение студентов.

Наконец, можно констатировать, что креолизированные тексты становятся неотъемлемым элементом современного медиапространства. Их исследование позволяет выявить закономерности функционирования информационных потоков, механизмы воздействия на аудиторию и стратегии визуально-текстового синтеза. При этом дальнейшая разработка теоретических моделей креолизированных текстов и формализация их классификаций представляются ключевыми задачами современного языкознания и медиакоммуникаций.

Таким образом, креолизированный текст следует рассматривать как динамичный, поликодовый и мультимодальный феномен, важность которого в условиях стремительно развивающихся технологий передачи информации будет только возрастать. Исследование креолизированных текстов открывает новые возможности для анализа современной коммуникации, разработки эффективных стратегий медиапродукции и создания образовательных материалов, способствующих глубокому и многомерному восприятию информации.

Важным аспектом является то, что элементы креолизованного текста взаимозависимы: вербальные компоненты не могут интерпретироваться без визуальных, аудиальных или тактильных элементов, и наоборот. Нарушение этой гармонии снижает эффективность коммуникации и приводит к фрагментарному восприятию информации.

Ниже представлена концептуальная схема, отражающая взаимосвязь основных компонентов креолизованного текста:

Данная схема наглядно демонстрирует, что креолизованный текст функционирует как мультимодальная система, в которой каждый компонент способствует формированию полного смысла и эмоционального отклика у реципиента.

Таким образом, креолизованные тексты представляют собой не только объект теоретического исследования, но и инструмент практической коммуникации, способный адаптироваться к современным цифровым и мультимедийным форматам. Их изучение открывает новые возможности для понимания современных

информационных процессов, оптимизации медиапродукции и разработки образовательных стратегий, ориентированных на поликодовое восприятие информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
2. *Анисимова Е.Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания, 1992. – С. 71-79.
3. *Бернацкая А.А.* К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Ред. А. П. Сковородников. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2000. – С. 104-110.
4. *Богоявленская Ю. А.* Креолизованный текст: проблема определения понятия // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. М.: Просвещение, 2019. – С. 27-32.
5. *Вашунина И.В.* Иллюстрирование как средство визуализации текстовой информации. – Москва, 2008. – 47 с.
6. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика, 2007. – С. 180-183.
7. *Дубовицкая Л.В.* Феномен креолизованного текста: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2013. – 22 с.
8. *Пойманова О.В.* Семантическое пространство видеовербального текста. Автореф. дисс. . канд. филол. наук. – М., 1997. – 134 с.
9. *Резникова А.И.* Структурные и лингвистические особенности французского комикса как креолизованного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. – С. 165-168.
10. *Сорокин Ю.А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография. М.: Высшая школа, 1990. – С. 180-186.
11. *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

REFERENCES

1. *Anisimova Ye.Ye.* Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov). M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2003. – 128 s.
2. *Anisimova Ye.Ye.* Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannykh i gibridnykh tekstov) // *Voprosy yazykoznaniya*, 1992. – S. 71-79.
3. *Bernatskaya A.A.* K probleme «kreolizatsii» teksta: istoriya i sovremennoye sostoyaniye // *Rechevoye obshcheniye: Spetsializirovanny vestnik* / Red. A. P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gos. un-t, 2000. – S. 104-110.
4. *Bogoyavlenskaya Yu. A.* Kreolizovanny tekst: problema opredeleniya ponyatiya // *Aktual'nyye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*. M.: Prosveshcheniye, 2019. – S. 27-32.
5. *Vashunina I.V.* Illyustrirovaniye kak sredstvo vizualizatsii tekstovoy informatsii. – Moskva, 2008. – 47 s.
6. *Voroshilova M.B.* Kreolizovanny tekst v politicheskom diskurse // *Politicheskaya lingvistika*, 2007. – S. 180-183.
7. *Dubovitskaya L.V.* Fenomen kreolizovannogo teksta: avtoref. dis. kand. filol. nauk. M., 2013. – 22 s.
8. *Poymanova O.V.* Semanticheskoye prostranstvo videoverbal'nogo teksta. Avtoref. diss. . kand. filol. nauk. – M., 1997. – 134 s.
9. *Reznikova A.I.* Strukturnyye i lingvisticheskiye osobennosti frantsuzskogo komiksa kak kreolizovannogo teksta // *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2013. – S. 165-168.
10. *Sorokin Yu.A.* Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya / Yu.A. Sorokin, Ye.F. Tarasov // *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya*. M.: Vysshaya shkola, 1990. – S. 180-186.
11. *Chernyavskaya V.Ye.* Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2009. – 248 s

ՏԵԺՍՏԻ ԿՐԵՈԼԻԶԱՅԻՎ. ՊՈԼԻԿՈԴ, ՏԱՐԲԵՐ և ԴԱՍԱԿԱՐԳՈՒՄՆԵՐ

Վ. Հ. ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ

Ռուս-Հայկական Համալսարան

Հոդվածում քննարկվում է կրեոլացված տեքստի հասկացությունը, դրա առանձնահատկությունները, տարրերը և դասակարգումները: Հոդվածում

վերլուծվում են տեքստի բանավոր և ոչ բանավոր նշանագիտական բաղադրիչները, դրանց փոխկապակցվածությունը և պոլիկոդը, ինչպես նաև կրեոլացված տեքստ ստեղծելու սկզբունքները՝ պահպանելով տեղեկատվականությունը: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում ժամանակակից դասակարգումներին՝ կրեոլացման աստիճանով, պատկերների դերով տեղեկատվության փոխանցման մեջ, հիպերկոդերի առկայությամբ և ստացողի ներգրավվածության մակարդակով: Նյութը կարող է օգտակար լինել բանասերների, մեդիա դիսկուրսի հետազոտողների, գովազդի և տեսողական հաղորդակցության ոլորտի մասնագետների համար:

Բանալի բառեր՝ կրեոլացված տեքստ, պոլիկոդ, բանավոր և ոչ բանավոր տարրեր, տեքստի դասակարգում, հիպերկոդ, տեսողական հաղորդակցություն, ստացողի ներգրավվածություն, գովազդ, մեդիա դիսկուրս:

CREOLIZATION OF THE TEXT: POLYCODE, ELEMENTS AND CLASSIFICATIONS

V. H. GRIGORYAN

Russian-Armenian University

The article discusses the concept of a creolized text, its features, elements and classifications. The article analyzes the verbal and non-verbal semiotic components of the text, their interrelation and polycode, as well as the principles of creating a creolized text while maintaining informativeness. Special attention is paid to modern classifications: by the degree of creolization, by the role of images in transmitting information, by the presence of hypercodes and by the level of recipient involvement. The material may be useful for philologists, researchers of media discourse, specialists in the field of advertising and visual communication.

Key words: creolized text, polycode, verbal and non-verbal elements, text classification, hypercode, visual communication, recipient engagement, advertising, media discourse.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 25 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА

К. Г. МУРАДЯН

ГУ им. В.Я. Брюсова
Языковой центр «Ordo»

christinamuradyan24@gmail.com

Проведенное исследование позволило утверждать, что многокомпонентные терминологические сочетания военного дискурса - это наилучшее языковое средство в области современного терминообразования. Проведенный анализ исследуемой проблемы показал, что на основе данного способа образовано 55 % двухкомпонентных военных терминологических сочетаний, 22 % трехкомпонентных сочетаний военного дискурса, 6 % более сложных четырёхкомпонентных сочетаний и всего лишь 1,2 % пятикомпонентных военных терминологических сочетаний.

Ключевые слова: *военный дискурс, военная терминология, военные терминологические сочетания, терминообразование, терминологический подъязык.*

Говоря о военном дискурсе, который являет собой специфический подъязык в системе любого кодифицированного языка [9], нельзя обойти вниманием способы словообразования современной лексики военного дискурса, в частности, ее терминологии. Заметный интерес языковедов к терминологическим подъязыкам, на наш взгляд, обусловлен стремительным ростом количества терминологических единиц (и не только в военном дискурсе, но и в других быстро развивающихся в настоящее время науках).

Можно согласиться с исследователем С. В. Гринёвым в том, что «в настоящее время число терминов отдельных наук превышает число общеупотребительных слов» [1: 8]. Причем быстрое распространение терминологических словарных единиц за пределами конкретных ситуаций общения, связанных непосредственно с той или иной профессиональной деятельностью, – это специфическая оригинальная примета современности.

В настоящее время использование терминологических единиц уже практически не является прерогативой специалистов в данной области знаний. И эта очевидная тенденция вполне применима также и по отношению военной терминологии. Так, согласно справедливому мнению В.В. Чеботаревой, «военная терминология регулярно употребляется в многообразии контекстов и находится в состоянии интенсивного развития в условиях современного технического прогресса» [2: 4].

Рассматривая обозначенную проблему словообразования на материале трех языков (армянский, русский, английский), можно констатировать, что основной словообразовательной моделью на сегодняшний день являются многокомпонентные сложные словосочетания. В этом ракурсе представляется целесообразным определить наиболее частотные структурные схемы неологичных терминологических сочетаний. Для этого, в первую очередь, следует определить актуальные продуктивные ядерные термины, поскольку именно вокруг них и группируются остальные компоненты сложных терминологических образований.

На материале английского языка нами установлены 2 варианта образования сложных терминологических сочетаний военного дискурса, а именно:

- ✓ **последовательное сворачивание номинации**, что происходит непосредственно за счет либо сращения, либо устранения конкретных компонентов атрибутивной группы;
- ✓ **последовательное усложнение номинации данного объекта** с помощью добавления видовых характеристик ядра, о котором говорилось выше.

Исследователи констатируют, что «удлинение» военного терминологического сочетания (что встречается довольно часто в научно-военном дискурсе) сильно влияет на его так называемую семантическую ёмкость. Этот процесс ведет уже к заметному ослаблению семантической валентности между компонентами терминологической единицы, состоящей из двух, а чаще более словарных единиц. Причем в процессе перевода данных сложных терминологических словосочетаний, весьма характерных для военного дискурса, возникают определенные проблемы, связанные с адекватностью и корректностью их перевода на другие языки.

Проведенный анализ выявил, что при переводе военных неологичных сложных терминологических сочетаний с английского языка на русский и на армянский (в большинстве случаев военные термины английского языка попадают в армянский через русский язык) приоритетными способами являются либо описательный перевод, либо калькирование. Нередко используется также и транскрипция/транслитерация. Хотя, справедливости ради отметим, что последние приемы применяются при переводе в основном единичных лексических единиц военного дискурса (возможно, в составе многословного словосочетания).

Материалом исследования стали структурно-семантические особенности военной терминологии английского языка, используемой непосредственно в публицистических текстах Великобритании и Соединенных Штатов, далее определили методы и приемы перевода английской военной терминологии на армянский и русский языки.

Нами рассмотрены характерные черты военной терминологии, основываясь на сюжетах, размещенных в СМИ, поскольку в средствах массовой коммуникации представлен огромный объем ее (военной терминологии) использования. В центре внимания современных СМИ постоянно оказываются какие-либо военные события, горячие точки, военные конфликты. А назначением СМИ является быстрое реагирование на все изменения, которые происходят в окружающем мире.

В этом контексте средства массовой коммуникации являются бесценным источником новообразованных терминов, пока еще не нашедших своего места в вокабуляре современного кодифицированного языка. При этом следует отметить, что терминологические неологизмы образуют зону трудностей для перевода на другие языки. В этом ракурсе военная терминология не составляет исключения.

Материалом нашего анализа стал корпус текстов англоязычных текстов статей о вопросах обороны, нового оружия, горячих точках, вооруженных конфликтах. Соответствующий аутентичный материал отобран нами из соцсетей, а именно: из интернет-версий англоязычных британский и американских периодических изданий «The National Interest», USA, «The US Navy», USA, «Popular mechanics», USA; «The Telegraph», UK. К анализу привлекались публикации за период с 2020 по 2025 год.

В первую очередь, нам следует определиться с понятием «военный термин». Далее, поскольку мы говорим о военных терминологических новообразованиях, постольку необходимо рассмотреть их словообразовательные модели в английском языке для проведения дальнейшего сопоставительно-типологического анализа.

Обобщив точки зрения различных авторов на характеристику военного термина, мы вслед за исследователем В.Н. Шевчуком определяем военный термин как сформированную устойчивую словарную единицу либо синтетической, либо аналитической номинации, которая закреплена за определенным понятием в понятийно-функциональной системе конкретной сферы военной деятельности в значении, которое регламентировано непосредственно его дефиницией [3: 8-9].

Представляется очевидным, что военная терминология являет собой весьма сложный, а также очень динамичный объект изучения. Пожалуй, это самая подвижная часть военного дискурса. Ведь появление новых военных терминологических единиц в языке реально зависит от объективных и субъективных причин, таких как, например, разработка нового вооружения, военной техники,

современные методы военных операций, модернизацией вооруженных сил и пр. [4: 14].

Оговорим, что в словообразовании военной лексики и терминологии новых методов не придумано. Рассматриваемые терминологические единицы появляются в языке согласно общепринятым в данном языке словообразовательным моделям, впрочем, как и другие новообразования любого кодифицированного языка. [5, 2006]. Общеизвестно, что новый термин может образовываться несколькими традиционными способами:

- с помощью словосложения,
- путем аффиксации,
- путем конверсии словарной единицы или непосредственно термина,
- прямого заимствования словарных единиц из греческого, латинского языков либо какого-нибудь современного языка,
- путем образования сложных терминологических сочетаний [4:14].

Причем некоторые из представленных способов в военной терминологии получают более широкое распространение, другие могут использоваться очень редко [5: 2006].

Мы проанализировали наиболее продуктивные способы создания военной лексики и терминологии современного периода времени. Наше исследование обозначенного вопроса показало следующее: самым активным способом образования военного термина оказались многокомпонентные терминологические сочетания военного дискурса, так называемые полилексемные, раздельнооформленные, а также семантически целостные сочетания словарных единиц, которые образованы непосредственно с помощью соединения двух, трех и более лексем [6: 27].

Вслед за Кудиновой Т.А., мы считаем, что преобладание терминологических словосочетаний военного дискурса над однословными военными терминами можно объяснить

неспособностью отдельных лексических единиц к обозначению, равно как и дифференцированию сложных понятий в области стремительно развивающихся военных технологий [9: 58], впрочем, как и к остальным областям знаний. Как справедливо отмечает О.П. Рябко, многокомпонентные терминологические словосочетания являются номинативно самодостаточными [8: 5]. Они могут идентифицировать конкретный объект непосредственно на уровне видовой или же подвидовой номинации. Это происходит в большинстве случаев практически без обращения к дефиниционной дополнительной информации [9: 58]. Отметим, что данные терминологические сочетания имеют серьезный с деривационный потенциал, образующийся на основе пересечения понятийных вариантов компонентов, непосредственно составляющих терминологическое словосочетание [7: 107].

Таким образом, можно утверждать, что многокомпонентные терминологические сочетания военного дискурса - это наилучшее языковое средство в области современного терминообразования. Проведенный анализ исследуемой проблемы показал, что на основе данного способа образовано 55 % двухкомпонентных военных терминологических сочетаний, 22 % трехкомпонентных сочетаний военного дискурса, 6 % более сложных четырехкомпонентных сочетаний и всего лишь 1,2 % пятикомпонентных военных терминологических сочетаний.

Главенствующим способом образования военной терминологической лексики можно считать двух- и трёхкомпонентные терминологические сочетания военного дискурса, которые состоят, в-первую очередь, из основного элемента, который определяет родовой признак данного понятия или его тематическую группу. К нему присоединяется атрибутивный элемент, передающий уже непосредственно отличительный видовой признак этого понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринев С. В. [Введение в терминоведение](#). М.: МГУ, 1993.

2. Чеботарева В.В. Английский военный термин в лингвистическом и социокультурном аспектах. Автореферат канд.филол.н. М., 2012
3. Шевчук В.Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: дис. ... д-р филол. наук. Москва, 1985.
4. Нелюбин Л. Учебник военного перевода. Английский язык. М.: Воениздат, 1981. 379 с.; Нелюбин Л.Л. Военный перевод и его особенности // Дормидонтов А.А., Нелюбин Л.Л., Васильченко А.А. Учебник военного перевода. Английский язык. М., 1972.
5. Лейчик В.М. Терминоведение предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006.
6. Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 200 с.
7. Абрамова Г.А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития (на материале русского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар: Изд-во КубГУУ 2003. 241 с.
8. Рябко О.П. Номинативные и структурно-семантические свойства сложных субстантивных образований (на материале названий растений): Автореф. дис. канд. филол. наук. Пятигорск, 1988. – 16 с.
9. Кудинова Т.А. К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подъязыка биотехнологий) // Вестник Пермского университета. 2011. № 2. С. 58-62.

REFERENCES

1. Grinev S.V. Vvedeniye v terminovedeniye. M.: MGU, 1993.
2. Chebotareva V.V. Angliyskiy voyennyy termin v lingvisticheskom i sotsiokul'turnom aspektakh. Avtoreferat kand.filol.n. M., 2012
3. Shevchuk V.N. Voyenno-terminologicheskaya sistema v statike i dinamike: dis. ... d-r filol. nauk. Moskva, 1985.
4. Nelyubin L. Uchebnik voyennogo perevoda. Angliyskiy yazyk. M.: Voenizdat, 1981. 379 s.; Nelyubin L.L. Voyennyy perevod i yego osobennosti // Dormidontov A.A., Nelyubin L.L., Vasil'chenko A.A. Uchebnik voyennogo perevoda. Angliyskiy yazyk. M., 1972.
5. Leychik V.M. Terminovedeniye predmet, metody, struktura. M.: KomKniga, 2006.

6. Tkacheva L.B. Osnovnyye zakonomernosti angliyskoy terminologii. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1987. – 200 s.
7. Abramova G.A. Meditsinskaya leksika: osnovnyye svoystva i tendentsii razvitiya (na materiale russkogo yazyka): diss. ... kand. filol. nauk. Krasnodar: Izd-vo KubGUU 2003. 241 s.
8. Ryabko O.P. Nominativnyye i strukturno-semanticheskiye svoystva slozhnykh substantivnykh obrazovaniy (na materiale nazvaniy rasteniy): Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Pyatigorsk, 1988. – 16 s.
9. Kudinova T.A. K voprosu o prirode mnogokomponentnogo termina (na primere angliyskogo pod"yazyka biotekhnologiy) // Vestnik Permskogo universiteta. 2011. № 2. S. 58-62.

ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՌԱԶՄԱԿԱՆ ԽՈՍՍՈՒՅԹԻ ՏԵՐՄԻՆԱԲԱՆԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ԲԱՌԱԿԱԶՄՈՒԹՅԱՆ ՄՈԴԵԼՆԵՐԸ

Ք. Հ. ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ

**Վ. Բրյուսովի անվան Պետական համալսարան
Լեզվի կենտրոն «Ordo»**

Ուսումնասիրությունը եզրակացնում է, որ ռազմական դիսկուրսում բազմաբաղադրիչ տերմինաբանական համադրությունները ժամանակակից տերմինաբանության ձևավորման լավագույն լեզվական գործիքն են: Ուսումնասիրվող խնդրի վերլուծությունը ցույց է տվել, որ այս մեթոդը կազմում է երկբաղադրիչ ռազմական տերմինաբանական համադրությունների 55%-ը, եռաբաղադրիչ ռազմական դիսկուրսի համադրությունների 22%-ը, ավելի բարդ չորսբաղադրիչ համադրությունների 6%-ը և հնգաբաղադրիչ ռազմական տերմինաբանական համադրությունների միայն 1.2%-ը:

Բանալի բառեր՝ ռազմական դիսկուրս, ռազմական տերմինաբանություն, ռազմական տերմինաբանական համադրություններ, տերմինաբանության ձևավորում, տերմինաբանական ենթալեզու:

WORD-FORMATION MODELS OF THE TERMINOLOGICAL SYSTEM OF MODERN MILITARY DISCOURSE

K. H. MURADYAN

V.Y. Bryusov State University
Language Center «Ordo»

The study concluded that multi-component terminological combinations in military discourse are the best linguistic tool in modern terminology formation. An analysis of the problem under study revealed that this method accounts for 55% of two-component military terminological combinations, 22% of three-component military discourse combinations, 6% of more complex four-component combinations, and only 1.2% of five-component military terminological combinations.

Key words: *military discourse, military terminology, military terminological combinations, terminology formation, terminological sublanguage.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 25 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.СХХII (122).2026 30.05.2026.

НЕОЛОГИЯ И НЕОЛОГИЗМ

А. Г. ОГАНЕСЯН

Ширакский государственный университет (ШГУ)

angela.gurgenovna@mail.ru

В статье рассматриваются термины «неологизм», «окказиональное слово», «потенциальное слово». Особая отрасль лексикологии – неология – наука о неологизмах исследует основные направления в современной неологии и классификацию неологизмов, их отличительные особенности, уточняющие терминологию. Значимо, что лингвистические исследования новых слов возникают с возникновением интереса к функциональной стороне языка и разграничением понятий «язык» и «речь».

Ключевые слова: неология, окказиональное слово, узуальное слово, потенциальное слово.

Введение.

Постоянное развитие языка приводит к появлению новых слов или неологизмов. Все новое, что происходит в жизни человека, в разных сферах, жизни общества, во многих разновидностях языка находит отражение в новых словах. Естественно, что новые слова непривычностью и необычностью своей формы всегда обращали на себя внимание и проблема новых слов (новообразований, неологизмов) существовала давно [5, с. 134].

Цель нашего исследования – стилистические особенности и функциональная специфика понятия «неологизм».

Основная часть. Неология – наука о новом в языке. Она помогает видеть язык в его динамике. Обратимся к терминам, которые употребляются при назывании новых слов. Лингвистические исследования новых слов возникают в связи с интересом к

функциональной специфике неологизмов и разграничением понятий «язык» и «речь».

Еще Фердинанд де Соссюр в связи с проблемой создания новых слов говорит о разграничении понятий «язык» и «речь»: «...новообразование, которое является завершением аналогии, первоначально принадлежит исключительно сфере речи. Именно в этой сфере и вне языка следует искать зарождение данного явления... В языке удерживается лишь незначительная часть новообразований, возникших в речи, но те, какие остаются, все же достаточно многочисленны [16, с. 199, 203]. Тот же аспект исследования, но уже на современном этапе развития науки дан В.В. Лопатиным в его книге «Рождение слова» [6, с. 62-63].

В лингвистике неологизмами называют любые новые слова, в том числе те слова, которые появляются в языке писателя и являются результатом словотворчества. Неологизмами лингвисты называют слова, которые связаны с новыми явлениями, понятиями, реалиями, которые необычны в связи со своей новизной, но довольно прочно входят в язык и которые не связаны с авторством. В наше время уже общеупотребительны такие слова, как *смартфон*, *гаджеты*, *флешка* и т.п., т.е. всё, что связано с новой техникой, которые в свое время считались неологизмами.

Исследованию неологизмов посвящены работы таких лингвистов, как Е.А. Немская, Н.З. Котелова, Р.Ю. Намитокова, А.Г. Лыков, Е.В. Сенько, О.А. Габинская, О.С. Ахманова, В.А. Козырев, В.Д. Черняк, С.И. Тогоева и др.

Отметим, что наряду с понятием неологизма в современной лингвистике активно используются также синонимичные ему понятия: новообразования, неолексемы, лексическая инновация.

Несмотря на многочисленные в настоящее время работы, посвященные проблемам образования новых слов в языке, среди ученых нет единого понимания сущности нового слова. «Что такое новое слово и каковы его главные признаки? – спрашивает А.Г. Лыков. – На этот, казалось бы, простой вопрос не так просто ответить. Во всяком случае, в нашей специальной литературе пока однозначного ответа нет как в отношении сущности и релевантных

признаков всякого нового слова, так и в отношении конкретных хронологических рамок, в пределах которых появление и бытие слова было бы ясным признаком его новизны в современном русском литературном языке [7, с. 94].

Известно, что неологизмы делятся на общеязыковые и авторские или индивидуально – стилистические. Общеязыковые, в свою очередь, можно разделить на языковые, лексические и семантические, в зависимости от способа их образования. Языковые неологизмы, как правило, служат для обозначения новых слов и понятий, ранее не существовавших в языке и не имеющих аналогов. Такие неологизмы фиксируются в словарях и входят в пассивный запас языка. Если слово получило широкое распространение в языке и активно употребляется, вскоре оно перестает быть неологизмом. Основной способ образования таких слов – заимствования из других языков: имидж, компьютер, бюро. Лексические неологизмы появляются с помощью словообразовательной деривации (образования новых слов из существующих в языке морфем по известным продуктивным моделям, т.е. по образцу уже существующих в языке слов: лунография, дедморобус, компьютерщик, компьютеризация.

При семантической деривации новые слова, уже существующие в языке, приобретают новое значение: *зебра* – разметка на дорожном полотне, обозначающая пешеходный переход; *чайник* – неспециалист со слабыми навыками в чем-либо.

Известно также, что индивидуально-авторские неологизмы создаются писателями и поэтами с определенной художественной целью, которые называются окказиональными или окказионализмами. Например, с суффиксами: – *golʹ*: грустителъ, выразителъ; *ostʹ*: глазатость, дымность.

Еще в 70-х годах В.В. Лопатин привел список из 15 терминов: окказиональные слова, неологизмы, новообразования, инновации, речевые инновации, поэтические новообразования, слова-однодневки, слова-экспромты, слова-метеоры, слова-самоделки, индивидуально-авторские новообразования, индивидуально-

авторские неологизмы, индивидуально-стилистические неологизмы, контекстуальные образования, эгологизмы.

Среди удачных терминов заслуживает внимание «эгологизм», предложенный А.Аржановым: «Есть два типа новых слов, – пишет А.Аржанов, – неологизмы и эгологизмы. Разница между ними существенна. Классические неологизмы характерны тем, что быстро становятся общенародным достоянием, легко вписываются в разные контексты, а словари вскоре регистрируют их как полноправные слова.

Пожалуй, только лингвисты скажут, что такие, например, слова, как *влияние, промышленность, развитие*, лет 150 назад были неологизмами. Другое дело – эгологизмы (эго – я). Этот термин подчеркивает субъективный характер словообразования. Они живут только в своем контексте.

Разграничение новых слов на неологизмы и окказионализмы или индивидуально-авторские слова в русистике стало возможно лишь с разграничением понятий «язык» и «речь», а до этого разграничения все разряды новых слов назывались неологизмами.

Исследователи русского словообразования единодушны в том, что неологизмы – это «новые слова, закрепляющиеся в языке. Каждое такое слово – общественное явление, ибо порождено оно потребностями общества» [6, с. 20].

Окказиональные явления обычно бывают индивидуальными, принадлежащими отдельным лицам, часто писателям. Их называют индивидуальными или авторскими, подчеркивая их «необщепринятость» и отнесенность к известному создателю. При этом, окказиональное (или индивидуальное) противопоставляется общенародному, языковому [12, с. 228].

Известно, что окказиональные слова по-своему происхождению неоднородны: одни из них являются образованиями, функционирующими в живой разговорной речи, другие – в речи художественной. Окказионализмы художественной речи, в отличие от окказионализмов разговорных, являются, как правило, авторскими, закрепленными письменно в художественном тексте, в котором выполняют определенную стилистическую функцию.

В последние годы, в конце XX в. – начале XXI в., все больше и больше известных лингвистов стали употреблять термин «неологизм» применительно к словам художественной речи. Для этого есть свои основания. Очень сомнительно разъяснение сущности термина «окказиональное слово» – случайное слово, одноразовое слово. В связи с этим не представляется, что у таких авторов, как А.Белый, В.Хлебников, М.Цветаева, все эти слова на случай. Кроме того, такие слова далеко не всегда одноразовые. Они фиксируются в текстах, становятся фактом языка, фактом культуры.

Кроме того, одно и то же авторское слово некоторые писатели используют неоднократно. Например, слово «голье», которое встречается у С.Есенина, Б.Слуцкого, И.Бродского.

Когда так много, позади всего,
в особенности -горя...
и взор вбирает
голье полей
в размах небес...

И. Бродский «Глаголы» (1970 год)

Между снегом и грязью,
между гољем и льдом
Вдоль Волги, вдоль Волги
Волжское гоље.

Б. Слуцкий, «Вдоль Волги» (1951 год)

И с такой же,
как я гољю
ветром пахнет
у болота.

С. Есенин «Видно, так заведено навеки...» (1917 год)

Слово «гоље» воспринимается как сочиненное, придуманное. На самом деле это слово в Толковом словаре Д.Ушакова и в Толковом словаре С.Ожегова имеет два значения: 1) части мясной туши, конечности; 2) кожа, подготовленная к дублению. Слово «гоље»

имеет славянское происхождение, восходя к общеславянскому корню *golъ* означающему «пустой», «обнаженный» или голый.

«Голье» – собирательное существительное, оно связано с прилагательным «голый». Только в слове «гольё» есть очень заметное стилистическое значение: разговорно – сниженное; пренебрежительное слово, неодобрительное слово, оценочное слово (голье -люди разных сословий, живущие в большой нужде, голытьбе), в отличие от общеславянского «голье».

Одни и те же слова часто появляются в текстах самых разных авторов, и в каждом этом тексте такое слово воспринимается как новое, как авторское. Например, слово «сонь».

Светит месяц. Синь и сонь (Подч. – А.Г.)

Хорошо копытит конь.

Свет такой таинственный,

Словно для единственной –

Той, в которой тот же свет

И которой в мире нет.

С. Есенин «Вижу сон. Дорога черная...» (1925 год).

Устанет то,

и хочет ночь

прилечь,

тупая сонь.

Вдруг – я

во всю светаю мочь –

и снова день трезвонится.

В. Маяковский «Необычайное приключение летом на даче»

(1920 год)

Валя, Валентина,

Что с тобой стряслось?

Воздух воспаленный,

Черная трава.

Почему от зноя

Ноет голова?

Почему теснится
В подъязычье стон?
Почему ресниц
Обдувает сонь?

Э. Багрицкий. «Смерть пионерки» (1932 год)

Следующие строчки из стихотворения В.Маяковского контрастируют с обычным динамичным стилем поэта:

...плыли тучки,
прилегли в сонном соне

В. Маяковский «Тучкины штучки-сонные созвучья» (1920 г.)

У Заболоцкого «сонь» – это не просто отдых, а особый способ видения мира, инструмент поэта для разрушения привычных представлений о реальности. Использование «сонь» (вместо «снов») придает тексту оттенок фольклорности или особой сказовой интонации, характерной для его ранних произведений.

Я увидел во сне можжевеловый куст,
Я услышал вдали металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во, в тишине, мне понравился он.
Я почуял сквозь сон легкий запах смолы,
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки.

Н. Заболоцкий «Можжевеловый куст» (1957 год).

Новообразования одних писателей входят в тексты других как цитаты, аллюзии, а иногда, помимо экспрессивно-стилистических свойств, отличаются лаконизмом. Например, слово «берложить» у Асеева соотносится с прямым значением исходного существительного «берлога» и имеет значение «лежать в берлоге».

Сиял бы месяц слабо,
берложил бы медведь...
Где старая Челябин?
Таежник, ответь?

Н. Асеев «Владимирский тракт» (1931 год)

В стихотворении Вознесенского то же слово «берложить» семантически соотносится с общеязыковым фразеологизмом «жить как медведь в берлоге»:

Отшельничаю, берложу,
отлеживаюсь в березах,
лужаечный, можжевельничий,
отшельничаю.

А. Вознесенский «Возвращение в Сигулду» (1963 год).

Применительно к авторской лексике употребляются узуальные слова. Узуальными в лингвистике называют слова общепринятые, нормативные и зафиксированные в словарях. Другими словами, узуальные слова – это слова переходные от ненормативных к нормативным. Они противопоставляются окказионализмам (новым, авторским словам, например, «светит в очи солнце» вместо солнечный). Норма запрещает, но в узусе так употребляют. Это ненормативно, но узуально.

Есть еще термин «потенциальные слова». Принято отличать потенциальные слова от окказиональных и от неологизмов. Потенциальные слова – это слова, которые образованы по продуктивным моделям. Термин «потенциальное слово» не совсем удачный. Он очень условен, потому что то, что уже появилось в языке то, что можно прочесть или услышать, уже реализовано, уже перестало быть потенциальным. К таким словам подходит характеристика А.Г. Горнфельда: «Человеку нужно слово, оно наивно, стихийно, легко срывается у него с языка, он даже не знает, слышал он его или сочинил: оно понятно его собеседнику-чего ещё?» [2, с. 171]. В качестве примера автор приводит «куцавешная капитанша» в речи Коли Иволгина у Достоевского («Идиот»).

Окказиональные слова появляются спонтанно, они не претендуют, чтобы войти в язык. Но окказиональные слова легко могут войти в семейный обиход. Нужно сказать об узуальных неологизмах. Узуальные неологизмы – это слова, которые вошли в язык, которые не связаны со словотворчеством, но новые для

общества. Есть немало авторских слов, которые вошли в язык и стали узуальными. У них есть авторы, и авторы эти известны. Например, М.В. Ломоносов сочинил такие слова: вещество, градусник, насос, маятник, равновесие, притяжение, созвездие, рудник, чертеж; Н.М. Карамзин: промышленность, рассеянность, влюбленность, трогательный; М.Е. Салтыков-Щедрин: пенкосниматель, головатерство, благоглупости; В.Хлебников: летчик, скорпление; К.И. Чуковский: Бармалей. Мойдодыр. Список можно продолжить.

Заключение. Терминология новых слов противоречива и нуждается в усовершенствовании. Термины «окказиональные слова», «окказионализмы» не вполне соответствуют для именования авторских новообразований, скорее соответствует для наименования неузуальных словообразований в речи как факты культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алаторцева С.И.* Проблемы неологии и русская неография: автореф. дис. д-ра филол. наук // С.И. Алаторцева. – СПб., 1999. – 40 с.
2. *Горнфельд А.Г.* Муки слова. Антикварная книга: Изд-во, 1927.
3. Толковый словарь рус. языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В.Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. *Коваленко М.Н.* Неология как развивающаяся область языкознания. Текст: // Молодой ученый. 2026. № 6 (609). С. 367-371.
5. Энциклопедический словарь Рус. библиографического инст-та Гранат. Т. 30. М.: Москва, Тверской бульвар, 25, 1915 // URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/c6/Encyclop%C3%A6dia_Granat_vol_40-1_ed7_191x.pdf.
6. *Лопатин В.В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: 1973. – 152 с.
7. *Лыков А.Г.* Русское окказиональное слово: неологизмы и окказиональные образования // А.Г. Лыков. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М.: «ВШ», 1976. – 119 с.
8. *Бакина М.А.* Словотворчество // Языковые процессы совр. худ. литературы. Поэзия. М.: Наука, 1977. – С. 78-127.

9. *Виноградов В.В.* Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М.: 1963. – 259 с.
10. *Григорьев В.П.* Грамматика идиостиля: В.Хлебников. М.: Наука, 1983. – 224 с.
11. *Земская Е.А.* Как делаются слова. М.: 1963. – 93 с.
12. *Земская Е.А.* Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972. – С. 19-28.
13. *Оганесян А.Г.* Окказиональные слова в поэзии С.Кирсанова (Словообразовательно-стилистический аспект). Автореф. Дисс... канд. фил. наук. – М., 1989. – 23 с.
14. *Шведова Н.Ю.* К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя // Вопросы языкознания. 1952. . № 2. – С. 104-125.
15. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона Т. 40. СПб., 1897.
16. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: «Прогресс», 1977. – 696 с.
17. *Черняк В.Д.* Русский язык и культура речи: учебник и практикум для вузов. – 3-е изд, пер. и доп. – Электрон. дан. – Москва: Юрайт, 2022. – 363 с. – (Высшее образование) // URL: <https://urait.ru/bcode/488896>, <https://urait.ru/book/cover/9EEB93BE-6AAB-44E3-9FB4-3DC8DEB48179>.

REFERENCES

1. *Alatortseva S.I.* Problemy neologii i russkaya neografiya: avtoref. dis. d-ra filol. nauk // S.I. Alatortseva. – SPb., 1999. – 40 s. 2. *Gornfel'd A.G.* Muki slova. Antikvarnaya kniga: Izd-vo, 1927.
3. *Tolkovyy slovar' rus. yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / S.I. Ozhegov, N.YU. Shvedova // Rossiyskaya akademiya nauk. In-t russkogo yazyka im. V.Vinogradova. - 4-ye izd., dop. - M.: Azbukovnik, 1999. – 944 s.*
4. *Kovalenko M.N.* Neologiya kak razvivayushchayasya oblast' yazykoznaniya. Tekst: // Molodoy uchenyy. 2026. № 6 (609). С. 367-371.
5. *Entsiklopedicheskiy slovar' Rus. bibliograficheskogo inst-ta Granat. T. 30. M.: Moskva, Tverskoy bul'var, 25, 1915 // URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/c6/Encyclop%C3%A6dia_Granat_vol_40-1_ed7_191x.pdf.*
6. *Lopatin V.V.* Rozhdeniye slova. Neologizmy i okkazional'nyye obrazovaniya. M.: 1973. –152 s.
7. *Lykov A.G.* Russkoye okkazional'noye slovo: neologizmy i okkazional'nyye obrazovaniya // A.G. Lykov.Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoye okkazional'noye slovo). M.: «VSH», 1976. – 119 s.

8. *Bakina M.A.* Slovtovorchestvo // YAzykovyye protsessy sovr. khud. literatury. Poeziya. M.: Nauka, 1977. – S. 78-127.
9. *Vinogradov V.V.* Stilistika, teoriya poeticheskoy rechi, poetika. M.: 1963. – 259 s.
10. *Grigor'yev V.P.* Grammatika idiostilya: V.Khlebnikov. M.: Nauka, 1983. – 224 s.
11. *Zemskaya Ye.A.* Kak delayutsya slova. M.: 1963. – 93 s.
12. *Zemskaya Ye.A.* Okkazional'nyye i potentsial'nyye slova v russkom slovoobrazovanii // Aktual'nyye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Samarkand, 1972. – S. 19-28.
13. *Oganesyan A.G.* Okkazional'nyye slova v poezii S.Kirsanova (Slovoobrazovatel'no-stilisticheskii aspekt). Avtoref. Diss... kand. fil. nauk. – M., 1989. – 23 s.
14. *Shvedova N.Yu.* K voprosu ob obshchenarodnom i individual'nom v yazyke pisatelya // Voprosy yazykoznaniiya. 1952. № 2. – S. 104-125.
15. Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Yefrona T. 40. SPb., 1897.
16. *Sossyur F. de.* Trudy po yazykoznaniiyu. M.: «Progress», 1977. – 696 s.
17. *Chernyak V.D.* Russkiy yazyk i kul'tura rechi: uchebnik i praktikum dlya vuzov. – 3-ye izd, per. i dop. – Elektron. dan. – Moskva: Yurayt, 2022. – 363 s. – (Vyssheye obrazovaniye) // URL: <https://urait.ru/bcode/488896>, <https://urait.ru/book/cover/9EEB93BE-6AAB-44E3-9FB4-3DC8DEB48179>

ՆԵՈՒՈԳԻԱ ԵՎ ՆԵՈՒՈԳԻԶՄ

Ա. Գ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

Շիրակի պետական համալսարան

«Նեոլոգիա և նեոլոգիզմներ» հոդվածը նվիրված է նեոլոգիային՝ որպես լեզվաբանության բաժնի: Հոդվածում քննարկվում են «նորաբանություն», «դիպլամային (օկագիոնալ) բառ», «պոտենցիալ բառ» տերմինները և տերմինաբանության հատակեցումը: Հոդվածում դիտարկվում է բառագիտության հատուկ մի ճյուղ՝ նեոլոգիան, նորաբանությունների մասին գիտությունը: Ուսումնասիրվում են ժամանակակից նեոլոգիայի հիմնական ուղղությունները, նորաբանությունների դասակարգումը, դրանց առանձնահատկությունները, բերվում են նորաբանությունների օրինակներ: **Բանալի բառեր՝ նեոլոգիա, դիպլամային բառ, արտահամատեքստային (ուզուալ) բառ, պոտենցիալ բառ:**

NEOLOGY AND NEOLOGISM

A. G. HOVHANNISYAN

State University of Shirak (SUSh)

The article "Neology and Neologisms" is devoted to neology as a section of linguistics. The article considers the terms "neologism," "occasional word," "potential word," as well as clarifications of terminology. The article examines a special branch of lexicology—neology—the science about neologisms. It explores the main directions in contemporary neology, the classification of neologisms, their distinctive features, and provides examples of neologisms.

Key words: *neology, occasional word, usual word, potential word.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

ПРЕДВЫБОРНАЯ РЕЧЬ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

И. Р. САРКИСЯН

Российско-Армянский университет

innasargsyan@gmail.com

inna.r.sargsyan@rau.am

ORCID: 0000-0002-4377-1601

В статье рассматриваются особенности политического дискурса как особого речевого жанра. Показано, что выразительные средства выполняют функцию целенаправленного эмоционального воздействия на адресата.

***Ключевые слова:** политический дискурс, предвыборный дискурс, речевой жанр, публичное выступление, воздействие на избирателей.*

Современная избирательная кампания представляет собой пространство интенсивного коммуникативного воздействия, в котором борьба ведётся не столько за голоса, сколько за сознание и интерпретацию политической реальности. В этом контексте особую актуальность приобретает проблема характера влияния на потенциальных избирателей. Ученые выделяют два основных типа такого воздействия — явное и скрытое. В первом случае субъект не скрывает истинных целей своей деятельности по оказанию влияния на сознание объекта. Объект же, в свою очередь, понимает, какие цели преследуются субъектом, и способен сделать осознанный и свободный выбор, либо сопротивляться внешнему воздействию, либо

уступить, изменив свою гражданскую позицию. Во втором случае субъект воздействует на объект тайно, помимо воли адресата. Данный тип воздействия используется в целях манипуляции сознанием [3: 10]. При этом наибольшего успеха манипуляция достигает лишь в том случае, когда остается незаметной, а манипулируемый искренне верит, что все происходящее носит естественный характер. Так создается фальшивая действительность, скрывающая присутствие манипуляции [7: 45].

Предвыборный политический дискурс трактуется как особый речевой жанр, функционирующий в формате институционального коммуникативного события и одновременно являющийся его вербальным воплощением. Ему присущи чётко структурированная ролевая организация, институционально закреплённый состав участников, а также публичный и официальный характер взаимодействия (например, программное выступление кандидата в связи с его партийным выдвижением). Данный тип дискурса включает выраженные побудительные стратегии, направленные на мобилизацию адресата, и характеризуется высокой степенью экспрессивности и прагматической нацеленности на убеждение [1: 130].

Политическое соперничество определяется обязательным наличием трех участников политической коммуникации – адресант (говорящий), прямой адресат (слушающий, в политическом дискурсе чаще – соперник) и адресат-наблюдатель. При этом моделируемая языковая реальность, отражающая объективно существующую систему политической коммуникации, создается вокруг обозначенных субъектов действия и ориентируется на отношения между ними (ориентация – интеграция – агонизм). Конструируя языковую реальность в интересах говорящего, все три субъекта политической коммуникации претерпевают целенаправленную трансформацию, в результате которой создаются специфические словесные образы отправителя, адресата-соперника и адресата-наблюдателя, отличные от их реальных жизненных прототипов [8]. Популярные в предвыборном дискурсе агитационные газеты, по нашим наблюдениям, выдвигают не акт обещания, а образ кандидата:

элементы содержания здесь направлены не на аргументацию обещаний, а на создание образа («собственник», «борец с недостатками» и др.) [4: 125].

При таком подходе жанры предвыборной коммуникации включаются в подструктуры сферы, обозначенной как «формирование общественного мнения и самопрезентация политика» (пресс-релиз, пресс-конференция, интервью, ток-шоу, конференции, и т. д., участие в съездах, статьи и пр.) и «политическая реклама, маркетинг и пропаганда» (предвыборная программа партии, лозунги, агитационные речи, листовки, рассылки, объявления, плакаты и т. д.). Очевидно, что выделение предвыборных жанров в сферу действия отражает их направленность на достижение намеченного результата, тогда как дифференциация жанров на формирующие образ политика и выполняющие рекламные функции требует, на наш взгляд, определенных уточнений.

Таким образом, модель поведения избирателя будет зависеть от его социальных характеристик и биографии, личностных особенностей, культурно-образовательного уровня, условий жизни, возраста и влияния среды, в которой он перемещается. Также будут учитываться его политические позиции, устоявшиеся принципы общественной и политической морали, мнения по некоторым текущим политическим проблемам, отношение к «команде» кандидата, с которым он идет на выборы, предвыборные привычки и пр.

Изучение политического дискурса представляет для нас наибольший интерес как исследование степени воздействия на адресата разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов. При рассмотрении предвыборного дискурса как одного из видов политического дискурса ученые отмечают, что основной характерной особенностью данного явления является борьба за власть, и для ее реализации политические деятели используют все возможные языковые приемы и средства.

Тексты предвыборного дискурса обладают такими особенностями как логичность, образность, эмоциональность,

оценочность, призывность [6: 169]. Для текстов данного типа характерно активное использование общественно-политической лексики, образных средств, переносных значений слов, а также лексем с выраженной эмоционально-оценочной окраской. Синтаксическая организация подобных текстов отличается частотным употреблением однородных членов предложения, вводных слов и конструкций, а также сложных синтаксических построений. На уровне синтаксиса можно отметить ряд других особенностей, которые свойственны большинству политиков. В первую очередь, это использование в речи риторических вопросов и восклицаний, что способствует привлечению внимания аудитории к определенным проблемам [5: 90]. Нередко в выступлениях политиков встречается прием повтора. Он может строиться на синтаксическом параллелизме, когда повторяется структура предложения или его отдельные части [2: 441].

Ораторской речи присуще использование вводных слов и конструкций с целью определения порядка высказываний. Вводные слова служат для указания на степень достоверности информации, на порядок изложения высказываний, на отношение к высказыванию. С целью повышения экспрессивности речи политики используют имена прилагательные в сравнительной и превосходной степени, риторические вопросительные предложения, сложные предложения, на основе чего усиливается эмоциональность и пафосность речи: политические кандидаты не только по-разному думают о природе проблем, но и по-разному рассказывают о них.

В политическом дискурсе, конечной целью которого является борьба за власть, специфика коммуникативного планирования определяется как ситуацией социального взаимодействия коммуникантов, так и особенностями языковой личности политика. Эти факторы находят отражение в тактических предпочтениях субъекта речи и, как следствие, в отборе языковых средств. Исходя из этого, под речевой стратегией мы понимаем целенаправленную модель речевого поведения политика в конкретной коммуникативной ситуации, обеспечивающую достижение прогнозируемой коммуникативной цели.

Характеристики других типов дискурса нередко переплетаются с политическим дискурсом, что приводит к наложению их функций, целей и коммуникативных особенностей в пределах одного текста. В результате политический дискурс может взаимодействовать с элементами педагогического, юридического, рекламного, спортивно-игрового и, в определённых случаях, религиозного дискурсов.

При анализе функционирования языка в политическом, в том числе президентском, дискурсе закономерно актуализируются две взаимосвязанные проблемы — **язык власти и власть языка**:

⇒ *под языком власти понимается совокупность языковых средств и стратегий, посредством которых реализуется институциональная позиция субъекта власти.*

⇒ *власть языка, в свою очередь, проявляется в способности этих средств формировать интерпретацию политической реальности, влиять на понимание и оценку событий адресатом.*

Данное разграничение подтверждает принципиальную значимость осознанного отбора языковых средств в политической речи. С целью усиления персуазивного эффекта ораторы активно используют сравнительную и превосходную степени прилагательных, синонимические и антонимические ряды, а также прибегают к метафоризации политической реальности как к одному из наиболее продуктивных способов концептуализации и оценивания.

Предвыборная риторика органично интегрируется в более широкий контекст политического дискурса, вступая в интердискурсивные взаимодействия с педагогическим, юридическим, рекламным, религиозным и иными типами дискурса. Заимствуя их структурные и стилистические элементы, она трансформирует их в соответствии с задачами политического воздействия и электоральной мобилизации.

Особое место в предвыборных речах занимают языковые инновации — неологизмы, возникающие в процессе переосмысления политической реальности. Подобные номинации не только отражают актуальные социальные, экономические и культурные трансформации, но и выполняют стратегическую функцию:

структурируют восприятие действительности, задают оценочные рамки и способствуют формированию новых интерпретационных моделей.

В предвыборный период политический дискурс приобретает специфическую жанровую конфигурацию, сочетающую стратегическую направленность, стилистическое разнообразие и повышенную экспрессивность. Его назначение заключается не только в информировании, но и в формировании установок, убеждении и побуждении адресата к электоральному действию. Эффективность предвыборной риторики определяется уровнем коммуникативной компетентности политика, его способностью выстраивать адресно ориентированное взаимодействие с различными социальными группами, осуществлять релевантный отбор языковых и стилистических средств и учитывать социокультурные параметры аудитории.

Таким образом, предвыборная речь — это динамичный и многослойный жанр, в котором политическая стратегия воплощается в языке, а язык становится инструментом конструирования социальной действительности. Её анализ позволяет выявить механизмы явного и скрытого воздействия, посредством которых формируются ценностные ориентиры, интерпретационные рамки и модели электорального поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. СПб.: Азбука, 2000.
2. *Конаков Н.С.* Метафоры в политическом дискурсе // Студенческая наука и XXI век. – 2021. – Т. 18. – № 1-2 (21).
3. *Куницына Е.В.* Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты (на материале предвыборных речей х. Клинтон и б. Обамы). Автореф... дис. кан. филол. наук. – Ставрополь. – 2011.
4. *Полякова Л.С.* Проявление гендерных стратегий в политических выступлениях: социолингвистическое экспериментальное исследование // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – 2011. – № 4.

5. *Попова Т.Г., Лоскутова С.В.* Актуализация значений лексической единицы в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2022. – № 4 (94).
6. *Талина И.В.* К вопросу о классификации дискурсов // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Серия Образование. Выпуск 1 (5). – Ульяновск: УлГУ. – 2001.
7. *Халина Е.Е., Миронова Д.М.* Виды и формы комического в политическом дискурсе (на материале предвыборной речи кандидатов в президенты России) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. Курск. 2021. Т. 11. – № 4.
8. *Шевченко М.* Интервью. [Электронный ресурс] // URL: https://www.youtube.com/watch?v=_dL0zh0z8Nk (дата обращения 09.03.2026).

REFERENCES

1. *Bakhtin M.M.* Problema rechevykh zhanrov. SPb.: Azbuka, 2000.
2. *Konakov N.S.* Metaforы v politicheskom diskurse // Studencheskaya nauka i XXI vek. – 2021. – Т. 18. – № 1-2 (21).
3. *Kunitsyna Ye.V.* Gendernaya markirovannost' politicheskogo diskursa: yazykovoy i rechevoy aspekty (na materiale predvybornykh rechey x. Klinton i b. Obamy). Avtoref... dis. kan. filol. nauk. – Stavropol'. – 2011.
4. *Polyakova L.S.* Proyavleniye gendernykh strategiy v politicheskikh vystupleniyakh: sotsiolingvisticheskoye eksperimental'noye issledovaniye // Politicheskaya lingvistika. – Yekatirenburg. – 2011. – № 4.
5. *Popova T.G., Loskutova S.V.* Aktualizatsiya znacheniy leksicheskoy yedinitsey v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. – 2022. – № 4 (94).
6. *Talina I.V.* K voprosu o klassifikatsii diskursov // Uchenyye zapiski Ul'yanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Obrazovaniye. Vypusk 1 (5). – Ul'yanovsk: UIGU. – 2001.
7. *Khalina Ye.Ye., Mironova D.M.* Vidy i formy komicheskogo v politicheskom diskurse (na materiale predvybornoy rechi kandidatov v prezidenty Rossii) // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. Kursk. 2021. Т. 11. – № 4.
8. *Shevchenko M.* Interv'yu. [Elektronnyy resurs] // URL: https://www.youtube.com/watch?v=_dL0zh0z8Nk (data obrashcheniya 09.03.2026)

**ՆԱԽԸՆՏՐԱԿԱՆ ԵԼՈՒՅԹԻ ԿԱՌՈՒՑՎԱԾՔ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ
ԽՈՍՈՒՅՈՒՄ. ԺԱՆՐԱՅԻՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ և
ՀԱՂՈՐԴԱԿՑԱԿԱՆ ԱՎՉՄԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ**

Ի. Ռ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ

ՌՈՒՍ-ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

Հոդվածում քննարկվում են քաղաքական խոսույթի առանձնահատկությունները: Ներկայացվում է, որ բոլոր տեսակի արտահայտիչ միջոցները քաղաքական խոսույթում ունեն նպատակային հուզական ազդեցություն:

Բանալի բառեր. քաղաքական խոսույթ, նախընտրական խոսույթ, խոսքի ժանր, հանրային խոսք, ազդեցություն ընտրողների վրա:

**ELECTION SPEECH IN THE STRUCTURE OF POLITICAL
DISCOURSE: GENRE SPECIFICS AND COMMUNICATION
STRATEGIES**

I.R. SARGSYAN

RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY

The article examines the features of political discourse as a special speech genre. It has been shown that expressive means serve the purpose of purposeful emotional impact on the addressee.

Key words: *political discourse, pre-election discourse, speech genre, public speaking, impact on voters.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 25 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ С ИХ АНГЛИЙСКИМИ И ФРАНЦУЗСКИМИ АНАЛОГАМИ

М. Г. БАБАХАНЫН

Государственный университет им. В.Брюсова

marbabakhanyan@mail.ru

ПРИЕМ АКСЕЛЬ

Государственный университет им. В.Брюсова

priemax@gmail.com

Исследование посвящено сопоставительному анализу русских глаголов движения с их английскими и французскими аналогами. Особое внимание уделяется специфике выражения направления, способа передвижения и аспектуальности в русском языке, а также способам передачи этих значений в английской и французской языковых системах. В работе рассматриваются различия в грамматической категории вида, а также роль приставок в образовании значений глаголов движения.

Сопоставительный анализ позволяет выявить как универсальные, так и уникальные черты трех языков.

Ключевые слова: глаголы движения, сопоставительный анализ, приставки, наречия, направление.

Представители разных культур являются носителями и хранителями национальных особенностей восприятия картины

мира. Люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают окружающий себя мир, поскольку каждый язык отражает духовное своеобразие нации. В. Щерба писал: “Мир, который дан нам в нашем непосредственном опыте, оставаясь всегда одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие известное единство с точки зрения культуры” Специфические особенности каждого языка проявляются в особом способе членения картины мира, а следовательно, и в особом, субъективном, способе языкового выражения объективного содержания (действительности). В связи с этим человек, изучающий иностранный язык, неизбежно соприкасается с особенностями языкового менталитета людей, чей родной язык он изучает.

Любому языку присуще множество грамматических единиц, среди которых особое значение имеют глаголы. Существует несколько категорий глаголов, и одна из них описывает универсальный аспект нашей жизни — движение. В каждом языке есть свои способы выражения движения. В русском языке конструкции и употребление глаголов движения обладают особыми сложностями и уникальностью. Глаголы движения составляют ту часть употребительной лексики русского языка, которая полностью отличается от языковых представлений понятийной категории движения в английском и французском языках, и ошибки, часто допускаемые при употреблении слов этой группы, в наибольшей степени связаны с расхождениями в лексико-грамматических системах русского и английского и французского языков.

По этой причине весьма актуальным является сопоставительный анализ русских глаголов движения с их английскими и французскими аналогами с целью выявления причин допускаемых студентами в речи ошибок. С лингвистической типологией связаны фундаментальные исследования Майи Хикманн (Maya Hickmann), Леонарда Талми (Leonard Talmy), Дэна Слобина (Dan Isaac Slobin) и др.

Глаголы движения русского языка образуют специфическое семантическое поле, представленное разветвленной системой

глагольных единиц, сопоставительный анализ которых с их английскими и французскими аналогами выявляет следующую картину.

В английском и французском языках глаголы движения не выделяются в отдельную группу и не составляют соотносительных пар. Их просто можно объединить в одну семантическую группу только на основании лексического значения, которое не сопровождается наличием/отсутствием других обязательных признаков (без дифференциации по способу передвижения, по показателям его кратности). В русском языке, в отличие от английского и французского, главным является способ, средства и интенсивность перемещения в пространстве, которые выражаются самой семантикой глаголов: способ перемещения (*ходить-ездить, нести-вести-везти*), и конкретная направленность движения, его однократность (*идти-ходить, ехать-ездить*). Эти специфические особенности, присущие русским глаголам движения, создают зону интерференции, которая приводит к логическим ошибкам в русской речи иностранных студентов.

Система глаголов движения в русском языке отличается высокой степенью структурированности и морфологической сложности. Ее уникальность определяется двумя ключевыми особенностями: наличием пар несовершенного вида и богатейшей системой приставочной деривации. Во-первых, в основе системы лежит противопоставление четырнадцати пар бесприставочных глаголов несовершенного вида по признаку направленности. Глаголы типа *идти, ехать, лететь* обозначают однонаправленное, непрерывное движение в один момент времени. Их парные соответствия *ходить, ездить, летать* указывают на движение в разных направлениях, повторяющееся или движение как способность. Во-вторых, главным инструментом выражения пространственных отношений в русском языке является префиксация (приставки). Присоединяясь к базовым глаголам, приставки не просто уточняют направление, но создают новые лексические единицы с собственными семантическими оттенками. Одна и та же основа «-йти» порождает целое семантическое поле:

в-ойти (движение внутрь)
вы-йти (движение наружу)
под-ойти (приближение)
от-ойти (удаление)
пере-йти (пересечение)
про-йти (движение сквозь или мимо)
до-йти (достижение конечной точки).

Эта разветвленная морфологическая система, позволяющая выражать тончайшие нюансы траектории движения с помощью приставок, является отличительной чертой русского языка.

В отличие от русского, в английском языке для выражения пространственных отношений используются преимущественно синтаксические и лексические средства, а не морфологические. Основную смысловую нагрузку по уточнению траектории несут предлоги и послелого (наречия), такие как *in, out, up, down, along, away, to, from*. Сам же глагол (например, *go, run, walk, fly*) чаще всего указывает на способ или манеру передвижения, а не на его детальный маршрут. В русском языке способ движения передается самим глаголом (плыть, ползти, бежать), тогда как в английском основной нейтральный глагол *go* может описывать почти любое движение, которое затем уточняется контекстом. Важнейшую роль в выражении направленности играют фразовые глаголы. Конструкция «глагол + послелог» функционирует как единая семантическая единица, эквивалентная русскому приставочному глаголу: *go in* (входить), *walk away* (уходить) *fly over* (перелетать).

Таким образом, русский язык выражает детали траектории движения морфологически (приставками), тогда как английский — синтаксически (предлогами, наречиями и фразовыми глаголами).

Русский термин «глаголы движения» в его традиционном понимании не имеет аналога во французской лингвистике по причине отсутствия четкой противопоставленности по ряду семантических признаков: однонаправленности (не однонаправленности), кратности (некратности), способа движения. Область определения французского термина “*les verbes du mouvement*” характеризуется расплывчатостью границ: под глаголами движения во французской

лингвистической литературе понимаются любые глаголы, содержащие сему «движение».

Если русские глаголы движения по основному дифференцирующему признаку образуют коррелятивные пары, то во французском языке такая закономерность отсутствует. Однако нельзя утверждать, что отсутствие соотносительных пар означает отсутствие этого компонента в смысловой структуре французских глаголов движения. Этот факт говорит лишь о том, что движение во французском языке может быть выражено не только (и не столько) семантической структурой самого глагола, но и с помощью других средств: предлогов, обозначения позиции говорящего или другого лица по отношению к совершаемому действию.

Во французском языке направление выражается глаголом, а способ передвижения определяется с помощью спутников. Поэтому такие глаголы, как *traverser, partir, venir* (пересечь, уйти, прийти) и т. д., предполагают определенное направление и не могут быть заменены произвольным глаголом движения. Конечно, такие глаголы, как *courir, conduire, nager, voler* (бежать, ехать, плыть и лететь), также передают информацию о способе передвижения, однако язык не является полностью сателлитным или глагольным обрамлением, ведь классификация языка всегда требует обобщения. Однако интересно отметить, что, хотя такие конструкции, как *il a couru au supermarché* (он бежал в супермаркет) существуют и используются гораздо чаще, во французском языке используются конструкции в форме *il est allé au supermarché en courant* (дословно — он ходил в супермаркет бегая). Это связано с тем, что такая конструкция «направление, а затем способ» инстинктивно более естественна для носителя языка. Поэтому эти глаголы чаще используются для подчеркивания манеры передвижения или передачи деталей, когда меняется характер движения. Например, *j'ai conduit jusqu'à la gare, puis j'ai continué en marchant* (Я доехал до станции, а потом продолжил пешком). Кроме того, во французском языке, как и в английском, существуют «нейтральные» глаголы в форме *aller и bouger*, которые не дают никакой информации, кроме факта движения.

Сопоставительный анализ семантики глаголов движения русского и французского языков, проведенный нами, показал, что в подавляющем большинстве случаев наличествует частичная идентичность сравниваемых единиц (так, признаки, свойственные русским глаголам движения, непоследовательно выражены или вовсе отсутствуют во французском языке; значителен ареал несовпадения и в области семантической структуры изучаемых глаголов). Этим объясняется высокая степень интерференции при изучении иностранными студентами русских глаголов движения.

В нашем исследовании мы также рассмотрели русские идиоматические выражения с глаголами движения, которые не имеют прямого эквивалента во французском или английском языках. Приведем два примера:

1. **“Пирог дойдёт”** (разг.). В русском языке это предложение состоит из глагола “идти” + приставки “до”, обозначающей цель, действие, доведенное до конца. Во французском и английском языках передать эту информацию можно только с помощью конструкции “почти готов” (*Le gâteau est bientôt prêt/ The cake is almost ready*).
2. **“Сойти с ума”**. Так же как и в первом примере, выражение состоит из префиксального глагола движения – “идти” + приставки “с”, обозначающей движение сверху вниз. И снова во французском и английском языках эквивалентное выражение строится почти одинаково – с помощью глагола “потерять” (*perdre la raison / to lose his mind*). В английском языке более прямой способ сказать то же самое – использовать глагол «go»: *to go crazy*. Во французском языке мы используем глагол *devenir* (стать): *devenir fou* (стать сумасшедшим).

Сопоставительный анализ семантики глаголов движения русского, английского и французского языков показал, что в подавляющем большинстве случаев наличествует частичная идентичность сравниваемых единиц.

Таким образом, семантические признаки, свойственные русским глаголам движения, непоследовательно выражены или вовсе отсутствуют во французском и английском языках, а также значи-

телен ареал несовпадения и в области семантической структуры глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Муравьева Л.С.* Глаголы движения в русском языке. – 10-е изд., М.: Русский язык, 2006. 236 с.
2. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность / Под ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. Л.: Наука, 1974. - 427 с.

REFERENCES

1. *Muravyeva L.S.* Glagoli dvizheniya v russkom yazike. M.: Russkij yazik, 2006.
2. *Shcherba L.V.* Yazikovaya sistema I rechevaya deyatelnost. L.: Nauka, 1974. - 427 s.

ՌՈՒՄԵՐԵՆԻ ԾԱՐԺՄԱՆ ԲԱՅԵՐԻ ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆԸ ՆՐԱՆՑ ԱՆԳԼԵՐԵՆ և ՖՐԱՆՍԵՐԵՆ ՀԱՄԱՐԺԵՔՆԵՐԻ ՀԵՏ

**Մ. Գ. ԲԱԲԱԽԱՆՅԱՆ,
ԱԿԱԴԵՄԻԱԿԱՆ**

Վ.Բրյուսովի անվան պետական համալսարան

Հոդվածը նվիրված է ռուսերեն շարժման բայերի համեմատական վերլուծությանը՝ համադրելով դրանք անգլերեն և ֆրանսերեն լեզուների համարժեքների հետ: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում ռուսերենում շարժման ուղղության, ձևի և կատարվածության արտահայտման առանձնահատկություններին, ինչպես նաև դրանց փոխանցման եղանակներին անգլերեն և ֆրանսերեն լեզուներում: Աշխատությունում քննարկվում են բայերի կատարվածության քերականական կարգը և նախածանցների դերը շարժման բայերի իմաստային ձևավորման մեջ: Համեմատական մոտեցումը հնարավորություն է տալիս բացահայտել ինչպես համընդհանուր, այնպես էլ յուրաքանչյուր լեզվին հատուկ յուրահատկություններ:

*Բանալի բառեր՝ շարժման բայեր, համեմատական վերլուծություն,
նախաձայններ, մակբայ, ուղղություն:*

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN VERBS OF MOTION AND THEIR ENGLISH AND FRENCH EQUIVALENTS

M. G. BABAKHANYAN, AXEL PRIEM

Brusov State University

This study is devoted to a comparative analysis of Russian verbs of motion and their English and French counterparts. Particular attention is paid to the specific features of expressing direction, mode of movement and aspect in the Russian language, as well as to the ways in which these meanings are conveyed in the English and French linguistic systems. The paper examines differences in the grammatical category of aspect, as well as the role of prefixes in the formation of the meanings of verbs of motion. The comparative analysis reveals both universal and unique features of the three languages

Key words: *Verbs of moves, prefixes, adverb, comparative analysis, direction*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 20 апреля 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СИНОНИМИИ ЭМОТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

М. Д. КЕСАЯН

Ереванский государственный университет

kesayan.marina@ysu.am

В статье представлен общий обзор явления фразеологической синонимии, а также приводится анализ ее особенностей. Сопоставление синонимических рядов русских и армянских ФЕ позволило выявить лингвистические различия между русской и армянской фразеосистемами, которые демонстрируют два разных уникальных способа адаптации человека к миру чувств.

Ключевые слова: явление синонимии, лексическое значение, семантика, эмотивные фразеологизмы, экспрессивность, синонимические ряды лексем и ФЕ.

Значительная часть фразеологизмов связана с выражением эмоций и чувств человека. Это обстоятельство послужило основанием для выделения большой группы фразеологизмов эмоционально-экспрессивного характера [8, с. 6].

Важнейшей лексико-семантической категорией во фразеологии является синонимия. К фразеологическим синонимам относятся близкие или тождественные по значению неделимые единицы, сходные по грамматической и функциональной роли, по-разному характеризующие обозначаемое явление [6, с. 262-267].

Так же как и лексические синонимы, синонимические фразеологизмы обозначают один и тот же денотат экстралингвистической действительности. Вместе с тем

фразеологизмы, входящие в синонимический ряд, могут и отличаться друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, функционально-речевой сферой, а иногда всеми этими качествами одновременно.

Фразеологизмы, вступающие в синонимические отношения, синонимичны в разной степени. Самой высокой синонимичностью характеризуются фразеологические обороты, которые, будучи тождественными по значению, свободно замещают друг друга в любом контексте. Например:

нести[пороть] //понести ахинею – нести[городить] //понести окоlesiцу [чепуху, чушь].

տիկ տիկա խոսել – հիմար հիմար դրու տիկ (դիտարկ յիտարկ դրու տիկ) – գլխիցը դրու տիկ

Входящие в данный синонимический ряд фразеологизмы совпадают в значении «говорить, писать глупости, чепуху». Оба могут употребляться для выражения крайнего пренебрежения по отношению к чему-либо сказанному или написанному.

– Я не вытерпел: – Да помилуйте, матушка, что вы за *ахине порете*? Какая тут женитьба? (И.С. Тургенев. Петр Петрович Каратаев.)

– Да пуцай бы еще у себя дома в четырех стенах такую *чепуху городила* – так нет, все, бывало, норовит при людях. (П.И. Мельников-Печерский. Бабушкины рассказы).

С точки зрения структуры фразеологизмы-синонимы делятся на одноструктурные, разноструктурные и сходноструктурные [3, 3-14].

Одноструктурные фразеологические синонимы имеют одинаковую схему построения. Например:

милое дело (прил. + сущ.) – *хорошенькое дело* (прил. + сущ.)

շիտ լավ – ալ քեզ քիտի – էսպես էլ քիտ իրիկի – տիտ քեզ, ինքրեմ

Каждый из входящих в данный синонимический ряд фразеологизмов имеет три значения:

- 1) выражение одобрения, удовлетворения по поводу того, что является подходящим, устраивающим кого-либо;
- 2) выражение удивления по поводу чего-либо неожиданного;
- 3) выражение неудовольствия, негодования, возмущения по

поводу чего-либо неожиданного, неуместного, очень неприятного по существу.

- **Хорошенькое дело!** Весь город уходит в одно прекрасное время, отказавшись даже от чашки ячменного кофе, сэр. Это невероятно! (К.Г. Паустовский. Поселок среди скал).
- Определим ее сестрой милосердной, без квалификации... **Милое дело!** (А.Н. Толстой. Хождение по мукам).

В приведенных выше литературных примерах прослеживается употребление фразеологизмов данного синонимического ряда в разных значениях (**хорошенькое дело** – в 2-м значении, **милое дело** – в 1-м значении).

Одноструктурные фразеологические синонимы обладают максимальной семантической близостью и возможной взаимозаменяемостью.

Разноструктурные фразеологизмы-синонимы имеют различную модель построения, неодинаковое расположение составляющих компонентов и в предложениях функционируют по разному. Например:

ни в какие ворота не лезут (пр/пад. ф. сущ. + гл.) – **дальше <ехать> некуда** (гл. + нареч.)

խելքի անո րիւն չէ, գրէլիս չի անկուի – էլ տեղ չի, էլ ճիւղ չի, րիւնիւր ուղիւրի է հիւսիլ

Данные фразеологизмы-синонимы отличаются оттенками значения: 1-й фразеологизм используется в значении «**очень плохо, никуда не годится, не укладывается в общепринятые нормы, не выдерживает никакой критики**» в то время как 2-ой – в значении «**очень плохо; хуже того, что есть, быть не может**».

- 1) То, что ты позволяешь себе с мамой, **ни в какие ворота не лезет**. (В.Г. Распутин. Последний срок).
- 2) Ну погляди, полюбуйся, что у нас тут творится. Докатились, доехали, тпру – **дальше некуда!** (Н.В. Кузьмин. Круг царя Соломона).

Большое количество фразеологических синонимов занимает промежуточное положение между выделенными выше разрядами. Это так называемые **сходноструктурные** фразеологические

синонимы. К ним относятся фразеологизмы, в которых опорный компонент выражен одной и той же частью речи, а остальные компоненты разными частями речи:

родиться в сорочке [в рубашке] (гл. + пр/пад.сущ.) – *родиться под счастливой звездой* (гл. + прил. + пр/пад. ф.сущ.)

վրին գալի ինք ունենալ – բախտավոր (բարի) աստի ունի ծնվել

душа [сердце] болит (сущ. + гл.) – *душа не на месте* (сущ. + пр/п.ф. сущ.)

սիրտը ցավալ, հոգի տալ – սիրտը (հոգին, խիղճը) հանգիստ չիկնել, սիրտը տեղը չիկնել

В первом примере наблюдается полная тождественность в значении – быть счастливым, удачливым во всем. Во втором случае фразеологизм *душа [сердце] болит* имеет два значения:

- 1) кто-либо испытывает тревогу, беспокойство, душевные страдания;
- 2) кто-либо беспокоится, переживает и т.п. за кого-либо, из-за чего-либо.

Только в первом значении этому фразеологизму соответствует синоним *душа не на месте*.

Он почти кричал на весь дом, что Вера Павловна неблагодарная, что она *в сорочке родилась*, удостоиваясь счастья сделаться женою Сальникова. (А.Ф. Писемский. Богатый жених).

Должно быть Раиса *родилась под счастливой звездой*. Все получилось неожиданно легко и быстро... (В.Ф. Тендряков. Охота).

Второй признак фразеологических синонимов, по которому они отличаются один от другого, – экспрессивно-стилистический. Например:

ни во что <не> ставить (<не> поставить) – <ни(у)> в <медный> грош не ставить

չան տեղ չիկնել, մեկի համար կոպտել էլ չստժենալ, ռեխիկն չնայել

В приведенном выше синонимическом ряду первый фразеологизм является стилистически нейтральным, а второй

относится к разговорному стилю:

- Мать *ни во что не ставила* достижений сына в спорте, из-за этого отношения между ними испортились. (А.С. Новиков-Прибой. Капитан 1-го ранга).
- Я чувствовал себя до такой степени счастливым, что как говорится, *в ус не дул* и *в грош не ставил* ничьих насмешек и ничьих косых взглядов. (И.С. Тургенев. Первая любовь).

Наши наблюдения показали, что фразеологические синонимы, обозначающие эмоции и чувства человека, соотносятся с разными частями речи. Например:

- ✓ С именными частями речи соотносится следующий фразеологизм, имеющий синонимы:

бабушкины (бабьи) сказки – небылица в лицах – развесистая клюква

հնարավոր բան, չեղած բան, անբարավոր բան

- ✓ С глагольными соотносятся такие фразеологические синонимы, как:

быть (чувствовать себя)на седьмом небе – быть (чувствовать себя)на верху блаженства

յորթերորդ երկնքում զգալ – աշխարհում մեկ լինել

попадать (попасть, попадаться, попасться) на зубок (на зуб) – попадать (попасть, попадаться, попасться) на язычок (язык);

բերանն ընկնել, աշակ դառնալ, բերնի ծայրն դառնալ – լեզվի տակ ընկնել, բերան ընկնել, անունն ընկնել;

кошки скребут(заскребли) на душе – скребут на душе [на сердце];

սիրտը ճնշվել, սիրտը կտրո – կտրո լինել, սրտից արյուն կաթել

портить (испортить, попортить) кровь – трепать (портить) нервы

Արյունը խառնել, արյունը պղտորել – ջղեր քայքայել, հոգու հետ խաղալ, կյանքը ուտել

- ✓ Наречными считаются синонимические ряды фразеологизмов типа:

как [будто, словно, точно] на иголках – как на <горячих угольях> (углях);

ստեղների վրա նստած լինել, փշերի վրա նստած լինել, տեղը տեղ չտալ

ни бельмеса – ни бум-бум – ни бе ни ме <ни кукареку>

խելքը չի կտրոււմ, խելքը չի հաւնու, գլուխը բան չի մտնոււմ, երկու իշի գարի բաժանել չգիտե – այրը փախաւով բռնել, ուղտի (իշի) ականջոււմ քնած լինել

✓ Междометными являются такие фразеологизмы-синонимы, как:

черт возьми! – черт побери!;

ւստիւնաւն տաւի, գրողը տաւի, գրողի տարած, ւստիւնաւի (գրողի) բաժին լինելու

вот те (тебе) <и> раз! – вот те (тебе) <и> на! – вот так штука!

ա՛յ քեզ բան, ա՛յ քեզ օյին, ա՛յ քեզ խաթախախա

Проблема синонимии в силу своей многоаспектности и когнитивной природы постоянно привлекает внимание исследователей. В языкознании лексическими синонимами принято называть слова, близкие или тождественные по значению, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся при этом или оттенками значения, или стилистической окраской, или и тем и другим. Под фразеологическими синонимами понимаем два (или более) фразеологизма, обозначающих одно понятие, принадлежащих к одному классу, одной субкатегории, группе и отличающихся друг от друга семантически или стилистически. [1, 3-21].

Итак, синонимия - бинарное отношение двух равнозначных, то есть соотнесенных с одним и тем же сигнификатом (языковым означаемым), единиц, иногда тождественных (так называемые «абсолютные синонимы»), принадлежащих одному языку, одному категориальному классу, часто одному временному срезу. Обобщая опыт исследования синонимии, приходим к выводу о многоаспектности подходов к определению ее сущности: так, синонимы определяются как слова и выражения, имеющие одинаковое значение в некоторых или любых контекстах, на первый план выдвигается тождество или сходство значений; синонимы полностью или частично взаимозаменяемы в тексте;

основополагающими оказываются оценочно-характеризующие, стилистические свойства синонимов; подчеркивается зависимость значения номинативной единицы от того или иного контекста. «Синонимия – полное или частичное совпадение значений языковых выражений. Синонимия представляет собой тип семантических отношений в языке. Свойства синонимических отношений определяется видом значения, а также системой сходств и различий, устанавливаемых между значениями языковых выражений или единиц языка» [3, 3-14; 5, 3-12].

При определении синонимов важны критерии синонимичности. Первым и наиболее важным критерием синонимичности считается смысловая близость языковых единиц, обусловленная их понятийным тождеством. Фразеологические синонимы часто употребляются в речи в качестве однородных членов предложения [3, 3-14; 4, 25]. Это, с одной стороны, позволяет более точно выразить понятие, а с другой – свидетельствует о возможности замены синонимов в определенных контекстах и, следовательно, об их понятийном тождестве. Понятийное тождество проявляется и в одинаковой лексико-семантической и грамматической характеристике употребляемых с синонимами единиц.

Другим критерием синонимичности может стать взаимозаменяемость синонимов в контекстах, близких по смыслу, причем при замене не должен измениться смысл высказывания. Еще одним критерием синонимичности является совпадение сочетаемости синонимов. Не могут быть синонимами лексемы и фразеологизмы, сходные в значениях, но отличающиеся лексической и синтаксической сочетаемостью и поэтому употребляемые в разных контекстах. Итак, все члены синонимического ряда являются таковыми только на основании совпадающей лексико-семантической и синтаксической сочетаемости.

Исследования фразеологических синонимов, показали, что, с одной стороны, фразеологическая синонимия имеет ту же природу и сущность, что и синонимия лексическая. «Как показывают материалы синонимических словарей, фразеологическая синонимия сближается с лексической. Синонимичными признаются

фразеологические единицы, соотносимые с одним и тем же денотативным содержанием, но различающиеся по способу номинации и по характеру экспрессии. Нередко образуются достаточно протяженные парадигмы, включающие лексические и фразеологические единицы» [5, 3-12; 7, 20-71]. И лексические, и фразеологические синонимы демонстрируют отношения параллелизма: те и другие обозначают одно понятие, имеют одно категориальное значение и различаются оттенками значений или принадлежностью к разным стилевым пластам. Однако с другой стороны, фразеологическая синонимия имеет свойство, которое качественно отличает ее от синонимии слов: членами фразеологического ряда всегда являются бывшие синтаксические конструкции – модели словосочетаний, сочетаний слов, предложений, ставшие номинативными единицами, по содержанию богаче, специфичнее лексем. В контексте лексический и фразеологический синонимы взаимозаменяемы без изменения смысла всего предложения. Смысл предложения не меняется, но снижается степень оценочности высказывания. Так, например: 1) фразеологизм **«спины не разгибать»** не эквивалентен слову **работать**: во-первых, компонент не в сочетании с бывшим глаголом физической деятельности в форме несовершенного вида создает коннотативную сему интенсивности и высокой степени длительности действия, которая отсутствует у глагола **работать**; во-вторых, можно более точно определить значение фразеологизма - **«много и тяжело работать»** или **«работать до изнурения»**; в-третьих, лексема **работать** является общеупотребительной, а фразеологизм, как более экспрессивный, принадлежит к разговорной сфере употребления. 2) Фразеологизм **«души не чаять»** в ком/чем-л. и глагольная лексема **любить** имеют одно и то же категориальное значение процесса, принадлежат к субкатегории отношения, к семантической группе положительного отношения к объекту. Смысл предложения при замене фразеологизма на глагольную лексему не меняется, но снижается степень эмоциональной оценки действия. Фразеологизм **«души не чаять»** не эквивалентен слову **любить**: во-первых, компонент не в сочетании с бывшей глагольной лексемой

чаять формирует сему высшей степени проявления действия, которая отсутствует у глагола семы любить; во-вторых, значение фразеологизма **«души не чаять»** можно точнее передать словосочетанием **«безмерно любить»** или **«обожать до самопожертвования»**. Следовательно, слова и фразеологизмы необходимо рассматривать в комплексе, как две номинативные единицы языка, в этом случае проявляется смысловое богатство и специфика номинирования и тех, и других. Таким образом, учитывая лингвистическую природу синонимии, следует отметить:

1) Сложность явления синонимии как единства тождества и различия языковых единиц.

2) Необходимость разработки системы критериев синонимичности;

3) Необходимость обязательного изучения не только лексической, но и фразеологической синонимии как специфического способа отражения объективной действительности.

Исследования ФЕ в ракурсе синонимии позволили сделать определенные выводы, а именно:

1) Явление синонимии как лексико-семантической категории со всеми ее особенностями проявляется также в узкой тематической группе фразеологизмов, обозначающих эмоциональное состояние человека.

2) Синонимия ФЕ, связана с явлением многозначности, так как семантическое сближение не всегда одинаково охватывает все значения фразеологизмов. Фразеологизмы, взаимозаменяемые в одном из значений, утрачивают это свойство в другом.

3) При обучении русскому языку как иностранному возникает необходимость варьирования фразеологизмов-синонимов, особенно в плане их употребления в связной речи, так как эти синонимы требуют разных способов включения их в предложение.

Также как и в русском, в армянском языке фразеологизмов-синонимов несравненно больше, чем омонимов и антонимов.

Сопоставительно-типологический анализ русских и армянских фразеологизмов-синонимов позволяет сделать следующие выводы.

1) Фразеологическая синонимия, как лексико-семантическая категория, в армянском языке, представлена также широко, как и в русском.

2) Фразеологизмы-синонимы в армянском языке с точки зрения их структуры также делятся на одноструктурные и разноструктурные.

3) Подавляющее большинство армянских фразеологизмов-синонимов образуют ряды из трех и более членов, а имеющие только один синоним, составляют лишь незначительную их часть.

В русской фразеологии, синонимические ряды, состоящие из десяти и более членов представлены достаточно узко:→ Во фразеологии синонимические ряды с десятью и более членами — действительно исключение из правил. Подавляющее большинство фразеологических синонимических рядов состоит из двух-четырех (реже пяти-семи) компонентов, тогда как в лексике (для обычных слов) ряды из десятков синонимов встречаются часто. Такая узость объясняется уникальной природой самих фразеологизмов, каждый из которых обладает *яркой экспрессией, грамматической спецификой и узкой сочетаемостью*.

Обширные фразеологические ряды (в 10 и более членов) встречаются только для базовых, универсальных понятий повседневной жизни, таких как:

- «Бездельничать / лениться» (около 15+ единиц): *бить баклуши, валять дурака, лодыря гонять, плевать в потолок, сидеть сложа руки, бить балду, лентяя праздновать, слонов гонять, палец о палец не ударить, считать ворон, баклуши бить, прохлаждаться на все корки, гонять лодыря.*
- «Умереть» (более 12-15 единиц): *отдать богу душу, сыграть в ящик, приказать долго жить, дать дуба, отправиться к праотцам, уйти в мир иной, протянуть ноги, отбросить копыта, склеить ласты, врезать дуба, богу душу отдать, испустить дух.*

- «Убегать / быстро двигаться» (до 15 единиц): *во все лопатки, во весь опор, сломя голову, высунув язык, как ошпаренный, пятки сверкают, только пятки и видели, не чуя под собой ног, задать стрекача, дать деру, смотреть удочки.*

Фразеологизм базируется на ярком, конкретном образе. Чем сложнее и экзотичнее образ, тем труднее подобрать к нему точный лингвистический эквивалент с тем же переносным значением.

Фразеологизмы почти всегда имеют сильную стилистическую окраску (разговорную, просторечную, книжную, ироничную), которая делает взаимозаменяемость внутри ряда очень жесткой и ограниченной.

В отличие от многозначных слов, фразеологизмы часто привязаны к конкретным ситуациям или объектам (например, сказать «с гулькин нос» можно только про размер или количество, но не про время).

В зону фразеологических синонимов заносятся наиболее употребительные фразеологические единицы, синонимичные какому-то элементу ряда. Примеры: **воображать** — *рисовать в воображении*; **жаловаться** — *плакаться в жилетку* (кому-л.); **использовать** — *пускать в ход, пускать в дело*; **обещать** — *давать обещание, связать себя словом, брать (на себя) обязательство, давать зарок, кормить обещаниями, обещать золотые горы, наобещать с три короба.*

В отличие от русской, в армянской фразеологии такие длинные синонимические ряды встречаются намного чаще. Богатейшая фразеологическая синонимия армянского языка детально описана в академических словарях фразеологических единиц [4, 5, 9]. Армянские идиомы (դիմաբանություններ) отличаются экспрессивностью и обилием синонимических рядов, насчитывающих порой более 15–20 выражений, описывающих одно и то же состояние или действие. Приведем ряд примеров.

1. Разозлиться (прийти в ярость, выйти из себя):

Армянский язык предлагает множество ярких метафор для описания сильного гнева или потери самообладания.

Աչքերը արյունով լցվել (ачхнери арюнов лицвел - букв. «глаза кровью наполнились»); → Միտը պայթել (букв. «сердце лопнуло»); → Դուրս գալ իր կաշվից (букв. «вылезти из своей кожи»); → Երեսը մուրանալ (букв. «лицо стало как сажа»); → Գլխին եփվել (букв. «свариться на голове»); → Սատանաները խաղալ (букв. «черти заиграли»); → Արյունը գլխին խփել (букв. «кровь ударила в голову»); → Լեղին ճաքել (букв. «желчь треснула»); → Բերանից կրակ թափվել (букв. «из рта огонь посыпался»); → Մազերը բիզ-բիզ կանգնել (букв. «волосы дыбом встали»); → Կատաղությունից պայթել (букв. «лопнуть от ярости»); → Ինքն իրենից դուրս գալ (букв. «выйти из самого себя»); → Թոքերը դուրս թռչել (букв. «легкие наружу выпрыгнули»); → Զրից ծուխ դուրս գալ (букв. «дым из носа пошел»); → Ատամները կրճատացնել (букв. «заскрипеть зубами»); → Գլուխը պատով տալ (букв. «ударить голову об стену»); → Կրակ դառնալ (букв. «стать огнем»).

2. Лентяйничать (бездельничать, бить баклуши):

Подобные идиомы высмеивают непродуктивное времяпрепровождение.:

Զեռքը ձեռքին չդնել (букв. «руку на руку не положить»); → Բերանը բաց նստել (букв. «сидеть с открытым ртом»); → Ճանճեր քշել (букв. «мух гонять»); → Օրերը անցկացնել (букв. «проводить дни»); → Գլուխը քարը տալ (букв. «бить голову о камень»); → Մի կտոր հաց ուտել (букв. «есть кусок хлеба»); → Թևերը ծալած նստել (букв. «сидеть со сложенными руками»); → Անգործության մատնվել (букв. «предаться безделию»); → Ջուրը ծեծել (букв. «воду толочь»); → Բամին քշել (букв. «ветер гонять»); → Ստամոքսը լցնել (букв. «наполнять желудок»); → Ոտքը ոտքի վրա գցել (букв. «закинуть ногу на ногу»); → Աշխատանքից խուսափել (букв. «уклоняться от работы»); → Ինքն իրենով զբաղվել (букв. «заниматься самим собой»); → Մատը մատին չխփել (букв. «палец о палец не ударить»); → Հաց կտրել (букв. «хлеб резать»).

3. Обеднеть (разориться, остаться ни с чем):

В армянской фразеологии бедность чаще всего связывают с «пустотой» карманов, рук, дома, а также с потерей земли или крыши над головой.

Ձեռքը դառնալով (букв. «рука опустела»); → Գրպանը դառնալով (букв. «карман опустел»); → Չոր հացին կարոտ մնալ (букв. «тосковать по сухому хлебу»); → Չուլ ու փալա դառնալ (букв. «превратиться в тряпки и рогожу»); → Կոպեկի կարոտ լինել (букв. «нуждаться в копейке»); → Ձեռքը ծոցը մնալ (букв. «рука осталась в пазухе»); → Տնանկ դառնալ (букв. «стать бездомным»); → Աշխարհից կտրվել (букв. «отрезать себя от мира»); → Գլխին քար ընկնել (գլխի ունեցածը կորցնել) (букв. «камень на голову упал», в значении потерять всё); → Բորիկանալ (բորիկ մնալ) (букв. «остаться босиком»); → Տունը քանդվել (букв. «дом разрушился»); → Ձեռքերը ծալած մնալ (букв. «остаться со сложенными руками / без средств»); → Ոչինչ չունենալ (букв. «ничего не иметь»); → Կյանքը մաշվել (букв. «жизнь изнасилась»); → Օրվա հացին կարոտ լինել (букв. «нуждаться в насущном хлебе»); → Փողոցում մնալ (букв. «остаться на улице»).

4. Обмануть (перехитрить, ввести в заблуждение):

Армянский разговорный язык невероятно богат на фразеологизмы, описывающие обман. Большинство из них связаны с частями тела (глаза, уши, нос) или бытовыми манипуляциями.

Աչքերին թոզ փչել (букв. «пустить пыль в глаза»); → Մատի վրա խաղացնել (букв. «крутить/играть на пальце»); → Քրից բռնած ման ածել (букв. «водить за нос»); → Ականջին լապշա կախել (букв. «вешать лапшу на уши»); → Գլխին խաղ խաղալ (букв. «сыграть с чьей-то головой в игру»); → Էշի տեղ դնել (букв. «принимать за осла»); → Ջրի ճամփան ցույց տալ (ջուրը տանել, ծարավ հետ բերել) (букв. «отвести к воде и вернуть испытывающим жажду»); → Խաբեության մատնել (букв. «предать обману»); → Գլուխը տանել (գլուխը արդուկել/պտտեցնել) (букв. «закружить голову»); → Աչքը կոխել (աչքը խաբել) (букв. «обмануть глаз»); → Ծուղակը գցել (букв. «поймать в ловушку»); → Մոլորության մեջ գցել (մոլորեցնել) (букв. «ввести в заблуждение»); → Ուրից խփել (букв. «подставить подножку»); → Հերիաթներ պատմել (букв. «рассказывать сказки»); → Դարան մտնել (խաբելով բռնել) (букв. «заманить в засаду»); → Սուտ փչել (букв. «дуть/раздувать ложь»).

Чтобы оценить результаты сравнительного анализа синонимических характеристик ФЕ в русском и армянском языках, для начала следует выявить их общие черты и особенности. Подробное изучение синонимических рядов ФЕ русского и армянского языков выявляет богатое лексическое разнообразие при типологических расхождениях. Грамматический строй и специфика смыслообразования диктуют как структурные сходства, так и глубокие лингвокультурные особенности [1, 3, 4, 5].

Сравнительный анализ русских и армянских фразеологических синонимов позволяет выявить следующие общие черты.

1) Многообразие выбора: в обоих языках синонимические ряды охватывают все основные части речи, обеспечивая стилистическую выразительность текста.

2) Структура синонимического центра: как в русском, так и в армянском языке синонимы группируются вокруг семантической доминанты, представляя объективную реальность через призму эмоциональных оценок.

3) Основные структурные типы: в обоих языках присутствуют синонимические ряды, включающие *полные эквиваленты* (совпадающие по смыслу и образности) = *не верить своим ушам* \\\ *սիսիջնեքիմ չսիսիտիմ*. и *частичные эквиваленты* (совпадающие по значению, но различающиеся набором компонентов или грамматической формой) = *доводить до белого каления* (рус.), в армянском звучит иначе: *սիսիսիմ դուր հիւսկիդ*.

Наряду с общими чертами русских и армянских фразеологических синонимов есть также и различия.

1) **Морфологическая специфика:** в русском языке синонимы часто взаимозаменяемы, тогда как в армянском более активны синонимы, меняющие степень обобщенности.

2) **Лексико-семантическая емкость:** в армянском языке многие понятия передаются сложными составными словами (композиатами), в то время как русский синоним может быть представлен – лексемой.

3) **Стилистическая маркированность:** она заключается в том, что эквивалентные по смыслу синонимы в разных языках, могут относиться к разным стилям. Например, в русском выражение может

носить книжный оттенок, а в армянском – разговорный (или наоборот). С другой стороны многие специфические идиомы (*безэквивалентные* ФЕ), выражают национальные реалии, традиции или культурные коды, которые при переводе требуют описательного метода, так как не имеют прямого синонима. Кроме того, при сравнительном анализе специфических синонимических рядов ФЕ, в армянском языке наблюдается более сложная структура передачи модально-экспрессивных оттенков.

Встречаются характерные армянские концептуальные метафоры, отражающие местный менталитет. Безусловно, национальные особенности проявляются и в русских синонимических рядах ФЕ. Так, русское = *взять себя в руки* часто переводится в армянском как *հալիւրիկ ինքի իրեն* (*собрать самого себя*) или *զաւրիկ իրեն* (*сдерживать себя*).

В заключение необходимо сказать, что лингвистические различия между русской и армянской эмотивной фразеосистемами демонстрируют два уникальных способа адаптации человека к миру чувств. В то время как русский язык фиксирует эмоцию как глубокое, часто фатальное внутреннее переживание духа, армянский язык превращает эмоцию в активное телесно-сердечное действие, направленное на единение с ближним.

Понимание этих закономерностей критически важно для межнациональной и социокультурной коммуникации. Оно помогает избежать серьезного непонимания: там, где русскому человеку армянская экспрессия может показаться избыточной, на самом деле проявляется вековая культура эмпатии. И наоборот — там, где армянину русская сдержанность покажется холодным равнодушием, скрывается глубинная защита личного пространства «души».

Примечания к практическому применению.

Фразеологическая синонимия и анализ ее особенностей помогает преподавателям на занятиях со студентами неязыковых факультетов в целях овладения ими грамотной речью. Практика преподавания в армянской аудитории показывает, что наиболее прочное усвоение русской фразеологии достигается при функциональном анализе определенных групп фразеологических единиц (ФЕ), связанных с описанием человека и

его деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка». М., АСТ-Пресс книга, 2009, 448 с. С. 3-21; 25-227.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Под ред. В. Н. Телии. М., АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с. (781 с.). С. 6-14; 15-744.
3. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Рус. яз., 1987. 440 с. С. 3-14.
4. Русско-армянский словарь синонимов, антонимов, омонимов, паронимов / Агаян Р.Э., Байбуртян Н.А., Грдзелян Р.Р. – Ереван: Манмар, 2016. 464 с. С. 11-174.
5. Русско-армянский фразеологический словарь /Под редакцией Р.Л. Мелкумяна и П.М. Погосяна. Ереван, 1975, 615 с. С. 3-12.
6. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа. 2001. 4-е изд. 416 с. С. 262-267.
7. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка // Лингвистическое наследие XX века. Изд. 5, испр. и доп.. М., 2010. 272 с. С. 20-71.
8. Яранцев Р.И. Русская фразеология // Словарь-справочник. М.: Русский язык, 2001, 845 с. С. 3-8; 9-760.
9. Պերրյան Ե.Հ. Հայերենի դարձվածքները: Երևան, ԵՊՀ հրատ., 1969. 136 էջ. Էջ 20-45; 65-79.

REFERENCES

1. Birixh A.K., Mokienko B.M., Stepanova L.I. «Slovar frazeologicheskix sinonimov russkogo yazyka». M., ACT-Press Kniga, 2009, 448 s. S. 3-21; s. 25-227.
2. Bolshoy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka. pod red. V. N. TELIYI. M.: ACT-Press Kniga, 2006). 784 s. (781 s.), S. 6-14; 15-744.
3. Jukov V.P., Sidorenko M.I., Shklyarov V.T. Slovar frazeologicheskix sinonimov russkogo yazyka. M: Rus. Yaz., 1987. 440 s. S.3-14.
4. Russko-Armyqnskiy slovar sinonimov, antonimov, omonimov, paronimov / Agayan R.YE., Bayburtyan N.A., Grdzelyan R.R. -Erevan.: Manmar, 2016. 464 s. S. 11-174.

5. Russko-Armyqnskiy frazeologicheskiy slovar.//pod redakciyey R.L. Melkumyana and P.M. Pogosyana. Erevan., 1975, 615 s. S. 3-12.
6. *Fomina M.I.* Sovremenny russkiy yazik. Leksikologiya. M., /4-e Izd.//Visshaya shkola. 2001, 416 s., s.262-267.
7. *Shanskiy N.M.* Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka // Lingvisticheskoe nasledie XX veka. Izd. 5, ispr. i dop., M., 2010, 272 s. S. 20-71.
8. *Yarancev R.I.* Russkaya frazeologiya // Slovar-spavochnik. M., Russkij yazyk, 2001, 845 s. S. 3-8, S. 9-760.
9. *Gevorkyan E.H.* Hayereni darcvacqner. Erevan: YSU hrat., 1969. 136 s. S. 20-45; 65-79.

ՀՈՒՅՉԱՅԻՆ ԴԱՐՁՎԱԾԱՔԱՆԱԿԱՆ ՄԻԱՎՈՐՆԵՐԻ ՀՈՍԱՆԻԾՆԵՐԻ ԱՌԱՋՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

Մ.Դ. ԿԵՍԱՅԱՆ

Երևանի պետական համալսարան

Այս հոդվածը ներկայացնում է հոմանիշության երևույթի ընդհանուր ակնարկ և դրա բնութագրերի վերլուծություն, որոնք օգնում են ուսուցիչներին ոչ լեզվաբանական ֆակուլտետների ուսանողներին դասավանդելու հարցում նպաստելով նրանց գրագետ խոսքի զարգացմանը: Ռուսերենի և հայերենի դարձվածաբանական միավորների հոմանիշների համադրությունների համեմատությունը բացահայտեց լեզվական տարբերություններ ռուսական զուսպ և հայերենի արտահայտչական դարձվածաբանական համակարգերի միջև՝ ցույց տալով երկու տարբեր և եզակի եղանակներ, որոնցով մարդիկ հարմարվում են զգացմունքների աշխարհին:

Բանալի բառեր՝ հոմանիշի երևույթ, բառապաշարային իմաստ, իմաստաբանություն, զգացմունքային դարձվածաբանական միավորներ, ռուսերեն և հայերեն լեզուներով դարձվածաբանական հոմանիշի համեմատական վերլուծություն, արտահայտչականություն, բառեմների և դարձվածաբանական միավորների հոմանիշ շարքեր, զգացմունքների լեզվաբանություն:

ON THE FEATURES OF SYNONYMY OF EMOTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN AND ARMENIAN

M. D. KESAYAN

Yerevan State University

This article provides a general overview of the phenomenon of synonymy and an analysis of its characteristics, which assist teachers in teaching students in non-linguistic faculties, helping them develop literate speech. A comparison of synonymous sets of Russian and Armenian phraseological units revealed linguistic differences between the reserved Russian and expressive Armenian phraseological systems, demonstrating two distinct and unique ways in which humans adapt to the world of emotions.

Key words: *phenomenon of synonymy, lexical meaning, semantics, emotive phraseological units, comparative analysis of phraseological synonymy in Russian and Armenian languages, expressiveness, synonymous series of lexemes and phraseological units, linguistics of emotions.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 3 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ

А. Р. ГАРЕГИНЯН

Ширакский государственный университет (ШГУ)

aidagareginyan1973@mail.ru

Статья посвящена одному из разделов языкознания – лингвопрагматике. В ней рассматриваются теории речевых актов Джона Остина, Пола Грайса и Джона Серля. Отмечается характеристика лингвопрагматического обстоятельства, анализируются его основные компоненты, отражающие взаимосвязь лингвопрагматики и теории речевых актов, исследуются цели высказываний, речевые стратегии и влияние контекста на понимание языка как инструмента действия. Один из компонентов функционирования связан с пониманием соотношения «знак – пользователь – ситуация».

Ключевые слова: лингвопрагматика, максима, локуция, иллокуция, перлокуция, вердиктив, комиссивы, имплицатура, эксплицатура, декларативы, экспрессивы.

Введение

Исследования в области лингвистической прагматики имеют интернациональный характер и отличаются исключительной многоаспектностью (П.Вацлавик, Г.П. Грайс, Д. Вандервекен, Р.Ч. Столнейкер, Дж. Лич, И.П. Сусов, В.В. Богданов, Ю.С. Степанов, Т.В. Булыгина, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, А.Е. Кибрик, И.М. Кобозева, С.А. Сухих, М.Л. Макаров, В.И. Заботкина и др.) [Подр.см.: 2; 5; 9; 10].

«При анализе речевого процесса необходимо учитывать такой фактор, как связь речи с целостно-когнитивной и эмоционально-

личностной сферой говорящего («говорящий субъект», «языковая личность»» [4, с. 57-68].

Б.Ю. Норман определяет лингвопрагматику, как «область исследования в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков речи». Лингвопрагматика занимается «изучением поведения языковых знаков в реальных процессах коммуникации» [7].

Н.Д. Арутюнова отмечает, что лингвистическая прагматика – это «лингвистика, погруженная в жизнь» [1, с. 145-149].

Целью нашей статья является исследование связи лингвопрагматики с воздействием на человека и эмоции речевого партнера, подтверждающих, что в круг ее интересов входят также действие, модальность, стилистическая окраска.

Лингвистическая прагматика тесно связана с теорией речевых актов, которая связана с работами британского логика Дж.Остина, американского философа Дж.Серля, английского лингвиста и философа Пола Грайса.

Основная часть. Термин «прагматика» (от греч. *πράγμα* -дело, действие) введен в конце 30-х гг. XX века Чарльзом Уильямом Моррисом как название одного из разделов семиотики-науки о знаках. Семиотика, по Моррису, «распадается на три составляющие: семиотику, изучающую отношение знаков к объектам, синтактику – раздел о межнаковых отношениях, и прагматику, исследующую отношение говорящего к знакам» [6, с. 39].

Лингвистическая прагматика (лингвопрагматика) – это дисциплина, изучающая способность человека выражать с помощью лингвистических средств свои намерения и понимать намерения собеседника (т.е. понимать, зачем и почему собеседник произнес то или иное высказывание), исходя из контекста, в котором было произнесено высказывание.

Что представляет собой лингвопрагматика и каковы основные правила построения речевых актов? Наши речевые коммуникации – это не обмен не взаимосвязанных между собой различных фраз, а это есть не что иное, как передача друг другу информации, и в этом

случае мы не только передаем информацию, но желаем получить обратную информацию от собеседника, т.е. адресанта.

Итак, коммуникация – это обмен информацией. Следовательно, коммуникация – это упорядоченная цепочка более или менее согласованных действий. Поэтому, можно сказать, что говорение есть один из видов целенаправленного и рационального поведения человека.

Герберт Пол Грайс начал изучать речевые акты и пришел к выводу о том, что все коммуникации подчинены каким-то определенным законам, определенным смыслам. В процессе своего изучения он доказал, что наше взаимодействие строится на основе определенной кооперации. Этот закон он назвал законом принципов кооперации.

Принцип кооперации, в соответствии с Грайсом, передается следующим образом: «Делайте свой вклад в разговор таким, какой требуется в тот момент, в который происходит разговор, и с той целью или направлением обмена реплик (т.е. диалога), в который вы вовлечены» [3, с. 217-237].

Принцип кооперации тесно и взаимно связан с основными правилами, которые вывел П.Грайс. Эти правила или, как их по-другому называют «максимы», Пол Грайс рекомендовал для применения в рамках речевых коммуникаций.

Это максимы (правила): 1) максима количества, 2) максима ясности, 3) максима качества, 4) максима релевантности (соответствие).

Максима количества. Само понятие говорит о том, что в наших высказываниях должно содержаться определенное количество информации, а именно: высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется для цели диалога, а также высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется.

Максима качества требует определенного диалога: во-первых, не говорите того, что считаете ложным; во-вторых, не говорите того, для чего у вас нет достаточных оснований.

Максима релевантности включает следующее суждение: не отклоняйтесь от темы.

Максима ясности включает следующее положение:

- 1) избегайте непонятных выражений;
- 2) избегайте двусмысленности;
- 3) будьте лаконичны (избегайте многословия);
- 4) будьте организованны (нельзя отвлекаться, а показывать, что вы участвуете в беседе).

Еще одно понятие прагматики, также связанное с именем П.Грайса – понятие имплицатуры. Имплицатура – это небуквальные аспекты значения и смысла, которые не определяются непосредственно конвенциональной структурой языковых выражений (языковым кодом), т.е. то, что подразумевается, на что намекается. Исследователей больше интересует понятие «имплицатура», чем эксплицатура. Эксплицатура – это внешнее, видимое, а имплицатура – это то, что скрывается за нашими словами, за нашими фразами. Конвенциональность – это некое соглашение договора, другими словами, когда мы говорим о конвенциональной структуре, мы говорим о договорной структуре, т.е. как договариваемся о том, как будем строить свою коммуникацию. Таким образом, одним из главных объектов изучения лингвопрагматики является правила ведения разговора, который подчиняется принципу кооперации, выведенной П.Грайсом.

Важно помнить, что в стандартной ситуации собеседники исходят из установки, что максимы Грайса должны соблюдаться всеми участниками коммуникации, при этом в разных культурах не совпадает понимание того, как должны соблюдаться максимы Грайса.

Одним из аспектов лингвопрагматики является теория речевых актов. Понятие «речевой акт» было выведено Джоном Остиным.

Речевой акт – это целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [8].

Таким образом, намеренность и конвенциональность являются основными свойствами речевого акта. Джон Остин выделил три составляющих речевого акта – локуцию, иллокуцию и перлокуцию.

Локуция – это собственно акт говорения, произнесение высказывания: на данном уровне не учитываются намерение говорящего и успешность совершения действия.

Иллокуция – это высказывание, произнесенное с целью воздействия на адресата: на этом этапе реализуется коммуникативное намерение говорящего, т.е. какая информация передается и как это делается, достигаемый в результате совершения речевого акта, т.е. единственный из уровней высказывания, осуществление которого зависит от адресата.

Речевые акты, по Остину, можно разделить на две группы:

Прямой речевой акт (ПРА) – называет иллокутивную цель высказывания («Поедем на экскурсию за город»).

Косвенный речевой акт (КРА) – иллокутивный акт, осуществляемый «опосредованно», путем осуществления другого иллокутивного акта.

Пример такого речевого акта, ставший классическим: «Вы могли бы передать мне соль?». Прямой смысл скрывается посредством косвенного речевого акта.

Еще одной категорией, которая была введена в теорию речевых коммуникаций – это перформативная (от лат. *performa* – создаю, образую). Перформатив – это особый класс речевых актов, значение которых совпадает с действием, которое они выполняют. К ним относятся высказывания, например: «Прошу прощения», «Прими поздравление от меня».

Особенности перформативов следующие:

- 1) перформативное высказывание совершает действие, а не описывает его;
- 2) глагол переоформативного высказывания обычно стоит в первом лице, единственного числа, настоящего времени;
- 3) перформативное высказывание не может быть истинным или ложным, оно передается как искреннее или неискреннее;
- 4) перформативное высказывание может быть успешным или неуспешным, чтобы быть успешным, оно должно удовлетворять критериям успешности (по Остину);

- 5) перформативное высказывание опирается в той или иной мере на языковые и социальные конвенции и потому имеет нормативные для общества последствия.

Можно привести две типологии речевых актов: типология по Джону Остину и типология по Джону Серлю. Джон Остин выделил пять типов речевых актов - вердиктивов.

1. С помощью них мы выносим вердикт (решение), причем этот вердикт не обязательно должен быть окончательным: это может быть мнение, оценка или одобрение: оценивать, осуждать, полагать.

2. Эксерситивы – приказы, советы, принуждения, предостережения: нарекать, советовать, приказывать.

3. Комиссивы – обязывают говорящего что-то сделать, также к ним относятся объявления о намерении сделать что-то: заявить, обещать, заключить договор, соглашаться.

4. Бехабитивы – «чрезвычайно смешанная группа, которая имеет дело с установками и социальным поведением»: поздравлять, извинять, сожалеть, благодарить, соболезновать.

5. Экспозитивы – «используются в действиях объяснения, включающих представление точки зрения, изложение аргументов»: утверждать, отрицать, докладывать.

Джон Серл выделил также пять видов речевого акта. Некоторые из этих типов совпадают с типологией Джона Остина. Однако есть и существенные различия. Во-первых, Джон Серл выделил такие группы:

- 1) Ассертивы или репрезентативы: «Смысл, или цель, членов класса репрезентативов в том, чтобы зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения. Например, утверждать, отрицать.
- 2) Комиссивы – этот тип совпадает с одноименным классом РА в типологии Дж. Остина.
- 3) Директивы – «Иллокутивная направленность их состоит в том, что они представляют собой попытку говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил». Например, советовать, рекомендовать.

- 4) Декларативы – «Осуществление какого-либо акта из этого класса устанавливает соответствие между пропозиционным содержанием и реальностью». Например, отказываться, отрекаться, объявлять, одобрять.
- 5) Экспрессивы – «иллокутивные силы, цель которых - выразить психическое состояние говорящего». Например, сочувствовать, извиняться, радоваться.

Таким образом, можно сказать о том, что речевые акты во многом определяются типологией.

Выделяют два типа речевого акта:

1. Это прямой речевой акт, в котором мы непосредственно не только высказываемся, но и делаем: норма-речь – это продолжение дела.
2. Вторая группа – это косвенные речевые акты, в которых истинный смысл наших слов скрывается внутри.

Заключение. На основании вышеизложенного, можно утверждать, что лингвопрагматика изучает язык как средство, используемое индивидами в их непосредственной деятельности, и рассматривает способность с помощью языка передавать свои мысли и понимать намерения собеседника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Стратегия и тактика речевого поведения. // Прагматические аспекты изучения текста // Киев: Глобус, 1983. – С. 145-149.
2. Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа. // Язык как средство трансляции культуры: сборник статей. – М.: Наука, 2000. – С. 54-68.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
4. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля. Филологические науки. – 1972. № 1. – С. 57-68.
5. Кобозева И.М. Новое в зарубежной лингвистике. М.: «Прогресс», 1986. – 423 с.
6. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология. Сборник переводов / Под ред. Ю. С. Степанова.. – М.: Радуга, 1982.

7. *Норман Б.Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и др. славянских языков). Минск. БГУ, 2009. – 185 с.
8. *Остин Дж.Л.* Как производить действия с помощью слов. 1962. – 167 с.
9. *Серл Дж.Р.* Речевые акты: Эссе по философии языка. Оксфорд, 1969. – 203 с.
10. *Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка. М.: «Языки рус. культуры». 1998. – 784 с.

REFERENCES

1. *Arutyunova N.D.* Strategiya i taktika rechevogo povedeniya. // Pragmaticscheskie aspekty izucheniya teksta. Kiev: Globus, 1983. – S. 145–149.
2. *Gak V.G.* Yazik kak forma samovirazheniya naroda. // Yazik kak sredstvo translyatsii kulturi: sbornik statey. – M.: Nauka, 2000. – S. 54–68.
3. *Grayis G.P.* Logika i rechevoe obshchenie. // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vip. XVI. M.: Progress, 1985. – S. 217–237.
4. *Karaulov Yu.N.* Struktura leksiko-semanticheskogo polya. Filologicheskie nauki. – 1972. № 1. – S. 57–68.
5. *Kobozeva I.M.* Novoe v zarubezhnoy lingvistike. M.: “Progress”, 1986. – 423 s.
6. *Morris Ch.U.* Osnovaniya teorii znakov // Semiotika. Sbornik perevodov. – M.: Raduga, 1982. – S. 39.
7. *Norman B.Yu.* Lingvistsheskaya pragmatika (na materiale russkogo i dr. slavyanskikh yazykov). Minsk: BGU, 2009. – 185 s.
8. *Ostin Dzh.L.* Kak proizvodit' deystviya s pomoshyu slov. 1962. – 167 s.
9. *Syori Dzh.R.* Rechevie akti: Esse po filosofii yazika. Oksford, 1969. – 203 s.
10. *Stepanov Yu.S.* Yazik i metod. K sovremennoy filosofii yazika. M.: “Yaziki russkoy kulturi”, 1998. – 784 s.

ԼԵՉՎԱՐԱՆԱԿԱՆ ՊՐԱԳՄԱՏԻԿԱՅԻ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ԱՍՊԵԿՏՆԵՐԸ

Ա. Ռ. ԳԱՐԵԳԻՆՅԱՆ

ՇԻՐԱԿԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ (ՇՊՀ)

«Լեզվաբանական պրագմատիկայի հիմնական ասպեկտները» հոդվածը նվիրված է լեզվաբանության՝ լեզվաբանական պրագմատիկայի բաժնին: Այն դիտարկում է Ջոն Օպթինի, Փոլ Գրայսի և Ջոն Սեռլի խոսքային ակտերի տեսությունները: Հոդվածում ներկայացվում են լեզվապրագմատիկական հանգամանքի բնութագրերը, վերլուծվում են դրա հիմնական բաղադրիչները, որոնք արտացոլում են լեզվապրագմատիկայի և խոսքային ակտերի տեսության փոխկապակցվածությունը, ուսումնասիրվում են արտաբերումների նպատակները, խոսքի ռազմավարությունները և համատեքստերի ազդեցությունը ըմբռնման վրա՝ լեզուն դիտարկելով որպես գործողության գործիք: Այն ուսումնասիրում է արտաբերումների նպատակները, խոսքի ռազմավարությունները և համատեքստի ազդեցությունն ըմբռնման վրա՝ լեզուն դիտարկելով որպես գործունեության գործիք: Հետազոտության մեջ շեշտը դրվում է «նշան–օգտագործող–իրավիճակ» կապի վրա:

Բանալի բառեր՝ լեզվապրագմատիկա, մաքսիմ, լոկուցիա, իլոկուցիա, պերլոկուցիա, վերդիկտիվ, կոմիսիվներ, իմպլիկատորա, էքսպլիկատորա, դեկլարատիվներ, էքսպրեսիվներ:

THE MAIN ASPECTS OF LINGUISTIC PRAGMATICS

A. R. GAREGINYAN

State University of Shirak (SUSh)

The article “The Main Aspects of Linguopragmatics” is devoted to the section of linguistics – linguopragmatics. It examines the speech act theories of John Austin, Paul Grice and John Searle. The article presents the characteristics of the linguopragmatic circumstance and analyzes its main components, reflecting the interrelation between linguopragmatics and speech act theory, examines the purposes of utterances, speech strategies, and the influence of context on understanding, considering language as a tool of action. The study places emphasis on the “sign–user–situation” linkage.

Key words: *linguopragmatics, maxim, locution, illocution, perlocution, verdictive, commissives, implicature, explicature, declaratives, expressives.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.СХХII (122).2026 30.05.2026.

ЛИНГВОПОЭТИКА

ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ЛИРИКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И ЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Н. И. МАРТИРЯН

ЕГУ

naira.martiryan@ysu.am

ORCID: 0000-0002-8955-3861

В статье рассматриваются особенности функционирования церковно-религиозной лексики в лирике М.Ю. Лермонтова. Номинации распределены по следующим лексико-семантическим группам: основные религиозные понятия; силы света и тьмы; религиозные антропонимы и топонимы; обряды и обрядовая деятельность; культовые, обрядовые сооружения. Лексемы данных групп выполняют разные стилистические функции: номинативную, характерологическую, изобразительную, эмотивно-оценочную, смыслообразующую, текстообразующую.

Ключевые слова: церковно-религиозная лексика, лексико-семантические группы, стилистические функции, словарный состав, классификация.

Церковная-религиозная лексика стала проникать в русский язык в X веке, после принятия христианства Киевской Русью в 988 году. В современной лингвистике понятие «церковно-религиозная лексика» трактуется неоднозначно, поскольку до конца не решена проблема соотношений понятий «церковная лексика» и «религиозная лексика».

К религиозной лексике С.В. Булавина относит единицы, называющие «основные христианские понятия, большая их часть представлена в Библии – основном источнике христианского вероучения. Религиозная лексика не соотносится с материальной стороной жизни церкви, в этом ее главное отличие от церковной лексики» [1: 9]. Однако с таким подходом нельзя согласиться, поскольку, как отмечает А.М. Четырина, все, что связано с церковью, входит в понятие религии. «Церковная лексика является частью религиозной лексики как более широкого семантического объединения» [7: 107].

Семантический подход в рассмотрении церковно-религиозной лексике мы находим в работах К.А. Тимофеева [см. 5]. Автор использует термин «религиозная лексика» и выделяет три группы слов: слова, обозначающие понятия, свойственные всем монотеистическим религиям (Бог, душа, праведность, молитва); слова, обозначающие понятия, свойственные всем основным христианским конфессиям (Святая Троица, Святой Дух, Спаситель, апостол, Евангелие, Церковь, исповедь), слова, свойственные отдельным христианским конфессиям (например, наименования священнослужителей: батюшка, пастор, ксёндз, кюре, аббат, кардинал; богослужений: обедня, утренняя, всенощная, месса, лития, литания; частей храма: иконостас, притвор, паперть). Л.Н. Урбанович все слова и составные наименования, обозначающие церковные и религиозные понятия, именует религионимами [см. 6].

Сопоставление дефиниций понятий «религия» и «церковь» позволяет говорить о том, что понятие «религиозная лексика» является семантически более емким, поскольку объединяет совокупность лексем, обозначающих понятия всех религий мира (современных и древних, традиционных и нетрадиционных); понятие «церковная лексика» объединяет совокупность лексем, обозначающих понятия какого-либо одного религиозного направления или одного из христианских направлений. «Таким образом, церковная лексика является органичной частью религиозной лексики» [8: 76].

По мнению О.А. Крыловой, церковно-религиозной следует считать лексику, обладающую определённой функционально-стилевой окраской и регулярно функционирующую в сфере церковно-религиозной общественной деятельности. Автор отмечает, что такая лексика должна

сохранять церковно-религиозную окраску и вне контекста, например, в ряду не связанных по смыслу слов [2: 64; 3: 78].

С одной стороны, автор рассматривает данную лексику как принадлежность предполагаемого религиозно-проповеднического стиля. В связи с этим церковно-религиозными именуются слова, словосочетания высокого стиля – церковные термины, наименования верховного божества, церковных праздников, служителей церкви (Господь Вседержитель, Господь Бог и Спас наш Иисус Христос; боголюбивые пастыри, монашествующие, митрополит, пастыри, архипастыри, Спасо-Преображенский Валаамовский монастырь, Святая Земля, Галилея, таинства, молитва, престольный праздник, царство Божие, патриаршество). С другой стороны, ряд языковых единиц, будучи стилистически нейтральными (душа, грех, колокол, икона и другие), также имеют непосредственное отношение к религии и церкви.

Представляется целесообразным при определении понятия церковно-религиозной лексики понимать под ней ту часть лексики, которая обслуживает религиозную сторону жизни общества и регулярно функционирует не только в церковно-религиозной сфере, но и общественной. Такая лексика связана с взаимоотношениями человека и Бога, с верой, исповеданием, богопочитанием или основными духовными убеждениями.

В лирике М.Ю. Лермонтова наличествует огромный пласт церковно-религиозной лексики. Для отражения структуры религиозной картины мира поэта, которая членится на отдельные фрагменты, представленные определенной совокупностью лексем, мы выбираем следующий подход к группировке материала. Опираясь на существующие классификации и учитывая индивидуально-авторское употребление слов сферы религии и церкви в произведениях М.Ю. Лермонтова, считаем возможным распределить выявленные номинации по следующим лексико-семантическим группам: основные религиозные понятия; силы света и тьмы; религиозные антропонимы и топонимы; обряды и обрядовая деятельность; культовые, обрядовые сооружения. Считаем нужным отметить, что автор данной статьи (М.Н.) знаком с «Частотным словарем языка М.Ю. Лермонтова» (1981), но считает некорректным использование данных вышеназванного словаря, так как в статье исследуются церковно-религиозные лексемы только в лирике поэта.

Основные религиозные понятия (*Бог, душа, дух, вера, грех, святость, рай, ад*). В эту группу включены слова, номинирующие основные концепты религиозной культуры: «Бог», «Душа», «Дух», «Вера», «Грех», «Святость», «Рай», «Ад». Это самая многочисленная группа, в нее входят три самых частотных слова, возглавляющие словник церковно-религиозной лексики поэта: *Бог, душа /дух, верить*.

Он одарен всевышним богом. («Журналист, Читатель и Писатель»). *И как я мучусь, знает лишь творец.* («1831-го июня 11 дня»). *Когда б в покорности незнания Нас жизнь создатель осудил.* («Когда б в покорности незнания»). *И столько же любить/ Всесильный бог...* («Смерть»). *Я, царь всевышний...* («Юнкерская молитва»). *Кумир поверженный – все бог!* («Расстались мы...»). *С тех пор как Вечный Судия Мне дал всеведение пророка...* («Пророк»). Завет предвечного храня... («Пророк»).

М.Ю. Лермонтов часто использует синонимы к слову *Бог*, например, *творец, спаситель, всесильный, предвечный*. Образ Бога предполагает в сознании носителей языка такие характеристики как знающий, всеведущий, дающий или забирающий, распорядитель, волеизъявитель, приходящий. Важным оказывается способность Бога вступать в определённые отношения с человеком.

В отношениях Бог — человек оба субъекта могут являться активными. Однако Бог действует свободно, а человек преимущественно обращается к Богу с просьбой совершить какое-либо действие. С точки зрения взаимоотношений, таким образом, наиболее существенным для носителей языка оказывается образ Бога дающего, распорядителя. Концепт «Бог» относится является актуальным для религиозных представлений М.Ю. Лермонтова, а также способствует отражению его взглядов на религию, будучи одной из доминант религиозной картины мира поэта.

Иначе поэт воспринимает образ Богородицы. Богоматерь у М.Ю. Лермонтова – это символ заступничества, душевной чистоты, милосердия, теплоты:

Я, мать божия, ныне с молитвою Пред твоим образом, ярким сиянием, <...> Но я вручить хочу деву невинную Теплою заступнице мира холодного («Молитва»).

М.Ю. Лермонтов в основном слова *душа*, *дух* употребляет в значении нематериальной сущности, относящейся к «миру невидимому», духовному. Образ души связан в представлении носителей русского языка с такими характеристиками как пребывающая в каких-либо состояниях (чаще всего страдающая), находящаяся внутри человека, но не являющаяся неотъемлемой его частью и способная перемещаться в пространстве, материальная (обладающая объёмом и подверженная физическим воздействиям).

И сердцу тяжело, и душа тоскует... («Монолог»)

К одной, святой, неизъяснимой цели («К другу»).

Так дух раскаяния, звуки Послушав райские, летит...
(«Черкешенка»).

Образ греха наделён такими характеристиками, как груз, неделимый, обладающий свойствами материального объекта. Он может являться результатом действия как человека, так и его души. Данное представление соответствует евангельскому выделению греха — духовного действия и греха — физического действия.

Если дух твой изнемог Грех простит великий бог...
(«Покаяние»).

Что наши деньги в ад ведут! К врагу людей безбожный! («Три ведьмы»).

Все то, чему я верил страстно, Чему не смею верить вновь?
(«Безумец я! Вы правы, я безумец»).

Лишь святости черты не выражали, Глаза огнем неистовым пылали... («Нет, не тебя так пылко я люблю»).

В ваших звездах, черны очи, Я нашел для сердца рай и ад.
(«Черны очи»)

Ад и рай у Лермонтова часто трактуются не как метафизические места, а как состояние души, выражаемое через любовь, счастье или одиночество, разлуку. В лирике поэта — это слияние противоречий, смешение высшего блаженства и горьких мучений.

Силы света и тьмы (*ангел, архангел, демон, бес, черт*). Эта группа представлена именованиями ангелов света (божьих) и темных (падших). Лексика, вербализующая данную группу, весьма активна в стихотвор-

ных произведениях. Группа включает в себя в основном имена существительные (*ангел, архангел, серафим, хранитель дьявол, демон, черт, бес, сатана*), имена прилагательные (*ангельский, мефистофельский, сатанинский*), а также составные наименования (*ангел-хранитель, гость-небожитель*).

Самой частотной в границах данной группы является лексема *ангел*. В лирике М.Ю. Лермонтова актуализируются как традиционные представления об ангелах света и тьмы, так и авторски переосмысленные. Лексема *ангел* используется писателем для называния сверхъестественного существа, также она может входить в состав устойчивых сочетаний, теряя свое основное значение (*мой ангел, день ангела, тихий ангел пролетел*).

Представители темных сил в произведениях М.Ю. Лермонтова именуются *дьяволом, сатаной, чертом, бесом, демоном, князем мира* и др.; наиболее употребительной является лексема *демон*. Как лексемы *рай и ад* часто употребляются в одной строке, так и лексемы *ангел* и *демон* сосуществуют в соседних строках и противопоставляются.

*По небу полночи **ангел** летел И тихую песню он пел.* («Ангел»).

*Ни **ангел**, ни печальный **демон ада** Не рассекал крылом полей воздушных.* («Смерть»).

*Ты **ангелом** будешь, я – **демоном** стану* («Послушай...»).

*Лишь глас залетный **херувима** Над сонной **демонов** толпой.* («К себе»).

*Ты для меня была, как счастье **рая** Для **демона, изгнанника небес.*** («Измученный тоскою и недугом»).

*У **беса** праздник. Скачет представляться **Чертей** и душ усопших мелкий сброд.* («Пир Асмодея»).

Образ беса/чёрта содержит характеристики вредоносного существа, разрушителя. Данный образ включает и представления о существовании множества подобных существ и наличии у них физических особенностей, что свидетельствует о влиянии языческих верований на восприятие сил зла в христианстве носителями русского языка. В отличие от Бога, воздействующего в большей степени на духовную жизнь человека, чёрт активно проявляет себя в его материальной жизни, не учитывая (и противореча) в своих действиях желаниям человека.

Религиозные антропонимы и топонимы. М.Ю. Лермонтов нередко употребляет библейские собственные имена. Данная подгруппа антропонимов включает в себя лексемы, называющие библейских персонажей, однако они в основном не очень частотны. Изображение исторических фигур в произведениях М.Ю. Лермонтов в полной мере соответствует повествованию священных книг. Самой частотной в границах данной группы является лексема *Моисей*. Это, конечно же, не полный список, а только лишь некоторые яркие примеры из него. В произведениях поэта можно найти ещё много библейских имен: Исаак, Саул и другие.

*Так некогда в степи безводной премудрый пастырь **Аарон**"*
(«Расписку просишь ты, гусар»).

*Отовсюду гоняли наглого **Иуду*** («Преступник»).

*Оно не **Павлово** писанье – Но Павел вам отдаст его.* («Примите дивное посланье»).

*Отец мой сказал, что закон **Моисея** Любить запрещает тебя.*
(«Баллада»).

*Тебе не изменят уста твоей **Сары** Под холодной рукой палачей.*
(«Баллада»).

Характерно для лирики М.Ю. Лермонтова также употребление религиозных топонимов:

*Вот у ног **Ерусалима**, Богом сожжена, Безглагольна,*
недвижима Мертвая страна («Спор»).

*Скажи мне, ветка **Палестины**: Где ты росла, где ты цвела?*
(«Ветка Палестины»).

*У вод ли чистых **Иордана** Востока луч тебя ласкал...* («Ветка Палестины»).

Как пишет А.Н. Смолина, использование библейских антропонимов и топонимов «обусловлено, прежде всего, тем, что тексты, к которым они отсылают, составляют фонд наиболее авторитетных в христианской письменной культуре источников. Кроме того, обращение автора к этим источникам, к определенным библейским событиям предполагает, что они адресату известны, что он легко вспомнит отмеченные эпизоды, поймет их духовный смысл; это, несомненно, способствует духовному

объединению автора и читателя. Можно говорить о том, что обращение к библейским событиям, воспоминание о героях тех или иных библейских повествований играет весьма важную роль в аргументации» [4: 4].

Обряды и обрядовая деятельность. В границах данной группы в связи с обширностью представляется необходимым выделить следующие подгруппы: а) культовые действия, религиозные обряды и таинства (*исповедь, похороны, крестить, святиться, тризна, молитва*); б) церковные службы (*обедня, панихида*); в) служители культа, церкви (*батюшка, жрец, оракул, отец*); Самой частотной в границах данной группы является лексема *раскаяние*.

*Так дух **раскаяния**, звуки Послушав райские, летит...*
(«Черкешенка»).

*Я пришла, **святой отец**, **Исповедать** грех сердечный...*
(«Покаяние»).

*Где вы, дружеские **обеты** И отвага?* («Песня»).

*Так вор седой заглохихия дубравы **Не кается** еще в своих грехах...* («К Другу»).

*Когда б миры у наших ног **Благословляли** нашу волю.*
(«Стансы. К Д***»).

*Их услышав, опять оживу я, Но от них **не воскреснет** другой.* («Стансы. К Д***»).

*Пусть их глупцы **боготворят**, Пусть им звучит другая лира.* («Лира»).

*Я грудью шел вперед, я **жертвовал** собой.* («Из Андрея Шенье»).

*Торжественно не мог я **не сдержать обета**.* («Из Андрея Шенье»).

*Ты боялась сожаленьем **Воскресить** любовь свою.* («Время сердцу быть в покое»).

*Для пользы вашей (и **церквей**) **Отслужит**, верно, панихиду...* («Что толку жить»).

Культовые, обрядовые сооружения. В границах данной группы также в связи с обширностью представляется необходимым выделить следующие подгруппы: а) культовые сооружения, помещения, их части

и архитектурные детали: *храм, собор, монастырь, обитель*; б) предметы и вещества, связанные с богослужением, с культовыми обрядами (*икона, крест, киот*); *алтарь, амвон, иконостас, клирос, налож*; в) места для совершения обрядов, ритуалов: *кладбище, кладбищенский, могила, могильный, погост*.

Самыми частотными в границах данной группы является лексемы *молитва* и *храм*.

И показать, что сердце у меня Есть жертвенник, сгоревший от огня. («1830 год. Июля 15-го»).

Кто в утро зимнее... Внимал колоколам монастыря? («Кто в утро зимнее, когда валит...»).

Три ночи я провел без сна – в тоске, В молитве, коленях – степь и небо Мне были храмом, алтарем курган. («Отрывок»).

От мира в обители скрыта она Где жизнь без надежды и ночи без сна. («Песня»).

Для пользы вашей (и церкви). («Что толку жить»).

Но в храме, средь боя И где я не буду, Услышав, его я Узнаю повсюду («Есть речи – значенье...»).

В целом ряде произведений М.Ю. Лермонтова *храм* является значимым пространством сюжетного действия. В лирике появляются *монастыри, кельи, церкви, обители, часовни, колокольни, алтари*, описывается внутренняя жизнь убранства храма (названия сооружений, помещений, поселений). Зачастую и свою собственную душу он называет *храмом*: *Моя душа твой вечный храм...* («Как дух отчаяния и зла»).

Образ «риз» в лирике М.Ю. Лермонтова чаще всего используется в метафорическом значении, символизируя сакральное, величественное одеяние природы или состояние одиночества: *Одета, как ризой, она...* («На Севере диком...»).

В теснине Кавказа я знаю скалу, Туда долететь лишь степному орлу, Но крест деревянный чернеет над ней («Крест на скале»).

Здесь крест становится олицетворением борьбы и свободы, близким по духу лирическому герою, мечтающему сбросить «цепь бытия».

Заботой тайною хранима Перед иконой золотой Стоишь ты, ветвь Ерусалима,

*Святыни верный часовой! Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой («Ветка Палестины»).*

Тускло светит луч лампы Умирающим огнем (Узник).

Главное назначение иконы — напоминать о Боге и призывать на молитву. У Лермонтова был опыт личной молитвы перед иконой, и этот опыт не раз выливался в поэтические откровения: *Я, Мать Божия, ныне с молитвою Пред Твоим образом, ярким сиянием... Молитва*). Поэтому позже появились такие строфы: *Дам тебе я на дорогу Образок святой...* («Казачьей колыбельной песне»).

*Могу заметить я, в его окне Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья, Но их слова соседа
не принудят*

*Лампаду ранее иль позже зажигать. И только я увижу свет
лампы... («Сосед»).*

И здесь, и в «Ветке Палестины», и «Узнике» слово «отрада» рифмуется поэтом со словом «лампада». И, конечно, не только по созвучию, но и по причине внутренней взаимосвязи между горящей перед иконой лампадой и состоянием души.

Остановим внимание на ряде стилистических функций, которые выполняют вышеперечисленные лексемы в лирических текстах М.Ю. Лермонтова. Прежде всего, это номинативная функция: названия лиц, предметов, объектов и явлений. могут использоваться все типы религиозных. Характерологическая функция (описание и характеристика людей, предметов и явлений действительности) свойственна языковым единицам, выражающим духовно-нравственное содержание. Изобразительная функция создает конкретные, индивидуальные представления о лицах, предметах, явлениях.

Ярко представлена эмотивно-оценочная функция – выражение эмоций и оценок при помощи лексем, связанных с религиозными понятиями. В смыслообразующей функции (порождения, формирования смыслов) используются все типы церковно-религиозных лексем. Текстобразующая функция способствует реализации важнейших текстовых категорий (в том числе связности, цельности).

Церковно-религиозные лексемы, организуясь в группы, вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими лексемами. Для них характерна сложная целостность, они находятся в отношениях взаимосвязи. В точках соприкосновения (пересечения) лексико-тематических групп возникают особые смысловые приращения, которые остаются расширять пределами составленных групп.

Таким образом, словесное воплощение ключевых церковно-религиозных концептов в границах творчества писателя, их связи с другими концептами отражают общезыковые, общепозитические тенденции и специфику индивидуально-авторского видения церковно-религиозной картины мира М.Ю. Лермонтова.

ИСТОЧНИКИ

Михаил Лермонтов. Все стихотворения // <https://slova.org.ru/lermontov/>

ЛИТЕРАТУРА

1. Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
2. Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000.
3. Крылова О.А. Можно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского языка разновидностью газетно-публицистического? // Стереотипность и творчество в тексте. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 2001.
4. Смолина А.Н. Религионимы в русских церковно-религиозных автодокументальных текстах: типология и стилистические функции // Филология: научные исследования. 2022. № 4. - С.1-15.
5. Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: учебное пособие. Новосибирск, 2001.
6. Урбанович Л.Н. Система работы с религиозными понятиями на уроках духовно-нравственной направленности // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2017; № 44: 11–19.

7. *Четырина А.М.* К вопросу о разграничении церковной и религиозной лексики в толковых словарях русского языка //Актуальные вопросы изучения духовной культуры. М. – Ярославль: Ремдер, 2010.
8. *Якимов П.А.* О сущности понятия «религиозная лексика» в современной лингвистике //ВЕСТНИК ОГУ. 2011, № 11 (130).

REFERENCES

1. *Bulavina S.V.* Russkiye ustoychivyye slovosochetaniya, sodержashchiye tserkovno-religioznuyu leksiku. Avtoref. dis. ... kand.filol. nauk. Voronezh, 2003.
2. *Krylova O.A.* Sushchestvuyet li tserkovno-religioznyy funktsional'nyy stil' v sovremennom russkom literaturnom yazyke? // Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2000.
3. *Krylova O.A.* Mozhno li schitat' tserkovno-religioznyy stil' sovremennogo russkogo yazyka raznovidnost'yu gazetno-publitsisticheskogo? // Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Perm', 2001.
4. *Smolina A.N.* Religionimy v russkikh tserkovno-religioznykh avtodokumental'nykh tekstakh: tipologiya i stilisticheskiye funktsii // Filologiya: nauchnyye issledovaniya. 2022. № 4. - S.1-15.
5. *Timofeyev K.A.* Religioznaya leksika russkogo yazyka kak vyrazheniye khristianskogo mirovozzreniya: uchebnoye posobiye. Novosibirsk, 2001.
6. *Urbanovich L.N.* Sistema raboty s religioznymi ponyatiyami na urokakh dukhovno-nravstvennoy napravlenosti // Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya. 2017; № 44: 11–19.
7. *Chetyrina A.M.* K voprosu o razgranichenii tserkovnoy i religioznoy leksiki v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka //Aktual'nyye voprosy izucheniya dukhovnoy kul'tury. M. – Yaroslavl': Remder, 2010.
8. *Yakimov P.A.* O sushchnosti ponyatiya «religioznaya leksika» v sovremennoy lingvistike //VESTNIK OGU. 2011, № 11 (130).

**ԵԿԵՂԵՑԱԿԱՆ-ԿՐՈՆԱԿԱՆ ԲԱՌԱՊԱՇԱՐԸ Մ.ՅՈՒ. ԼԵՐՄՈՆՏՈՎԻ
ՔՆԱՐԵՐԳՈՒԹՅԱՆ ՄԵԶ ԵՎ ՆՐԱ ՈՃԱՅԻՆ ԳՈՐԾԱՌՈՒՅԹՆԵՐԸ**

Ն. Ի. ՄԱՐՏԻՐՅԱՆ

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

Հոգվածում ուսումնասիրվում է Միխայիլ Լերմոնտովի քնարերգության եկեղեցական-կրոնական բառապաշարի գործառույթը: Անվանակոչումները բաժանվում են հետևյալ բառապաշարային-իմաստաբանական խմբերի՝ հիմնական կրոնական հասկացություններ, լույսի և խավարի ուժեր, կրոնական մարդանուններ և տեղանուններ, ծեսեր և ծիսական գործունեություն, պաշտամունքային և ծիսական շինություններ: Այս խմբերի լեքսեմները կատարում են տարբեր ոճական գործառույթներ՝ անվանական, բնութագրական, արտահայտչական, զգացմունքային-գնահատական, իմաստաստեղծ և տեքստաստեղծ:

Բանալի բառեր՝ եկեղեցական-կրոնական բառապաշար, բառապաշարային-իմաստային խմբեր, ոճական գործառույթներ, բառապաշար, դասակարգում:

CHURCH-RELIGIOUS VOCABULARY IN THE LYRICS OF M.Yu. LERMONTOV AND ITS STYLISTIC FUNCTIONS

N. I. MARTIRYAN

YEREVAN STATE UNIVERSITY

This article examines the functioning of church-religious vocabulary in the poetry of Mikhail Lermontov. The nominations are divided into the following lexical and semantic groups: basic religious concepts; forces of light and darkness; religious anthroponyms and toponyms; rites and ritual activities; cult and ritual buildings. The lexemes of these groups perform various stylistic functions: nominative, characterological, figurative, emotive-evaluative, meaning-forming, and text-forming.

Key words: church-religious vocabulary, lexical-semantic groups, stylistic functions, vocabulary, classification.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 10 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

Р. Г. ЗАРГАРЯН

Иджеванский филиал ЕГУ

ruzannazargaryan@mail.ru

Трудно представить себе процесс перевода естественнонаучных текстов с языка оригинала на целевой язык без необходимых грамматических изменений, или, другими словами, без трансформаций. Как известно, структуры языков весьма различны, и именно поэтому в процессе перевода необходимо вносить некоторые изменения. Грамматические трансформации можно разделить на группы: замена, перестановка, опущение или эллипсис и добавление. Эти изменения происходят по отдельности, но бывают случаи, когда одно или два из них могут произойти в одном предложении. Конечная цель таких изменений — точность перевода.

Ключевые слова: перевод, трансформация, перестановка, замена, опущение, добавление.

В результате бурного развития информационных технологий увеличивается объем информации на иностранном языке. В связи с

этим умение пользоваться этой информацией становится все более востребованным.

Перевод – это одно из направлений по формированию умений и навыков работы со специальной литературой.

Важным требованием научно-технического перевода является его точность, которая определяется не точностью соответствия между единицами двух языков, а функциональной и коммуникативной тождественностью.

Л.С. Бархударов выделял четыре типа переводческих трансформаций, имеющих место в ходе работы над переводом, - «перестановки, замены, опущения и добавления» [1. 190]. Рассмотрим их на примере перевода естественнонаучных текстов с армянского языка на русский.

Наиболее распространенным видом переводческих трансформаций является **перестановка**. Сущность этого переводческого приема заключается в изменении порядка следования языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом оригинала. В результате перестановки может быть изменено линейное расположение элементов. В частности, наблюдается обратный порядок расположения слов:

а) в несогласованных определениях (словосочетаниях существительное в им. п. + существительное в род. п.);

հարաբերականության տեսություն – теория относительности

թեորեմի ապացուցում – доказательство теоремы

շրջանի մակերես – площадь круга

եռանկյան պարագիծ – периметр треугольника

ներքինաձիգի քառակուսի – квадрат гипотенузы

б) в несогласованных определениях, включающих числовые и буквенные символы:

5 սմ երկարությամբ հատված – отрезок длиной 5 см

40 քառ.սմ մակերեսով ուղղանկյուն – прямоугольник площадью 40 кв. см

ABC եռանկյունի – треугольник ABC

в) при употреблении некоторых предлогов с существительными в родительном и дательном падежах:

աշխատանքի արդյունքում – в результате работы

մեկ ժամվա ընթացքում – в течение часа

գիտնականի շնորհիվ – благодаря ученому

При переводе предложений с причастным оборотом тоже требуется перестановка слов, в результате чего вместо необособленного причастного оборота с главным словом в конце предложения мы получаем обособленный причастный оборот с главным словом в начале предложения. Например,

Վերջավոր սահման ունեցող ֆունկցիայի հատկությունները...

Свойства функции, имеющей конечный предел...

Բարձրությունը՝ եռանկյան զագաթից հանդիպակաժ կողմին տարվաժ ուղղահայաց է :

Высота – это перпендикуляр, проведенный из вершины треугольника к противоположной стороне.

Часто наблюдается перестановка слов в предложениях с конструкцией **что есть что, что равно чему**. Например,

Պարագիծը՝ բոլոր կողմերի գումարն է:

Периметр – это сумма всех сторон.

Եռանկյան մակերեսը հավասար է նրա հիմքի և բարձրության արտադրյալի կեսին:

Площадь треугольника равна половине произведения его основания и высоты. Обычно основную смысловую нагрузку в предложении несут субъект (подлежащее) и предикат (сказуемое). Иногда приходится их преобразовывать. Благодаря приему перестановки можно изменить порядок слов и вывести подлежащее в начало предложения. Например,

Ուղղանկյուն եռանկյան անկյունների գումարը հավասար է 180°:

Сумма углов прямоугольного треугольника равна 180° .

Ազատ անկման արագացումը՝ հաստատուն մեծություն է:

Ускорение свободного падения – постоянная величина.

Замена – вид переводческой трансформации. Это наиболее часто встречающийся вид грамматических трансформаций. При переводе могут быть заменены части речи. Уместен переход существительного в прилагательное, существительного – в глагол, местоимение, переход глагола в причастие или наоборот, бывают также лексические замены. Не менее редки в процессе осуществления перевода и замены членов предложения, в результате которых подлежащее может выступить в роли обстоятельства или дополнения, а второстепенный член – в роли подлежащего и т. д. Например,

Բրոուկյան շարժումը առաջին անգամ փորձնական ճանապարհով հայտնաբերել և ուսումնասիրել է անգլիացի բուսաբան Ռոբերտ Բրոունը:

Броуновское движение впервые опытным путем было открыто и исследовано английским ботаником Робертом Броуном. (Ռոբերտ Բրոունը – подлежащее, Робертом Броуном – косвенное дополнение), (հայտնաբերել և ուսումնասիրել է – глаголы, открыто и исследовано – краткие страдательные причастия).

Часты случаи замены придаточного предложения обособленным определением (причастным оборотом). Например,

Կազմել այն ողիի հավասարումը, որն անցնում է M կետով:

Составить уравнение прямой, проходящей через точку M .

Конструкция *что есть что* может быть заменена конструкцией *что является чем*. Например,

Շրջանագծի երկարության և նրա տրամագծի հարաբերությունը՝ հաստատուն մեծություն է:

Отношение длины окружности к ее диаметру является постоянной величиной.

Таким образом, замене могут подвергаться все части речи, члены предложения и синтаксические конструкции, что и объясняет распространенность этого вида переводческих трансформаций.

Добавления, или дополнения, подразумевают использование в переводе дополнительных слов, необходимых в случаях, когда одному слову в армянском языке соответствуют два в русском. Так, некоторые существительные и глаголы переводятся на русский язык с использованием дополнительных слов. Например:

ջերմամշակում – тепловая обработка

եզրակացնել – сделать вывод

ամփոփել – подвести итоги

В следующем примере произведено два лексических добавления, что привело к изменению структуры предложения без изменения смысла высказывания.

Տիեզերական ձգողության օրենքը վերաբերում է կետային մարմիններին, այսինքն, այնպիսի նյութական օբյեկտներին, որոնց չափերը զգալիորեն փոքր են նրանց զանգվածների ծանրությունների կենտրոնների հեռավորությունից:

Закон космического притяжения относится к точечным телам, то есть к таким материальным объектам, размеры которых значительно малы по сравнению с расстоянием между центрами тяжести их масс. (Здесь два лексических добавления: по сравнению, между)

Следующий прием переводческой трансформации – **опущение**. Этот переводческий прием представляет собой прямую противоположность рассмотренному выше **добавлению**. Он заключается в исключении в процессе осуществления перевода семантически избыточных единиц, что способствует упрощению текста. Это может быть достигнуто за счет:

а) замены словосочетаний отдельными словами;

հաշվի առնել – учитывать

գործի դնել – применять

աչքի ընկնել – выделяться

դուրս բերել – вывести

б) замены придаточных предложений причастными оборотами.

Например, в следующем примере имеют место сразу два опущения:

Հատվող ուղիղներ կոչվում են այն ուղիղները, որոնք
ընկած են միևնույն հարթության վրա և ունեն մեկ
ընդհանուր կետ:

Пересекающиеся прямые – это прямые, лежащие в
одной плоскости и имеющие одну общую точку.
(կոչվում են, որոնք)

в) замены конструкции **что является чем** конструкцией **что есть что**;

Ամբողջ թվերի բաժանելիությունը հանդիսանում է
հարաբերություն, որոշված ամբողջ թվերի բազմության
վրա:

Делимость целых чисел – это отношение, определенное
на множестве целых чисел.

Нужно отметить, что переводческие трансформации часто сочетаются друг с другом (опущения с заменами, перестановки с заменами и т.д.). Они подразделяются на полные и частичные. Причем, как отмечает Г.А. Мкртчян, «для языка научно-технической литературы характерны частичные грамматические трансформации, при которых наблюдается лишь некоторое несовпадение элементов переводимого предложения по форме при полной смысловой адекватности» [4].

Таким образом, суть и функция переводческих трансформаций – добиться адекватности перевода. Это умение связано с грамотным определением переводческой проблемы и нахождением его правильного решения.

При отборе текстов для перевода, подборе и составлении упражнений нужно помнить о принципе доступности, а также о соответствии программной тематике и уровню грамматической и лексической сложности материалов.

Примечание

На занятиях по русскому языку разумно ограничиться письменным переводом с русского на армянский и с армянского на русский несложных текстов по специальности, а также научно-популярных, публицистических и художественных текстов, устным последовательным абзацно-фразовым переводом без записи и с элементами записи. Прежде чем приступить к этой работе, нужно ознакомить учащихся с определенными теоретическими сведениями, без знания которых затрудняется решение многих практических задач, возникающих в процессе перевода. Предварительным этапом перевода естественнонаучных текстов является выполнение упражнений на понимание научных терминов, терминологических сочетаний, аббревиатур. Предпочтительно на первом этапе обучения переводить спецтексты с русского языка на армянский, на втором – с армянского на русский, так как второй вид перевода требует более активного владения русским языком. Обучение русскому языку не ставит своей целью привитие студентам переводческих навыков, но ознакомить их с принципами перевода научного текста необходимо. Учащимся должны быть предложены определенные теоретические сведения, в частности преподаватель должен ознакомить студентов с теми особенностями обоих языков, которые вызывают затруднения при переводе, научить пользоваться переводческими трансформациями, обеспечивающими качество перевода. Именно переводческие преобразования разрешают противоречия между двумя языковыми нормами и способствуют эквивалентному переводу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
2. Гавриленко Н.Н. Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации. М.: РУДН, 2008.
3. Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. М.: Издательский центр «Академия», 2005.
4. Мкртчян Г.А. Переводческие трансформации // «РЯ в АШ», 1989, № 6.
5. Мкртчян Г.А., Вечеринина Е.А., Чепракова Л.А. Некоторые вопросы перевода научно-технических терминов и их сопоставление в двуязычной ситуации // URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/nekotorye-voprosy-perevoda-nauchno->

[tehnicheskikh-terminov-i-ih-sopostavlenie-v-dvuyazychnoy-situatsii.pdf](#)

(дата обращения 30.10.2025)

REFERENCES

1. *Barkhudarov L.S.* Yazyk i perevod. M., 1975.
2. *Gavrilenko N.N.* Obucheniye perevodu v sfere professional'noy kommunikatsii. M.: RUDN, 2008.
3. *Latyshev L.K.* Tekhnologiya perevoda: Ucheb. posobiye dlya stud. lingv. vuzov i fak. M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2005.
4. *Mkrtchyan G.A.* Perevodcheskiye transformatsii // «RYA v ASH», 1989, № 6.
5. *Mkrtchyan G.A., Vecherinina Ye.A., Cheprakova L.A.* Nekotoryye voprosy perevoda nauchno-tehnicheskikh terminov i ikh sopostavleniye v dvuyazychnoy situatsii // URL: file:///C:/Users/user/Downloads/nekotorye-voprosy-perevoda-nauchno-tehnicheskikh-terminov-i-ih-sopostavlenie-v-dvuyazychnoy-situatsii.pdf (data obrashcheniya 30.10.2025)

ԹԱՐԳՄԱՆՉԱԿԱՆ ՓՈԽԱԿԵՐՊՈՒՄՆԵՐԻ ՕԳՏԱԳՈՐԾՈՒՄԸ ԲՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՏԵՔՍՏԵՐԻ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅԱՆ ՊՐԱԿՏԻԿԱՅՈՒՄ

Ռ. Հ. ՉԱՐԳԱՐՅԱՆ

ԵՊՀ ԻՋԵՎԱՆԻ ՄԱՍՆԱԾՅՈՒՂ

Դժվար է պատկերացնել բնագիտական, տեխնիկական տեքստերի թարգմանությունը առանց անհրաժեշտ քերականական փոփոխությունների, այսինքն, առանց թարգմանչական փոխակերպումների: Հայտնի է, որ լեզուների կառուցվածքը բավականաչափ տարբերվում է մեկը մյուսից, ինչը դժվարություններ է ստեղծում թարգմանության ընթացքում: Ուստի անհրաժեշտ է ներկայացնել ուսանողներին որոշ հաճախ հանդիպող քերականական փոխակերպումներ: Դրանցից են՝ տեղափոխությունը, փոխարինումը, ավելացումը, բաց թողնումը: Հոդվածում բերվում են առանձին փոխակերպումների կիրառման օրինակներ: Նման փոխակերպումների վերջնական նպատակը՝ օրիգինալ նյութը ճշգրիտ և լիարժեք ներկայացնելն է:

Բանալի բառեր՝ թարգմանություն, ձևափոխություն, տեղափոխություն, փոխարինում, բացթողում, գումարում:

TRANSLATIONAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATING TEXTS ABOUT NATURAL SCIENCES

R. H. ZARGARYAN

YSU IJEVAN BRANCH

It is difficult to imagine the process of translation of natural science related texts from the source language into the target language without necessary grammatical changes, or in other words, without transformations. As we know, the structures of languages are quite different, and that is why it is necessary to make some changes in the process of translation. The grammatical transformations can be divided into the following groups: substitution, transposition, omission or ellipsis and supplementation. Of course, these changes occur separately but there are cases when one or two may happen in one sentence. The ultimate goal of such changes is to be more precise and to represent the matter in a better way.

Key words: *translation, transformation, permutation, replacement, omission, addition*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 9 февраля 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

МЕТОДИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ

СИСТЕМА ОЦЕНИВАНИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖЕЙ РА

Г. А. АНТОНЯН

Финансово-экономический колледж АГЭУ,
Государственный университет им. В.Я. Брюсова

gohar.antonyan.98@mail.ru

В статье рассматривается проблема контроля и оценки учебных достижений студентов колледжей РА. Исследование посвящено актуальной проблеме изучения основных особенностей оценивания согласно новым образовательным стандартам, регламентирующим организацию оценочной деятельности педагога. Цель исследования – рассмотреть систему контроля и оценивания знаний, умений, навыков студентов колледжей РА. В ходе исследования использовались такие методы, как сравнение, обобщение, наблюдение и т.д.

Ключевые слова: оценивание, оценка, контроль, формирующее оценивание.

Контроль и оценка учебных достижений студентов колледжей РА является важным компонентом процесса обучения и рассматривается как одна из наиболее приоритетных задач педагогической деятельности преподавателя. Сегодня огромное

внимание уделяется школьному и высшему образованию, однако согласно данным Управления начального и средне-профессионального образования Министерства образования, науки, культуры и спорта РА, в РА действуют около 100 образовательных учреждений, реализующих программы средне-профессионального и ремесленного образования, число студентов составляет около 30 тысяч [6]. Следовательно, данная тема является **актуальной**. Актуальность выбранной темы также объясняется переходом в РА от старых стандартов к новым образовательным стандартам, как к нормативным документам, регламентирующим организацию оценочной деятельности педагога [7].

Методами исследования послужили анализ научной и учебной литературы по теме исследования, изучение документации, сравнение, обобщение, наблюдение.

«Обучение есть целенаправленный педагогический процесс организации и стимулирования активной учебно-познавательной деятельности учащихся по овладению научными знаниями, умениями и навыками, развитию творческих способностей, мировоззрения и нравственно-эстетических взглядов и убеждений» [2: 31]. Из данного определения следует, что контроль знаний учащихся является заключительным этапом цикла педагогического процесса и частью процесса обучения, т.е. «Контроль и оценка – важное звено в структуре учебного процесса» [3: 1057].

В общепринятом понимании контроль означает проверку, систематический учет, а также наблюдение, осуществляемое с целью проверки. Следует отметить, что понятие «контроль» может быть представлено в виде следующих формул:

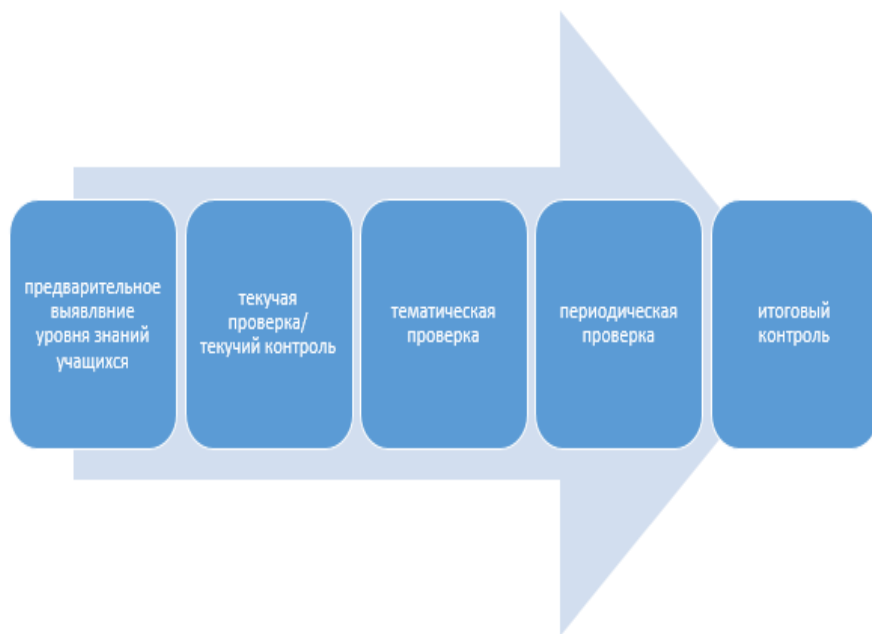
- 1) КОНТРОЛЬ = выявление + измерение + оценивание (как процесс) + оценка (как результат, фиксируется в виде отметок, т.е. условных обозначений);
- 2) КОНТРОЛЬ = ПРОВЕРКА (выявление и измерение) + ОЦЕНИВАНИЕ [2: 52].

Сравнение данных формул позволяет заключить, что, во-первых, контроль является более широким понятием, которое включает в себя оценивание, и, во-вторых, оценивание в современной системе

образования не всегда находит отражение в виде оценки (любого условного обозначения). Именно поэтому, на наш взгляд, вторая формула выгодно отличается от первой, позволяя рассматривать разные виды оценивания (количественные, качественные виды оценивания, комбинированный подход).

Рассмотрим виды контроля. Согласно Н.И. Мешкову и И.В. Харитоновой, виды контроля нужно применять в определенной логической последовательности, которая представлена на рис. 1.

Рис. 1. Виды контроля

Данные виды контроля составляют целостную систему, состоящую из пяти звеньев. Первым звеном является предварительное выявление уровня знаний обучаемых. Второе звено предполагает сопоставления реально достигнутых результатов с запланированными. Третье звено контроля знаний и умений предполагает проверку, которая проводится после изучения определенной темы. Целью является проверка не только теоретических знаний, но и практических умений и навыков

обучающихся. Четвертое звено включает периодическую проверку знаний и умений обучаемых по целому разделу или значительной теме курса в целях диагностирования качества усвоения учащимися взаимосвязей между структурными элементами учебного материала. Пятое звено предусматривает итоговую проверку и учет знаний, умений обучаемых, приобретенных ими на всех этапах образовательного процесса [2: 52-53].

Рассмотрим функции контроля. Согласно Н.И. Мешкову, основными функциями контроля и оценивания являются следующие:

- обучающая (состоит в организации работы обучаемых по усвоению и совершенствованию знаний, обобщению и систематизации знаний);
- воспитывающая (воспитание у обучаемых моральной ответственности за результаты своей деятельности);
- развивающая (стимулирование познавательной активности обучаемых, развитие их творческих способностей);
- ориентирующая (получение информации о степени достижения цели обучения отдельным учащимся и группой в целом);
- методическая (установление сильных и слабых сторон преподавателя, совершенствование методики преподавания);
- диагностическая (получение информации об ошибках, недочетах, пробелах в знаниях, установление порождающих их причин, формирование конкретных рекомендаций по устранению дефектов качества знаний);
- прогностическая (получение информации для дальнейшего планирования и осуществления учебного процесса) [2: 53-54].

Отметим, что данный список может быть дополнен. Так, например, А.А. Барыбин и А.А. Барыбин выделяют следующие функции: 1) дидактическая функция, 2) проверочная функция, 3) обучающая функция, 4) развивающая функция, 5) воспитательная функция, 6) методическая функция, 7) функция организации педагогического процесса, 8) учетная функция, 9) контрольно-корректирующая функция, 10) социальная функция, 11) образовательная функция, 12) эмоциональная функция, проявляется в

реакции обучающихся на полученную оценку, 13) информационная функция, 14) функция управления [1].

В РА принят новый стандарт критериев оценки учащихся в государственных общеобразовательных учебных заведениях [7]. Стандарт нацелен на реализацию компетентного подхода к обучению и в нем основной упор делается не на контроль знаний и умений учащихся, а на оценивание результатов обучения, основанных на ключевых и предметных компетенциях. Принятие понятия «оценивание» вместо традиционного термина «контроль» вызвано с необходимостью придания оттенка демократичности данному процессу, усиления доли участия обучающегося в процессе оценивания.

Рассмотрим основные особенности оценивания, согласно новым образовательным стандартам, регламентирующим организацию оценочной деятельности педагога.

1. Новый стандарт связывает оценивание с компетенциями. Это единственный способ в полной мере реализовать компетентностно-ориентированное обучение.

2. В зависимости от цели используются три типа оценивания учащихся:

- диагностирующее оценивание,
- формирующее оценивание,
- итоговое оценивание (по разделам и описательное).

3. В новом стандарте нет понятия «неудовлетворительная оценка».

4. В соответствии с новым стандартом, контрольные работы по отдельным модулям исключены из первого семестра начальной школы и 5-го класса. Это должно уменьшить нездоровую конкуренцию и нагрузку учащихся.

В колледжах РА направление «Иностранные языки» (в том числе РКИ) делится на 2 блока: общеобразовательный и специальный. Поэтому колледжи, имея относительную свободу, все же следуют нормативным документам, регламентирующим организацию оценочной деятельности педагога.

Сравним *Положение о контроле и оценивании знаний учащихся Ереванского государственного колледжа информатики* [4] и *Положение об обучении, контроле и оценивании знаний учащихся Финансово-экономического колледжа АГЭУ* [5].

В указанных колледжах применяются различные формы оценивания и контроля, в документах непосредственно указывается формирующее, итоговое оценивание. Отметим, что несоответствие переводов терминов приводит к путанице названий понятий, однако мы исходили из смыслового перевода. Наименьшее внимание уделяется диагностирующему оцениванию, поскольку диагностическое оценивание – это процесс выявления текущего уровня знаний, навыков, особенностей и потребностей обучающегося до начала изучения новой темы или курса, чтобы определить отправную точку, скорректировать учебный план и сделать процесс обучения более эффективным.

1. Оценка результатов обучения проводится путем проверки уровня готовности студентов (знаний, умений, навыков) и соответствия стандартным требованиям, установленным в предметных программах в ходе обучения, а также по окончании обучения путем определения соответствия квалификации данного уровня образования государственным образовательным стандартам.

2. Для проверки и оценки результатов обучения студентам предлагаются задания, которые выявляют полноту усвоенных знаний, уровень самостоятельности студента в представлении и изложении знаний.

3. Знания студентов проверяются с помощью зачетов (дифференцированных и недифференцированных), экзаменов, итоговой аттестации и т.д. В основном используется 10-балльная система:

- 1, 2, 3 – неудовлетворительно
- 4, 5, 6 – удовлетворительно
- 7, 8 – хорошо
- 9, 10 – отлично.

Следует отметить, что во время итоговой аттестации используется 5-балльная система оценивания, где 5 – отлично, 4 –

хорошо, 3 – удовлетворительно, 2, 1 – неудовлетворительно, но часто используется только 4 балла (5, 4, 3, 2).

Выводы:

- 1) Понятия «контроль», «оценивание», «оценка» являются близкими, но не идентичными, они имеют ряд отличий. Несмотря на это, педагогические требования предъявляются к ним одинаковые. А также данные понятия объединяют общие функции.
- 2) Понятия «оценивание» и «оценка» являются близкими, но не идентичными, т.к. оценивание – процесс, а оценка – результат, зафиксированный в виде отметок, т.е. условных обозначений.
- 3) Колледжи дают среднее профессиональное образование, что является ступенью между школой и высшим образованием, поэтому колледжи имеют относительную свободу и право разработать собственное *Положение о контроле и оценивании знаний учащихся*.
- 4) Система контроля и оценивания знаний учащихся колледжей нуждается в дальнейшей разработке, поскольку учащиеся (в колледжах учатся студенты в возрасте от 14-18 лет) сталкиваются с кризисом подросткового возраста, характеризующимся поиском идентичности, стремлением к независимости, переоценкой ценностей и конфликтами с родителями. Он проявляется эмоциональной нестабильностью, бунтарством, негативизмом, снижением интереса к учебе, но также развитием новых интересов и формированием личности, и требует гибкости и понимания со стороны преподавателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барыбин А.А., Барыбин А.А. Педагогические функции контроля в образовательном процессе // Вестник экспериментального образования – 2019. – № 2 (19). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-funktsii-kontrolya-v-obrazovatelnom-protsesse> (дата обращения: 9.04.26 г.).
2. Мешков Н.И., Харитонов И.В. Педагогика. Краткий курс лекций: учебное пособие. – Саранск. – 2010. – 149 с.

3. Шентурк С. О видах контроля и оценки уровня достижений учащихся // Теория и практика современной науки. – 2016. – №5 (11). – С. 1056-1061.
4. Երևանի ինֆորմատիկայի պետական քոլեջի սովորողների գիտելիքների ստուգման, գնահատման, բողոքարկման և վերահսկման կանոնակարգ [Էլեկտրոնային աղբյուր] // <https://drive.google.com/file/d/14YRFP0n662UtjtsinmmwFLN2PGfWePea/view> (ամսաթիվ՝ 9.04.26 թ.):
5. «Հայաստանի պետական տնտեսագիտական համալսարան» պետական ոչ առևտրային կազմակերպության Ֆինանսատնտեսագիտական քոլեջի ուսանողների ուսումնառության և ստուգման կարգ [Էլեկտրոնային աղբյուր] // <https://asue.am/upload/files/about/qolej/gnachatman%20karg.pdf> (ամսաթիվ՝ 9.04.26 թ.):
6. «Միջին մասնագիտական ոլորտը տնտեսության հիմքն է». Արմենուհի Պողոսյանը ներկայացրել է ոլորտի փոփոխությունները [Էլեկտրոնային աղբյուր] // <https://escs.am/am/news/19241> (ամսաթիվ՝ 9.04.26 թ.):
7. Պետական հանրակրթական ուսումնական հաստատությունների սովորողների գնահատման չափանիշները սահմանելու մասին հրաման [Էլեկտրոնային աղբյուր] // <https://www.arlis.am/hy/acts/174760> (ամսաթիվ՝ 9.04.26 թ.):

REFERENCES

1. Barybin A.A., Barybin A.A. Pedagogicheskkiye funktsii kontrolya v obrazovatel'nom protsesse // Vestnik eksperimental'nogo obrazovaniya – 2019. – № 2 (19). [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-funktsii-kontrolya-v-obrazovatelnom-protsesse> (data obrashcheniya: 9.04.26 g.).
2. Meshkov N.I., Kharitonova I.V. Pedagogika. Kratkiy kurs lektsiy: uchebnoye posobiye. – Saransk. – 2010. – 149 s.
3. Shenturk S. O vidakh kontrolya i otsenki urovnya dostizheniy uchashchikhsya // Teoriya i praktika sovremennoy nauki. – 2016. – №5 (11). – S. 1056-1061.
4. Yerevani informatikayi petakan k'voleji sovoroghneri gitelik'neri stugman, gnachatman, boghok'arkman yev verahandzman kanonakarg [Elektronayin aghbyur] // <https://drive.google.com/file/d/14YRFP0n662UtjtsinmmwFLN2PGfWePea/view> (amsat'iv, 9.04.26 t'.):

5. «Hayastani petakan tntesagitakan hamalsaran» petakan voch' arrevtrayin kazmakerput'yan Finansatntesagitakan k'voleji usanoghneri usumnarrut'yan yev stugman karg [Elektronayin aghbyur] // <https://asue.am/upload/files/about/qolej/gnahatman%20karg.pdf> (amsat'iv, 9.04.26 t').
6. «Mijin masnagitakan volorty tntesut'yan himk'n e». Armenuhi Poghosyany nerkayats' rel e volorti p'vop'vokhut'yunnery [Elektronayin aghbyur] // <https://escs.am/am/news/19241> (amsat'iv, 9.04.26 t').
7. Petakan hanrakrt'akan usumnakan hastatut'yunneri sovoroghneri gnahatman ch'ap'anishnery sahmanelu masin hraman [Elektronayin aghbyur] // <https://www.arlis.am/hy/acts/174760> (amsat'iv, 9.04.26 t').

ՈՒՍԱՆՈՂՆԵՐԻ ԿՐԹԱԿԱՆ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ԳՆԱՀԱՏՄԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԸ ՀՀ ԲՈՒԷՋՆԵՐՈՒՄ

Գ. Ա. ԱՆՏՈՆՅԱՆ

ՀՊՏՀ-ի Ֆինանսատնտեսագիտական քոլեջ, Վ. Բրյուսովի անվան պետական համալսարան

Հոդվածում քննարկվում է Հայաստանի Հանրապետությունում քոլեջի ուսանողների ակադեմիական առաջադիմության մոնիթորինգի և գնահատման հարցը: Հոդվածը նվիրված է գնահատման հիմնական առանձնահատկությունների ուսումնասիրության արդիական խնդրին՝ համաձայն ուսուցիչների գնահատման գործունեության կազմակերպումը կարգավորող նոր կրթական չափորոշիչների: Ուսումնասիրության նպատակն է ուսումնասիրել Հայաստանի Հանրապետությունում քոլեջի ուսանողների գիտելիքների, հմտությունների և կարողությունների մոնիթորինգի և գնահատման համակարգը: Ուսումնասիրության մեջ օգտագործվել են այնպիսի մեթոդներ, ինչպիսիք են՝ համեմատությունը, ընդհանրացումը, դիտարկումը և այլն:

Բանալի բառեր՝ գնահատում, գնահատական, վերահսկողություն, ձևավորող գնահատում:

**SYSTEM FOR EVALUATING THE ACADEMIC
PERFORMANCE OF COLLEGE STUDENTS IN THE
REPUBLIC OF ARMENIA**

G. A. ANTONYAN

**Financial and Economic College of the ASUE,
Brusov State University**

This article examines the issue of monitoring and assessing the academic achievements of college students in the Republic of Armenia. This article addresses the pressing issue of examining the key features of assessment in accordance with the new educational standards governing the organization of teachers' assessment practices. The aim of the study is to examine the system for monitoring and evaluating the knowledge, abilities, and skills of college students in the Republic of Armenia. The study employed methods such as comparison, generalization, observation, etc.

Key words: *assessment, evaluation, monitoring, formative assessment.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 5 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ФОРМ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

А. С. ЗУРАБЯН

Ереванский государственный университет

zurabyananahit458@gmail.com

anahitzurabyan@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-0514-4048>

Статья анализирует актуальность преподавания русской художественной литературы студентам нефилологических факультетов на основе анализа стилистических и жанровых особенностей малых прозаических форм в контексте цифрового обучения. В исследовании поднимается вопрос о необходимости внедрения дополнительной образовательной программы в условиях сокращения учебных часов преподавания русского языка в высших учебных заведениях. Сокращение занятий до одного раза в неделю существенно ограничивает возможности преподавателей в плане достижения высоких результатов, что сказывается не лучшим образом на развитии студентов как в общеинтеллектуальном, так и в профессиональном аспектах. В рамках такого ограниченного учебного времени особую актуальность приобретает вопрос о целесообразности конструирования и внедрения дополнительной программы цифрового обучения, направленного на совершенствование качества знаний студентов и продуктивного усвоения учебного материала, а именно – русского языка.

Ключевые слова: чтение, краткие прозаические формы, анализ, стилистические и жанровые особенности, дополнительное электронное преподавание.

Введение.

В нашей работе продолжается изучение проблемы дефицита чтения среди студентов. Особое внимание уделяется актуальности преподавания художественной литературы в рамках преподавания курса РКИ в вузах РА. Сокращение количества учебных часов,

отводимых на данный курс, поднимают проблему необходимости и актуальности обращения преподавателей к новым методам обучения с целью привлечения студентов к чтению, углублению их знаний грамматики русского языка, а также разработки дополнительного курса обучения и его последующего внедрения для повышения эффективности поставленных результатов.

Предлагаемая нами программа предполагает использование электронного обучения малых прозаических форм на примере произведений Л.Рубинштейна, С.Довлатова, Ю. Бондарева посредством применения современных цифровых и электронных приложений в мобильных устройствах.

Значимость и актуальность рассматриваемой проблемы в нашей работе поднимает не только проблему привлечения студентов к чтению, но аргументирует актуальность разработки новых педагогических подходов и методов. В современном мире все чаще говорят о проблеме снижения читательской активности среди студентов, что отражается на уровне их интеллектуальной подготовленности и общего уровня грамотности, развития в целом. С другой стороны, сокращение часов преподавания русского языка требует внедрения дополнительных программ.

Основная часть.

В данном исследовании представляется анализ актуальности преподавания художественной литературы студентам нефилологических факультетов на основе изучения стилистических и жанровых особенностей малых прозаических форм на материале произведений конкретных авторов в контексте цифрового преподавания в рамках внедрения дополнительной программы.

Методы нашего исследования основаны на базе личного педагогического опыта, анализа процесса преподавания, общения со студентами, проверки письменных работ и проведения сессионных зачетов и экзаменов. Степень разработанности исследования и анализ литературы по этой проблеме в том, что опубликованные в интернете статьи по теме электронного обучения, телевизионные программы и работы упомянутых в данной статье авторов изучаются как в

публицистических, так и в академических средах, и качество их оценивается, большей частью, критично.

Недостаточность аудиторного времени, выделенного на преподавание русского языка (80 минут в неделю), требует в целях повышения эффективности учебного процесса внедрение новой дополнительной программы, если увеличение количества занятий как минимум до двух раз в неделю является невозможным. С целью решения проблемы нами разработана дополнительная программа преподавания русского языка и литературы, основанная на использовании мобильных приложений, что даст возможность студентам ежедневно уделять около сорока минут времени на изучение русского языка, читая циклы краткой прозы русских писателей. Следует принять во внимание тот факт, что большую часть времени учащиеся проводят в мониторах компьютера, телефона, ноутбука, но только не с книгой.

О.В. Сиротюк почти 9 лет назад обратилась к данной проблеме: «В целом ситуация в чтении стала значительно сложнее, поскольку оно переходит в электронную среду, и этот процесс динамично и активно развивается, а литература как средство социализации сегодня заметно уступает другим видам медиа, прежде всего интернету и телевидению» [13: С. 21]. Примечательно, что М.В. Черкунова и Е.В. Пономаренко также отмечают, что «современное общество характеризуется целым рядом существенных трансформаций, значительная часть которых обусловлена масштабным внедрением в жизнь человека электронных способов получения информации» [11: С. 169].

В условиях наблюдаемого массового перехода к электронным формам чтения требуется внедрение новых педагогических подходов, разработка же альтернативных методов преподавания является очевидной и актуальной. Таким образом, в данной работе мы предлагаем новый метод дополнительного электронного преподавания, основанный на использовании кратких литературных повествовательных форм посредством использования современных коммуникационных систем на примере анализа циклов современных писателей Льва Рубинштейна, Сергея Довлатова, Юрия Бондарева.

Действительно, «эффективное сочетание краткости и емкости текста, высокая смысловая насыщенность при минимальной физической протяженности нарратива становится едва ли не основным требованием, определяющим успех произведения, так как, по словам С.Н. Леденевой, именно фактор объема является решающим в плане коммуникативной эффективности текста» [Там же: 11: С. 169].

Особую значимость приобретает позиция современного писателя, журналиста и публициста А.Архангельского, который считает, что «молодежь в библиотеку и не будет ходить за книжкой, потому что молодежь привыкла доставать ее из электронного пространства. Надо принимать это в расчет, потому что мы живем в этой цивилизации» [3].

Краткие литературные формы, характеризующиеся малым объемом и композиционной завершенностью, могут быть размещены в «электронные пространства», тексты студенты смогут прочитать в транспорте до или после занятий. Формат предлагаемых нами текстов обеспечит возможность для того, чтобы учащиеся, студенты прочитали бы художественную литературу, не посещая библиотек и книжных магазинов, в то же самое время в рамках данной программы процесс чтения будет проходить под чутким и непосредственным руководством преподавателя. Верно подметил Ю.Орлицкий: «почти каждый автор, написавший хотя бы несколько произведений малой прозы, создает собственную жанровую и структурную модель этой формы» [9], что придаст процессу изучения многогранность восприятия авторского нарративного стиля.

Для нашей методической модели было выбрано векторное направление в обратной хронологии – от современной литературы, Л.Рубинштейна к классической, А.Н. Радищева и Д.И. Фонвизина, с которых, собственно, и начинается традиционное преподавание базового курса русской литературы.

Итак, обратимся к творчеству достаточно популярного современного писателя Льва Рубинштейна, представителя оригинального литературного жанра – «московского романтического концептуализма». Придуманная автором «карточная система»

литературного стиля дает нам возможность разработки метода электронного преподавания, в частности, на примере цикла «Все дальше и дальше», который состоит из небольших зарифмованных прозаических фраз, пронумерованных и следующих друг за другом. Почему именно современного? Как считает А.Архангельский, «придет и современная литература – несмотря на сопротивление. Это важно не потому, что современное лучше. Как правило, намного хуже. Но ближе. Тут как со зрением – если вы уткнулись в книгу, у вас зрение испортится, хотя книга замечательная. Вы должны иногда поднимать глаза, смотреть вдаль, надевать черные очки, если слишком яркое солнце. Так и с классикой и современной культурой» [2].

В качестве предлагаемой методической модели, мы используем тексты Л. Рубинштейна, которые выделяются особенной семантической доступностью, структурной лаконичностью, именно поэтому ближе для прочтения студентам:

1. Здесь все начинается.

Начало всему – здесь.

Однако, пойдем дальше

2. Здесь вас не спросят, кто вы и откуда.

И так все понятно.

Место, где вы избавлены от назойливых расспросов, – именно здесь.

Но пойдем дальше [12].

Такой формат изложения легок для восприятия языка, обнаружив этот текст, отправленный преподавателем, студент прочтет его быстро и без напряжения. Для современного студента такой текст похож на пост в социальных сетях, компактный и простой, без архаичной семантики, растянутых деепричастных оборотов и «многострадальческих» авторских концепций.

Цикл Льва Рубинштейна “Все дальше и дальше” состоит из 57-ми зарифмованных прозаических фраз, как мы уже упоминали, где каждое слово может быть разобрано на части речи, фонетико-морфологически, синтаксически и по правописанию.

В рамках данного метода, осваивая грамматику языка, студент одновременно читает литературное произведение, знакомится с новым автором, обогащает свой словарный запас. В своей статье «Появление героя» Н.Александров пишет о творчестве Л.Рубинштейна следующее: «Язык (то есть слово во всех его проявлениях: речь, общение, разговор, письмо) не инструмент и даже не просто живой организм, а сущность жизненной материи, ее движения, развития. В нем всё — и история, и политика, и быт, и искусство. Язык — творящая сила, поэтому и слово действительно» [1].

Особенно примечательно то, что структура текста Рубинштейна очень проста и доступна для тех, кто изучает русский язык как иностранный, что дает возможность достаточно легко провести поэтапный лингвистический анализ. Каждый день по дороге домой, прочитав присланную преподавателем очередную «карточку», студент освоит новые слова, откроет для себя новые словосочетания, синтаксические конструкции, а в течение 57 дней, фактически, осваивается целый литературный цикл.

Согласно И.Кукулину, «в поэзии, записанной «столбиком», друг с другом оказываются содержательно соотнесены отдельные строки, в которых слова вступают в отношения усиленной смысловой связи, «единства и тесноты стихового ряда», как назвал этот эффект Юрий Тынянов. У Рубинштейна уравнены друг с другом отдельные карточки его стихотворений-каталогов, а тем самым друг с другом оказываются соотнесены прозаические фрагменты, короткие рифмованные тексты и пустые карточки – по эффекту несколько напоминающие дзен-буддистский «хлопок одной ладонью» [10].

Приведем ещё один пример из цикла «Все дальше и дальше»:

«Все эти непровинившиеся, но признающиеся, как бы приободрившиеся, но поминутно впадающие в уныние, не уступающие друг другу в стремлении осмыслить происходящее, но ни черта не понимающие, влачащие поклажу собственных надежд и утверждающие, что все потеряно, то запаздывающие, то приходящие раньше времени, колышущиеся от слабого ветерка и упорствующие в собственных заблуждениях, полагающие, что все позади и

переминающиеся с ноги на ногу в ожидании хоть каких-то перемен - ну полно уже – пора остановиться» [Там же: 12].

Таким образом, данный текстовой материал не только подходит для лингвистического анализа, но и для размышлений, раздумий, много слов для освоения, изучения и т.д.

В процессе ознакомления с циклом «Все дальше и дальше» сам образ писателя также может заинтересовать студентов. Рубинштейна не стало в 2024 г., а в столь любимом нынешним поколением интернете сохранилось достаточное количество видеоматериалов; – творческие вечера, презентации книг, интервью, посмотрев которые, студенты откроют для себя Льва Семеновича как одного из основоположников жанра российского «Stand Up»-а: «Давайте заходить в мир подростка через звук, видео, а из видео уже вести его в текст. И да – в конечном счете, мы встретимся у книги, но это будет встреча по ее поводу, а не в связи с ней – тут тонкий нюанс, и его надо понять» [3].

Для современной молодежной читательской аудитории литературные предпочтения формируются не только под влиянием традиционных текстов, но и в условиях медиасреды. Говоря словами Е.Колосовой, «подростки считают короткие видео, видеоигры и технологию «умного» дома самыми «модными» явлениями в Интернете» [8: С. 109].

Следующий автор, творчество которого может быть использовано в нашем методе дополнительного электронного преподавания, – Сергей Довлатов. Его циклы «Соло на Ундервуде», «Соло на IBM», «Записные книжки» по своим стилистическим и жанровым особенностям так же могут быть включены в наш метод дополнительного электронного преподавания. С.Довлатов один из тех писателей, которого очень легко читать и переводить.

Буквально посредством нескольких предложений он рассказывает забавные, иногда грустные истории из своей жизни, жизни своих близких, друзей, знакомых. Несколькими строчками повествуются целые истории с началом, драматическим развитием, кульминацией, впечатляющим финалом. Нет необходимости читать довлатовские мгновения «между» строк.

Тексты автора не только поднимают настроение, но и не оставляют тяжести после прочтения. «Соло на Ундервуде» и «Соло на IBM» – это цельные произведения, с четко продуманной сюжетной композицией, структурой и формой содержания, системой связей и выраженным идейным замыслом.

«Хорошо бы начать свою пьесу так. Ведущий произносит:

– Был ясный, теплый, солнечный...

Пауза.

– Предпоследний день...

И наконец, отчетливо:

– Помпей!

Атмосфера, как в приемной у дантиста.

Я болел три дня, и это прекрасно отразилось на моем здоровье.

Убийца пожелал остаться неизвестным.

- Как вас постричь?

- Молча» [6].

По мнению А.А. Василевской «Соло...» — это произведения, где из маленьких частей возникает целая история, имеющая начало, продолжение и конец» [5].

Особый интерес у студентов может вызвать некая техническая эволюция написания кратких зарисовок С.Довлатовым – от записной книжки, блокнота, к портативной печатной машинке до компьютера. До смартфона, к сожалению, Сергей Довлатов не дожил. Сегодня телефоны напоминают электронный вариант довлатовского чемодана. Там собраны фотографии, видео тех мгновений жизни, которые студентам захотелось сохранить, перелистать и оживить их в памяти позже, возможно, после прочтения произведений Л.Рубинштейна, Ю.Бондарева, С.Довлатова они «вклеят» в свой электронный «чемодан» и несколько их кратких фраз.

Циклы малой прозы Довлатова откроют для студентов новые имена. Так, например, Петр Вайль, цикл его передач «Гений места» может быть рекомендован преподавателем студентам для просмотра. Другое имя – Вагрич Бахчанян – художник армянского происхождения, биография, творчество которого так же доступны в интернете.

Мини-тексты С.Довлатова чередуются жанровым и образным многообразием, одна история не похожа на другую, читатель воспринимает все истории как имевшие место быть, хотя многие из них являются, практически, авторским вымыслом. Писатель приводит своих читателей к эффекту восприятия, прочитанного как абсолютной правды, именно этот метод авторской «правдивости» стал основой беспрецедентной популярности произведений С. Довлатова.

Другим писателем, творчество которого рассматривается в рамках предлагаемого методического подхода, является Юрий Бондарев. В его сборнике «Мгновения» отчетливо выражено личностное начало, которое сказывается во всем: в выборе сюжетов, в прочитываемых в подтексте раздумьях о предназначенности человека в искренней лирической взволнованности чувств. Вступая в мир, созданный воображением автора, всегда можно выявить его почерк среди других. «И вдруг поразился: о как часто я ожидал тот или иной день, как неблагоприятно отсчитывал время, подгоняя его, уничтожая его одержимым нетерпением! Чего я ожидал? Куда я спешил? И показалось, что почти никогда в прожитой молодости я не жалел, не осознавал утекающего срока, словно бы впереди была счастливая беспредельность, а та каждодневная земная жизнь – замедленная, ненастоящая – имела лишь отдельные вехи радости, все остальное представлялось настоящими промежутками, бесполезными расстояниями, прогонами от станции к станции» [4].

Бондарев необычайно деликатно, сокровенно прикасается к струнам человеческой души, благодаря чему становится ближе читателю. Погружаясь в мир, созданный воображением автора, всегда можно различить его голос среди других голосов. Писатель выступает едва ли не главным действующим лицом в этом бессюжетном, лирически свободном повествовании, какими являются «Мгновения». Свои миниатюры Бондарев определяет как «драматически конфликтное постижение человеком самого себя перед лицом неизбежной философско-психологической коллизии: – жизнь-смерть».

В «Ожидании» есть прекрасные лирические строки о первой мальчишеской любви и о любви зрелой, для которой и война была «мучительным сроком прерванного свидания с радостью» [Там же: 4]. И вот к какому выводу приходит герой, «уже переступив срединную грань века» [Там же: 4]: «только теперь я понимаю, что путь воистину счастливого человека от рождения до последнего растворения в вечности и есть тормозящая неизбежную мину небытия радость ежедневного существования в окружающем мире, и я поздно осознал: какая же бессмысленность торопить и вычёркивать ожиданием целые дни, то есть неповторимость мгновений жизни, данной нам единый раз как драгоценный подарок» [Там же: 4].

В своих миниатюрах автор проникает в глубину человеческой психологии, указывая на непоправимость свершившегося события или поступка, акцентирует нравственный смысл пережитого героем потрясения, с последующей моральной ответственностью и нравственно – смысловой нагрузкой, результатом чего обычно является острое сострадание чужой боли, презрение к малодушию, лицемерию, осуждение несправедливости.

Добиваясь от читателя эффекта сопереживания, Юрий Бондарев тем самым способствует полному, прошедшему через сердце, постижению главного идейного авторского замысла. Произведения из сборника «Мгновения» насыщены лиризмом, который всегда полон размышлений. В рассказах прослеживается и философская публицистика, которая также пронизана всепроникающей эмоциональностью.

Книгу «Мгновения», если иметь в виду жанровую структуру, можно было бы назвать сборником «белой прозы»: то, что просвечивает между строк рассказов и микроминиатюр – мысли, состояния души, идеи, – логически переливается в рассуждения героев и автора, не утрачивая при этом лирической окрашенности. Но главный акцент, ударение под знаком крещендо, автор ставит на мгновении – секунду назад и после.

Бондарев во всех своих рассказах остается самим собою, со своим кругом идей, художническим мировоззрением, нравственными и этическими убеждениями, пристрастиями и антипатиями.

«Серебристые поля сверкали над спящей деревней, и одна из звезд, зеленая, по-летнему нежная, особенно добро мерцала мне из глубин Галактики, из запредельных высот, двигалась за мной, когда я шагал по пыльной ночной дороге, стояла меж деревьев, когда я остановился на опушке березняка, под тихой листвой, и смотрела на меня, лучась родственно, ласково из-за черной крыши, когда я дошел до дома. «Вот она, – думал я, – эта моя звезда, теплая, участливая, звезда моего детства! Когда я видел ее? Где? И может быть, я обязан ей всем, что есть во мне хорошего, чистого? И может быть, на этой звезде будет последняя моя юдоль, где примут меня с тою же родственностью, которую я ощущаю сейчас в ее добром, успокоительном мерцании»? [Там же: 4].

Очевидно, что прозаические миниатюры Бондарева на основе вышеприведенного анализа, также подходят для метода дополнительного электронного преподавания. «Мгновения» убедительно доказывают, что даже самая малая литературная форма поможет познанию современности духовного мира людей не менее, чем более крупномасштабные тексты. Природа художественного образа цикла такова, что в нем, как «в капельке росы, способен отразиться весь белый свет» [4].

Мгновения Бондарева обладают весьма богатой полифонией человеческих эмоций, жизненных сюжетных перекрёстков, краткость изложения которых, на наш взгляд, вызовет интерес у учащихся. Рядом с мини-текстами Рубинштейна и Довлатова «мгновения» Бондарева можно классифицировать как «классика жанра». Как считает Владимир Л.Шуников: ««блог-литература» обозначает новые грани литературного творчества:

- виртуальность личности автора – любого субъекта речи, что позволяет мистифицировать образ говорящего (пишущего текст и обуславливает свободу в плане коммуникации и в отношении ответственности за сказанное;
- ризомность и фрагментарность текста, каждое высказывание которого можно воспринимать как самостоятельное. Тем самым в любом объеме элементы текста претендуют на художественную целостность;

– способность автора (а также его готовность) напрямую коммуницировать с читателями (что в принципе не свойственно литературе печатной – «искусству не прямой коммуникации». М.М. Бахтин))» [15].

Предлагаемый нами новый метод электронного преподавания дополнительной программы заключается в следующем: на основе использования преподавателем современных технологий в каком-либо мобильном приложении (Viber, WhatsApp, Messenger и др.) создается группа обсуждения (чат), в которую входят студенты определенного курса.

В межаудиторный период, после урока в течение рабочей недели, преподавателем реализуется размещение того или иного текста в электронное пространство мобильного приложения в циклической последовательности каждого сборника и автора (Рубинштейн, Довлатов, Бондарев), который студенты должны прочитать (например, по дороге домой), до следующего занятия, в тот же чат, каждый из студентов выкладывает незнакомые для него слова, значение, синонимы, антонимы, перевод (в нашем случае на армянский язык) которых преподаватель разрабатывает со студентами на уроке.

Следующий шаг – домашнее задание, в рамках которого студенты должны на своем телефоне сфотографировать какой-то момент, соответствующий изучаемому тексту, описать его, ограничиваясь 2-3 предложениями, используя тот ряд слов, который был проработан на занятии, с применением также новых слов.

Для лучшего закрепления материала, текст переводится на армянский язык к следующему занятию, что способствует формированию навыков межъязыковой трансформации, т.е., данный вид работы обеспечивает более глубокое понимание значений слов, а также способствует эффективному освоению грамматических конструкций и развитию навыков сопоставления и сравнения русского и армянского языков, направляет на правильное и эффективное усвоение изучаемого материала. «Сегодня меняются не просто количественные параметры чтения, – отмечает О.В. Сиротюк,

– но и сам тип читательской деятельности – наблюдается переход к «электронному» чтению» [13: С. 17].

Задача сегодняшних преподавателей разработать материалы для чтения и методы их внедрения в электронное пространство с целью эффективного образования, в нашем случае, продуктивного преподавания русского языка, достижения эффективности в поставленных результатах.

В качестве практического элемента процесса внедрения данного метода предлагается использование бланка с текстом одного из исследуемых нами авторов. Преподаватель может предоставить студентам бланк количеством четыре экземпляра с новым текстом на каждый день для работы на четыре дня в неделю.

После ознакомления с теми же текстами, размещенными в электронной группе, учащиеся должны будут заполнить от руки соответствующие поля каждого из бланков. На занятии преподаватель собирает бланки, раздает новые до следующего занятия, проверяет их, возвращает студентам. Такой метод, на основе результатов проделанной работы за семестр, может дать возможность получения автоматического зачета.

Образец бланка приведен в Таблице 1.

ВУЗ	Факультет	Курс	Имя	Фамилия студента

Автор	С.Довлатов	Пришел однажды к Бродскому с фокстерьершей Глашей.Он назначил мне свидание в 10.00. На пороге Иосиф сказал: - Вы явились ровно к десяти, что нормально. А вот как умудрилась собачка не опоздать?!		
Глагол	Пришел	назначил	сказал	явились
	умудрилась	опоздать		
Армянский вариант	Եկավ	նշանակեց		
Имя существительное	свидание	порог	собачка	
Армянский вариант				
Имя прилагательное				
Армянский вариант				
Имя числительное	10.00	десяти		
Армянский вариант				
Наречие	однажды	ровно	нормально	
Армянский вариант				
Местоимение	Он	мне	Вы	
Армянский вариант				

Причастие				
Армянский вариант				
Деепричастие				
Армянский вариант				
Предлоги	На	к		
Армянский вариант				
Армянский вариант				
Частицы, Междометия	А	вот	как	не
Незнакомые слова	фокстерьершей Глашей			
Синонимы				
Антонимы				

Дата: ____ 202_ г.

ФИО преподавателя

Подпись _____

Заключение.

Таким образом, внедрение данного метода, на наш взгляд, позволит учащимся кроме одного официального занятия в вузе (80 минут), ещё четыре дня в неделю по сорок минут в день осваивать русский язык под дистанционным руководством преподавателя. Как считает Е.Н. Базалина, «художественный текст, являясь искусственно организованной структурой, материализованным фрагментом специфической гносеологической и национальной культуры этноса, передает определенную картину мира и обладает высокой силой социального воздействия. Текст как идиостиль реализует, с одной стороны, имманентные черты определенной системы языка, с другой, представляет собой результат индивидуального отбора языковых ресурсов, соответствующих эстетическим или прагматическим целям писателя» [14].

В рамках данного метода студентам могут быть также представлены и другие краткие литературные формы, такие как «Крохотки» А.Солженицына, «Гарики» Игоря Губермана, блокнотные записи А.Вампилова и др. А.Архангельский акцентирует: «Я глубоко убежден, что лучше, если человек прочитает отдельные сцены из «Войны и мира», чем он не прочитает книгу вообще» [7]. В нашем же случае лучше студент прочитает хотя бы произведения кратких литературных форм, чем не прочтет ничего. Следовательно, каждая малая литературная форма или часть литературного произведения, прочитанная студентом, повысит эффективность освоения русского языка, как в письменной, так и в устной формах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров Н.* Появление героя. Новая газета Европа. За что любили поэта и эссеиста Льва Рубинштейна [выход 17.01.2024] // URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2024/01/17/poiavlenie-geroia>
2. *Архангельский А.* В чем проблемы преподавания литературы в школе? // Православие и мир [выход 5.04.2016] // URL: <https://pravoslavie.ru/92196.html>
3. См.: *Архангельский А.Н., Новикова А.А.* Трансмедийный поворот в стратегиях обучения: нарративные практики на уроках литературы // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. 2021. № 2. С. 63-81. // URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/transmediyny-povorot-v-strategiyah-obucheniya-narrativnye-praktiki-na-urokah-literatury.pdf>; *Архангельский А.* Разговор о культуре чтения. О читательском опыте, подростковом нечтении и продвижении чтения как такового [выход 29.04. 2019] /// URL: [klass https://культура.екатеринбург.рф/common_content/item/book_post/216?y_sclid=mo7hh177a5502358060](https://культура.екатеринбург.рф/common_content/item/book_post/216?y_sclid=mo7hh177a5502358060)
4. *Бондарев Ю.В.* Мгновения. Рассказы (сборник). М.: Изд-во ИТРК, 2014 // URL: <https://mybook.ru/author/yurij-vasilevich-bondarev/mgnoveniya-rasskazy-sbornik/read/>
5. *Василевская А.А.* «Соло на Ундервуде», «Соло на IBM» в творческом наследии С. Довлатова. Формы и способы организации текста // URL:

- <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2023/01/22/solo-na-undervude-solo-na-ibm-v-tvorcheskom-nasledii-s> [выход 22.01.2023]
6. Довлатов С. Соло на Ундервуде // URL: https://www.lib.ru/DOWLATOW/dowlatow.txt_with-big-pictures.html
 7. Ельникова В.И. Театрально-творческие приёмы изучения драматических произведений в старших классах Статья о проблемах освоения литературы детьми и о новых приемах изучения драматических произведений в старших классах по пьесе А. Грибоедова «Горе от ума» [выход 08.13.2018] // URL: <https://prodod.moscow/archives/8016>
 8. Колосова Е.А. Медиа потребление детей и подростков как междисциплинарное исследовательское поле // Комплексные исследования детства. 2024. Т. 6. № 2 // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/mediapotreblenie-detey-i-podrostkov-kak-mezhdistsiplinarnoe-issledovatel'skoe-pole.pdf>
 9. Кузнецова Т.Л. Коми рассказ конца XX — начала XXI в.: Тяготение к осмыслению жизни // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Вып. 4 // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/коми-рассказ-конца-xx-начала-xxi-в.-тяготение-к-осмыслению-жизни-2.pdf> [выход 2013]
 10. Куклин Илья. Мета журнал // URL: <https://metajournal.space/article/kukulin-case-of-rubinstein> [выход 15.01.2024]
 11. Малоформатные произведения сетевой литературы в контексте современной англоязычной цифровой коммуникации: системно-динамический подход // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4 // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/maloformatnye-proizvedeniya-setevoy-literatury-v-kontekste-sovremennoy-angloyazychnoy-tsifrovoy-kommunikatsii-sistemno-dinamicheskij-podhod-2.pdf> [выход 17.08. 2021]
 12. Рубинштейн Л. Регулярное письмо Стихи. «Все дальше и дальше». СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С.20-27 // URL: <https://www.vavilon.ru/texts/rubinstein/1-2.html>
 13. Сиротюк В. Определение роли книги чтения в современном информационном пространстве. БИБЛИОСФЕРА. 2017. № 2. С. 17–22 // URL: <https://www.bibliosphere.ru/jour/article/view/127/127>
 14. Черкасская Н.А. Проблемы речевого развития современных школьников. // URL: <https://nsportal.ru/shkola/rodnoy-yazyk-i-literatura/library/2017/01/19/problemy-rechevogo-razvitiya-sovremennyh>

15. Шуников В.Л. Русская литература в цифровую эпоху // Вестник РГТУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/russkaya-literatura-v-tsifrovuyu-epohu-1.pdf>

REFERENCES

1. *Aleksandrov N.* Poyavleniye geroya. Novaya gazeta Yevropa. Za chto lyubili poeta i esseista L'va Rubinshteyna [vykhod 17.01.2024] // URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2024/01/17/poiavlenie-geroia>
2. *Arkhangel'skiy A.* V chem problemy prepodavaniya literatury v shkole? // Pravoslaviye i mir [vykhod 5.04.2016] // URL: <https://pravoslavie.ru/92196.html>
3. Sm.: *Arkhangel'skiy A.N., Novikova A.A.* Transmediynny povorot v strategiyakh obucheniya: narrativnyye praktiki na urokakh literatury // Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow. 2021. № 2. S. 63-81 // URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/transmediynny-povorot-v-strategiyah-obucheniya-narrativnye-praktiki-na-urokah-literatury.pdf>; *Arkhangel'skiy A.* Razgovor o kul'ture chteniya. O chitatel'skom opyte, podrostkovom nechtenii i prodvizhenii chteniya kak takovogo [vykhod 29.04.2019] /// URL: https://kul'tura.yekaterinburg.rf/common_content/item/book_post/216?ysclid=mo7hh177a5502358060
4. *Bondarev Yu.V.* Mgnoveniya. Rasskazy (sbornik). M.: Izd-vo ITRK, 2014 // URL: <https://mybook.ru/author/yurij-vasilevich-bondarev/mgnoveniya-rasskazy-sbornik/read/>
5. *Vasilevskaya A.A.* «Solo na Undervude», «Solo na IBM» v tvorcheskome nasledii S. Dovlatova. Formy i sposoby organizatsii teksta // URL: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2023/01/22/solo-na-undervude-solo-na-ibm-v-tvorcheskome-nasledii-s> [vykhod 22.01.2023]
6. *Dovlatov S.* Solo na Undervude // URL: https://www.lib.ru/DOWLATOW/dowladow.txt_with-big-pictures.html
7. *Yel'nikova V.I.* Teatral'no-tvorcheskkiye priyomy izucheniya dramaticheskikh proizvedeniy v starshikh klassakh Stat'ya o problemakh osvoyeniya literatury det'mi i o novykh priyemakh izucheniya dramaticheskikh proizvedeniy v starshikh klassakh po p'yese A. Griboyedova «Gore ot uma» [vykhod 08.13.2018] // URL: <https://prodod.moscow/archives/8016>
8. *Kolosova Ye.A.* Media potrebleniye detey i podrostkov kak mezhdistsiplinarnoye issledovatel'skoye pole // Kompleksnyye issledovaniya

- detstva. 2024. Т. 6. № 2 // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/mediapotreblenie-detey-i-podrostkov-kak-mezhdistsiplinarnoe-issledovatel'skoe-pole.pdf>
9. Kuznetsova T.L. Komi rasskaz kontsa XX — nachala KHKHI v.: Tyagoteniye k osmysleniyu zhizni // Vestnik SPbGU. Ser. 9. Vyp. 4 // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/komi-rasskaz-kontsa-hh-nachala-hhi-v-tyagotenie-k-osmysleniyu-zhizni-2.pdf> [vykhod 2013]
10. Kuklin Il'ya. Meta zhurnal // URL: <https://metajournal.space/article/kukulin-case-of-rubinstein> [vykhod 15.01.2024]
11. Maloformatnyye proizvedeniya setevoy literatury v kontekste sovremennoy angloyazychnoy tsifrovoy kommunikatsii: sistemno-dinamicheskii podkhod // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2021. T. 27, № 4 // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/maloformatnye-proizvedeniya-setevoy-literatury-v-kontekste-sovremennoy-angloyazychnoy-tsifrovoy-kommunikatsii-sistemno-dinamicheskii-podhod-2.pdf> [vykhod 17.08. 2021]
12. Rubinshteyn L. Regul'yarnoye pis'mo Stikhi. «Vse dal'she i dal'she». SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 1996. С.20-27 // URL: <https://www.vavilon.ru/texts/rubinstein/1-2.html>
13. Sirotyuk V. Opredeleniye roli knigi chteniya v sovremennom informatsionnom prostranstve. BIBLIOSFERA. 2017. № 2. S. 17–22 // URL: <https://www.bibliosphere.ru/jour/article/view/127/127>
14. Cherkasskaya N.A. Problemy rechevogo razvitiya sovremennykh shkol'nikov. // URL: <https://nsportal.ru/shkola/rodnoy-yazyk-i-literatura/library/2017/01/19/problemy-rechevogo-razvitiya-sovremennykh>
15. Shunikov V.L. Russkaya literatura v tsifrovuyu epokhu // Vestnik RGGU: Literaturovedeniye. Yazykoznanie. Kul'turologiya // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/russkaya-literatura-v-tsifrovuyu-epokhu-1.pdf>

**ՓՈՔՐ ԱՐՁԱԿԻ ՁԼԵՐԻ ՈՃԱԿԱՆ և ԺԱՆՐԱՅԻՆ
ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՌՈՒՍԱՑ ԼԵԶՎԻ
ԷԼԵԿՏՐՈՆԱՅԻՆ ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ ՀԱՄԱՏԵՐՍՏՈՒՄ**

Ա. Ս. ՉՈՒՐԱՔՅԱՆ

Երևանի պետական համալսարան

Սույն աշխատանքի նպատակն է հիմնավորել գեղարվեստական գրականության դասավանդման արդիականությունը ոչ բանասիրական ֆակուլտետների ուսանողների համար՝ փոքր արձակ ձևերի ոճական և ժանրային առանձնահատկությունների վերլուծության հիման վրա՝ էլեկտրոնային ուսուցման համատեքստում և լրացուցիչ կրթական ծրագրի մշակման շրջանակում: Հետազոտությունում դիտարկվում է լրացուցիչ կրթական ծրագրի ներդրման անհրաժեշտության հարցը՝ բարձրագույն ուսումնական հաստատություններում ժուսաց լեզվի դասավանդման համար նախատեսված ժամերի կրճատման պայմաններում: Դասերի քանակի նվազումը մինչև շաբաթական մեկ անգամ էականորեն սահմանափակում է ինչպես դասախոսների, այնպես էլ ուսանողների հնարավորությունները՝ ընդհանուր մտավոր և մասնագիտական զարգացման առումով: Այսպիսի սահմանափակ ուսումնական ժամանակի պայմաններում առանձնահատուկ արդիական է դառնում էլեկտրոնային ուսուցման լրացուցիչ ծրագրի ներդրման նպատակահարմարության հարցը, որը միտված է ուսանողների գիտելիքների որակի բարձրացմանը և ուսումնական նյութի առավել արդյունավետ յուրացմանը:

Բանալի բառեր՝ ընդերքանություն, հակիրճ արձակ ձևեր, վերլուծություն, ոճական և ժանրային առանձնահատկություններ:

STYLISTIC AND GENRE FEATURES OF SMALL PROSE FORMS IN THE CONTEXT OF ELECTRONIC TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

A. S. ZURABYAN

Yerevan State University

The aim of this study is to substantiate the relevance of teaching fiction to non-philological students based on the analysis of stylistic and genre features of short prose forms in the context of e-learning and the development of a supplementary educational program. The study addresses the issue of the necessity of introducing an additional educational program under the conditions of reduced instructional hours allocated to teaching the Russian language in higher education institutions. The reduction of classes to once a week significantly limits the opportunities of both instructors and students for intellectual and professional development. Within such limited instructional time, the question of the feasibility of implementing a supplementary e-learning program becomes particularly relevant, as it is aimed at improving the quality of students' knowledge and enhancing the effectiveness of learning outcomes.

Key words: *reading, short prose forms, analysis, stylistic and genre features.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

В. Ю. САФЬЯН

Ширакский гос. университет (ШГУ)

v.safyan@mail.ru

В статье рассмотрены традиционные и инновационные подходы к изучению русского языка как иностранного в высшей школе; представлены специальные учебные техники и приемы в преподавании русского языка как иностранного по уровню знаний, потребностей, интересов студентов-иностранцев; выделены проблемы и перспективы изучения в вузе русского языка как иностранного.

Ключевые слова: методы, интерактивное обучение, коммуникативная компетенция, русский язык.

Введение.

Задача высшего учебного заведения, обучающего иностранных студентов – в первую очередь предложить базовую теоретическую и практическую подготовку по выбранной специальности, научить самостоятельно принимать решения, связанные с профессиональной деятельностью, следовательно, создавать собственными силами новые ценности и перенимать культурное и языковое образование «малой Родины». Кроме того, каждый молодой специалист должен осознавать, что с получением диплома об образовании его обучение не заканчивается – он должен быть готовым к непрерывному самообразованию, к постоянному обновлению своих знаний, уметь адаптироваться к изменениям и даже корректировать свою профессиональную деятельность.

Итак, измерением качества вузовского образования в настоящее время должно стать умение студентов учиться самостоятельно. Чтобы выполнить задачи, которые стоят перед высшей школой, нужно совершенствовать не только учебно-воспитательный процесс, но и устную и письменную речь на русском языке как государственного, национального языка.

По нашему мнению, обучение иностранных студентов общению на русском языке невозможно без систематической, целенаправленной работы. Формирование межкультурной компетенции требует развития у студентов умений реально воспринимать социокультурный портрет государства, в котором они получают образование [2, с. 140].

Цель нашей статьи – проанализировать опыт в сфере преподавания русского языка как иностранного.

Важным аспектом методики преподавания РКИ является проблема выбора эффективных методов обучения и инновационных подходов в преподавании русского языка как иностранного, особенно в группах студентов-иностранцев из дальнего зарубежья.

Методика преподавания русского языка как наука исследует процесс обучения русскому языку, раскрывает закономерности усвоения различных сторон языка, определяет и мотивирует средства передачи знаний студентам, стремится найти пути наиболее результативного обучения. А.Туркевич, анализируя собственно методику преподавания как отдельную педагогическую дисциплину, выделяет четыре этапа ее формирования:

- 1) существование методики преподавания иностранного языка в пределах педагогики;
- 2) развитие методики преподавания иностранного языка как отдельной науки;
- 3) активное функционирование методики преподавания языка как иностранного;
- 4) зарождение методики преподавания русского языка как иностранного [1].

Здесь важно отметить базовые документы и основные требования к разным уровням подготовки и обучения языку, на которые сегодня

опирается методика РКИ РФ и рекомендует к использованию в других странах-носителях русского языка. Например, первый сертификационный уровень ТРКИ В1 (под редакцией Н.П. Андриюшиной) и для следующего, второго уровня подготовки ТРКИ-П / В2 (под редакцией Т.А. Ивановой).

Одним из главных принципов методической работы в комплексе и перспективного для дальнейших исследований является перенос акцента с информационного обучения на методологическое, в частности, на овладение методами коммуникативной деятельности, на развитие у студентов способности к приобретению новых знаний, их обобщение и приведение к четкой системе.

За последнее время появились учебные пособия, которые дают возможность преподавателям комбинировать и использовать различные методики, техники и упражнения. Это способствует эффективным методам и приемам формирования профессиональной речи [3].

Использование традиционных и новаторских практик позволяет преподавателям акцентировать внимание на следующих задачах для студентов-иностранцев:

1. Речевая направленность. Например, чтение и говорение, как метко отмечает Л. Пономаренко, в начале изучения иностранного языка удерживает в памяти меньшее количество иностранных слов, чем слов родного языка, медленнее осмысливает сообщение.

2. Комплексность.

3. Разнообразие форм работы студентов.

Общеизвестно, что необходимо обратить внимание на активное и интерактивное обучение. Важно постоянно осуществлять обратную связь между преподавателем и студентами (объяснение, проверка выполненных упражнений и работы над ошибками). Это способствует взаимодействию сотрудничества преподавателя с аудиторией. Интерактивное обучение позволяет обмен информацией между всеми участниками учебного процесса (когда студенты работают в парах). Это улучшает формирование коммуникативной компетенции, предусматривает выполнение дискурсивных и инициативных задач. Преподаватели стараются подготовить

студентов к самостоятельной работе. Для того чтобы знания студентов-иностранцев в учебной деятельности превратились в устойчивые практические знания, умения и навыки, нужно на доступном уровне организовывать учебный материал и направлять учебный процесс, содержание которого для овладения изучаемым языком должно включать различные разделы – состав слова, синонимы и антонимы, стилистические особенности и сочетания слов, а также заимствования.

Методы и алгоритмы работы с аудиторией должны быть выстроены по принципу нарастающей сложности [4]. Нужно также учитывать, что причины встречающихся ошибок в речи (устной и письменной) студентов-инофонов связаны, наряду со сложностью изучения любого нового языка, с межъязыковой интерференцией, которая, по наблюдениям словесников многих поколений, «возникает в лингвистическом сознании и в речи человека вследствие наложения системы неродного языка на родной язык при языковых контактах» [5, 9].

Следует отметить, что для реального повышения уровня языковой подготовки студентов-иностранцев преподаватели используют разнообразную палитру средств и методов обучения: занятия по программам, различные внеаудиторные мероприятия, учитывающие имеющиеся знания и индивидуальные способности, а также внедрение в учебный процесс современных мультимедийных материалов и информационных технологий.

Выводы.

Обучение РКИ – это прежде всего строгая, всегда творческая и оперативная коммуникативная система, и коммуникация «на любом языке является сложным и долгим процессом даже в условиях культурно-языкового окружения, предполагает специально организованное обучение с помощью научно обоснованных технологий» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение / Н.П. Андрияшина. – М.; СПб.: Златоуст, 1999. – 36 с.
2. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Т.А. Иванова. – М.; СПб.: Златоуст, 1999. – 40 с.
3. Ласкарева Е.Р. Лексическая сочетаемость в теории и практике преподавания русского языка как иностранного // Русское слово в мировой культуре. Том III: Лингвометодические основы обучения русскому языку как иностранному. – СПб., 2003.
4. Ласкарева Е.Р. Прогулки по русской лексике. СПб.: Златоуст, 2010. – 224 с. // URL: https://ketimasw2.blogspot.com/2021/07/blog-post_28.html
5. Лебедева Ю.Г. Пособие по фонетике русского языка: учебное пособие для нац. групп филол. фак. ун-тов и пед. инст-тов. М.: «ВШ», 1981. – 128 с.
6. Стрельчук Е.Н. Лингвометодические основы обучения иностранных учащихся культуре русской письменной речи на этапе довузовской подготовки. Дисс. ... канд.педаг.н. М., 2008 // URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvometodicheskie-osnovy-obucheniya-inostrannykh-uchashchikhsya-kulture-russkoi-pismennoi->

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Pervyy uroven'. Obshcheye vladeniye / N.P. Andryushina. – М.; SPb.: Zlatoust, 1999. – 36 s.
2. Gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Vtoroy uroven'. Obshcheye vladeniye / T.A. Ivanova. – М.; SPb.: Zlatoust, 1999. – 40 s.
3. Laskareva Ye.R. Leksicheskaya sochetayemost' v teorii i praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo // Russkoye slovo v mirovoy kul'ture. Tom III: Lingvometodicheskiye osnovy obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu. – SPb., 2003.
4. Laskareva Ye.R. Progulki po russkoy leksike. SPb.: Zlatoust, 2010. – 224 s. // URL: https://ketimasw2.blogspot.com/2021/07/blog-post_28.html

5. Lebedeva Yu.G. Posobiye po fonetike russkogo yazyka: uchebnoye posobiye dlya nats. grupp filol. fak. un-tov i ped. inst-tov. M.: «VSH», 1981. – 128 s.
6. Strel'chuk Ye.N. Lingvometodicheskiye osnovy obucheniya inostrannykh uchashchikhsya kul'ture russkoy pis'mennoy rechi na etape dovuzovskoy podgotovki. Diss. ... kand.pedag.n. M., 2008 // URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvometodicheskie-osnovy-obucheniya-inostrannykh-uchashchikhsya-kulture-russkoi-pismennoi>

ՕՏԱՐԵՐԿՐՅԱ ՌԻՍԱՆՈՂՆԵՐԻ ՄԱՍՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԼԵԶՎԻ ՌԻՍՈՒՑՈՒՄԸ

Վ. ՅՈՒՍԱԳՅԱՆ

Շիրակի պետական համալսարան

Սույն հոդվածում դիտարկվում են ռուսերենի՝ որպես օտար լեզվի ուսուցման ավանդական և նորարարական մոտեցումները բարձրագույն կրթության համակարգում, ներկայացվում են ռուսերենի՝ որպես օտար լեզվի դասավանդման հատուկ ուսուցման տեխնիկաներն ու մեթոդները՝ հաշվի առնելով օտարերկրյա ուսանողների գիտելիքների մակարդակը, պահանջմունքներն ու հետաքրքրությունները, ինչպես նաև առանձնացվում են բուհում ռուսերենի՝ որպես օտար լեզվի ուսուցման հիմնախնդիրներն ու հեռանկարները:

Բանալի բառեր՝ մեթոդներ, ինտերակտիվ ուսուցում, հաղորդակցական կարողություն, ռուսաց լեզու:

TEACHING FOREIGN STUDENTS THE LANGUAGE OF THEIR SPECIALTY

V. Yu. SAFYAN

State University of Shirak (SUSH)

This article examines traditional and innovative approaches to learning Russian as a foreign language in higher education; it presents special teaching techniques and methods for teaching Russian as a foreign language according to the

knowledge level, needs, and interests of foreign students; as well as it highlights the problems and prospects of studying Russian as a foreign language at the university level.

Key words: *methods, interactive learning, communicative competence, Russian language.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

ИНТЕГРАЦИЯ НЕТРИВИАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО ОБУЧЕНИЯ РКИ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ, МУЛЬТИМЕДИА, ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ

Е. Ю. ШАГИНЯН

Российско-Армянский (Славянский) университет

yelena1296@gmail.com

В статье рассматривается интеграция цифрового обучения и особенности цифровизации РКИ. Представляются категоризации цифровых технологий и потенциал их дидактических свойств в подразделениях. Рассматривается потенциал применения визуализации, мультимедиа и персонализации как ключевых аспектов цифровизации обучения. Компоненты цифрового языкового обучения представляются в рамках нетривиальных подходов в представленных форматах визуализированного, мультимедийного и персонализированного цифрового обучения применительно к преподаванию РКИ.

Ключевые слова: *цифровое обучение, визуализация, мультимедиа, персонализация, РКИ*

Цифровизация языкового обучения является процессом бесповоротным и протекает на постоянной основе – таким образом, с процессом развития цифровых технологий происходит и обновление методов обучения с инкорпорированием цифрового элемента. Однако параллельно с органичным слиянием цифровой технологии и методики преподавания должны практиковаться процессы «экспериментов» в языковом обучении. Таким образом, нашей целью является показать интегрирование и совмещение цифровых технологий с «несовместимыми», нетривиальными подходами в обучении РКИ.

Цифровые технологии (далее ЦТ) в настоящее время являются неотъемлемой частью учебного процесса и образовательной деятельности и, в частности, в преподавании РКИ в *интерактивном* формате **ЦТ** являются тем инструментарием, без которого *интерактивность* занятий не представляется полностью обеспеченной. **ЦТ** на уроках РКИ различаются по своему *функционалу, направленности, реализуемым лингводидактическим задачам, этапу применения* и прочее. Увеличивающийся запрос к **ЦТ** в иноязычном обучении; рост *возможностей ЦТ* для работы над различными лингвистическими компетенциями; повседневное использование **ЦТ** учащимися; *доступность и дружелюбный интерфейс и вариативность* привели к завышенному интегрированию и раскрытию полного потенциала **ЦТ** на уроках РКИ [2, 166]. Таким образом, внедрение **ЦТ** в обучении РКИ влияет на систему обучения и меняет методы, приемы и подходы к изучению РКИ.

ЦТ в РКИ используются в *аудиторном, дистанционном, гибридном обучении*, а также широкую распространенность приобретает тенденция *онлайн-обучения* с применением **ЦТ** и *интернета*. Возможности **ЦТ** необъятны, однако, в преподавании РКИ, в частности, выделяют использование различных *обучающих платформ, интерактивных упражнений, мультимедийность ресурсов и визуализацию* учебных материалов. Следует отметить, что наряду с постоянным обновлением и расширением **цифровых технологий** и их функционала перед преподавателями стоит задача научиться ориентироваться в многообразии *цифровых ресурсов* и суметь определять функциональные возможности **ЦТ** для достижения желаемых учебных целей. Как было отмечено, широкие возможности **ЦТ** предоставляют возможность оптимизировать деятельность преподавателя, разнообразить занятия, побуждают к *самостоятельной* деятельности учащихся, а также *позитивно* влияют на психологический фон и на *когнитивные* способности учащегося [2, 167].

На данном этапе имеется огромное количество типов и видов **ЦТ**, разнообразие которых позволяет обучать языку с разных

аспектов; для разного уровня и профилей подготовки, что, следовательно, дает большой спектр и критерии, по которым классифицируются **ЦТ**. Методисты разделяют **ЦТ** по уровням компетенции на: *языковые, речевые и коммуникативные*, которые в свою очередь также подразделяются на «*дриллы*» и «*наставники*». В обучении языку **ЦТ** также разделяются на следующие категории:

- **ЦТ**, посвященные обучению *систем языка*, основной целью которых является активизация языковых форм и структур;
- **ЦТ**, направленные на обучение *видам речевой деятельности*;
- **ЦТ**, обеспечивающие контроль над формированием *речевых и языковых навыков*.

Отсюда следует, что при введении и использовании **ЦТ** преподавателю следует принимать во внимание все вышеперечисленные качества и технологические компетенции **ЦТ**, а именно:

- использование **ЦТ** в зависимости от *функционального применения*;
- по мере *структурно-программной организации*;
- по *свойствам адаптации*;
- по *методическому функционалу*;
- по степени *мультимедийности и интерактивности* [4, 2].

По **функциональному применению ЦТ** подразделяются на:

- *тренировочные*;
- *наставнические*;
- *программы проблемного обучения*;
- *имитационные*;
- *моделирующие*;
- *игровые*

По мере **структурно-программной организации ЦТ** подразделяются на:

- *линейные*;
- *разветвленные*;

- смешанные

По *свойствам адаптации ЦТ* подразделяются на:

- адаптивные;
- частично адаптивные;
- неадаптивные

По *методическому функционалу ЦТ* подразделяются на:

- грамматические;
- лексические;
- фонетические;
- лингвострановедческие;
- коммуникативные;
- направленные на навыки чтения и письма

Одним из важнейших критериев классификации *ЦТ* является соотношение *мультимедийности* и *интерактивности* этих *ЦТ* в обучении РКИ [4, 2-5].

Мы рассматриваем обучение РКИ в *интерактивном* формате и внедрение и использование *интерактивного* потенциала *цифровых технологий*. Таким образом, определив *интерактивный* характер *ЦТ*, нашей целью является показать эти возможности *ЦТ* на уроках РКИ и, наоборот, модели и способы *совмещения ЦТ* с *интерактивными* занятиями РКИ. Таким образом, разнообразные дидактические возможности *ЦТ* реализуются за счет *интерактивных* характеристик *цифровых технологий*: *визуализации, мультимедийности, персонализации* и прочее [2, 169].

Так, использование *визуализации* в *интерактивном* обучении РКИ позволяет упростить восприятие новых языковых явлений и грамматических правил. *ЦТ* позволяют *визуально* представить любой материал, используя сервисы по созданию *презентаций, изображений, информационной графики, схем, облака слов, ленты времени* и *интерактивных видео*. *Визуализация* представления языка позволяет делать упор от *образа* к *наглядному представлению*, опираясь на *зрительную* и *эмоциональную* поля [2, 169].

Интересным, *нетривиальным* способом применения визуализации являются *динамичные* и *статичные нелинейные тексты*. *Динамичными нелинейными текстами* могут быть:

- *визуальные конспекты*;
- *комиксы*;
- *мемы*;
- *инфографика*;
- *блогфолио* с включением *лонгридов*.

Статичными нелинейными текстами могут послужить:

- *таймлайн* – как способ *визуального* отображения событий в хронологическом порядке;
- *дашборд*, где информация представляется в сжатом *интерактивном цифровом* виде – помогает выстроить логику подачи сложного материала, что помогает обучающимся легче ее воспринимать;
- *инфографика* служит *графико-визуальным* способом передачи информации и может включать работу как с письменным, так и с устным видом высказываний, а также работу с грамматикой [3, 43-44].

Мультимедиа представляет собой комплекс вариативной информации, представленной в виде *электронного текста, графики, изображений, аудио- и видео-элементов*. Многоаспектность *мультимедиа* составляет основу *интерактивных* рабочих листов. Особенность таких заданий с применением *мультимедиа* является *разнообразие* и *вариативность*; включенность других источников информации помимо *текста (изображение, аудио- и видео-элементы)*. Стоит отметить, что все перечисленное вместе представляется в едином *цифровом* листе [2, 172]. Создание упражнений с применением *мультимедиа* на уроках РКИ позволяет активизировать и развивать все виды речевой деятельности в совокупности. Таким образом, наличие *интерактивности* в *мультимедиа-ресурсах* определяет *совмещение ЦТ* с *интерактивными* занятиями [2, 173].

Обычно мы рассматриваем *электронный текст* как *мультимедиа-ресурс*, однако помимо *электронного текста*

появляется еще один вид текста – **кибертекст**. *Кибертекст* представляет собой новый формат *мультимедийного текста*, порождаемый в *киберпространстве* – таким образом, на основе ресурсов интернета создается новый тип текста именуемый *кибертекстом*. Он состоит из совокупности разных видов текстов:

- *словесный текст*;
- *изображение*;
- *музыкальное произведение*;
- *видео* и прочее.

Кибертекст включает в себя и **гипертекст**, то есть в нем присутствуют и *гиперссылки* на другие тексты и **интертекст** – *отсылки* на другие тексты [1, 208]. Таким образом, *гипертекст* составляет основу *интерактивного* рабочего листа, который представляет собой совокупность *цифрового* учебного материала. Для работы с упражнениями необходимо перейти по *гиперссылке* на дополнительный *аудио-* или *видеоматериал* или *цифровой текст*, то есть на различные источники информации [2, 172]. Множество *цифровых* тренировочных и презентационных материалов содержат в себе *гипертекст* [2, 171]. *Интерактивность кибертекстового формата цифрового обучения* состоит в том, что при помощи *кибертекста* не только происходит представление информации, но и учащимся предоставляется возможность быть *активными* участниками обучения [2, 172].

Весь тематически созданный *кибертекст* создает так называемый *киберобраз* всего представленного *мультимедийного кибертекста*. Таким образом, все вместе (*текст* и *образ*) плавно и в совокупности представлены в едином виде в интернет-пространстве (*киберпространстве*) в виде *мультимедийного кибертекста*. Таким образом, в *цифровом преподавании* РКИ, *кибертекст* создает образ множества тематически переплетающихся явлений и понятий, при этом у учащихся задействованы все рецептивные каналы при взаимодействии с *кибертекстом*; происходит эмоционально-образное восприятие текста и, самое важное, обеспечивается *интерактивность* учебной работы при взаимодействии с *мультимедиа* с использованием интернета [1, 207-208; 209].

Новейшей техникой иллюстрации при подаче учебного материала может послужить технология **скрайбинга**, который представляет собой *прорисовывание* одновременно вместе с чтением, либо рассказом говорящего. Технология *скрайбинга* позволяет передать сложный материал в доступном формате, с подчеркиванием ключевых фрагментов. Данная технология особенно действенна в преподавании РКИ при записывании новых слов и/или их определений в тексте. Существует также, так называемый, *игровой формат скрайбинга*, также применяемый в преподавании РКИ, когда некоторые слова текста заменяются *пиктограммами* [3, 45].

Персонализацией обучения в традиционном понимании является *индивидуальная* образовательная траектория отдельного обучающегося на основе его особенностей и потребностей в обучении. Однако с внедрением **цифровых технологий**, у обучающегося появляется возможность выбора обучения, например, между очным или дистанционным форматом обучения при помощи **цифровых технологий**. **Цифровые технологии** помогают в определении *когнитивных* особенностей учащегося при помощи *электронных тестов* и прочее и, таким образом, позволяют преподавателю построить *индивидуальную* траекторию обучения [2, 173].

Персонализированная интерактивная форма обучения на основе **цифровых технологий** может быть обеспечена *оригинальным* способом в виде создания:

- **блогфолио**, как *интерактивного онлайн-блога*, который учащиеся создают с определенной целью;
- **лонгридов**, под которым понимается динамично *наглядная информация* на определенном *веб-сайте*, с которыми учащиеся могут *самостоятельно* работать.

Подобные *персонализированные* формы обучения с использованием **цифровых технологий** могут служить заменой *презентаций* или *проектов* (в котором могут быть задействованы как группа людей, так и отдельный учащийся), обеспечивая *самостоятельную* деятельность учащегося, при котором происходит

и интеракция и персонализация. Подобным персонифицированным проектом также является:

- *электронный интерактивный лэпбук*, представляющий из себя тематическую книгу с *коллажами* и *вставками*, с которым учащийся может работать, создавая красочную, интересную систематизированную книгу [3, 44].

Все перечисленные особенности *цифрового* формата обучения (*визуализация, мультимедиа, персонализация* обучения и *цифровые элементы*) при *совмещении* с *интерактивными* занятиями между собой переплетаются и взаимосвязаны. Исходя из этого, можем определить, что, например, *интерактивность* в рамках *визуализации* реализуется на основе *мультимедийных наглядных средств*; при применении *мультимедиа* – за счет *вариативности* и *разнообразности* возможностей таких ресурсов и сервисов; при *персонализации* обучения за счет *самостоятельной интеракции* учащегося с той или иной технологией. Все эти свойства реализуются в *цифровом формате* и в *цифровой среде* [2, 174], однако, *цифровые технологии* сосуществуя воедино с *традиционными методами* обучения, применяются и в *очном* формате, при котором с внедрением *цифрового элемента*, *традиционный* тип занятия превращается в *интерактивный*.

Выводы:

- Процесс настоящей цифровизации обучения требует постоянной актуализации методов обучения при помощи цифровых технологий наряду с их постоянным обновлением – отсюда следует, что с вводом новой цифровой технологии вводится новая «цифровая» методика обучения.
- Цифровое обучения языку требует неординарности учебного процесса, поэтому в таких целях наряду с интегрированием аналоговых технологий происходит интеграция нетривиальных методов, создавая, соответственно, нетипичный формат обучения.
- На основе стандарта характерных элементов цифрового обучения, а именно визуализации, мультимедиа, персонализации создаются нестандартные методы и подходы

к обучению РКИ, превращая таким образом обыденное обучение в курьезное и оригинальное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А.А., Тряпельников А.В. Кибертекст как новый вид учебного текста в цифровой среде обучения РКИ // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2018. № 3. С. 207-209.
2. Загуменникова Н.В. Цифровые технологии как способ оптимизации обучения русскому языку как иностранному // Преподаватель XXI век. 2023. № 1. Часть 1. С. 166-173.
3. Коломейцева Е.Б., Матвеев А.П. Визуализация на уроках по РКИ // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2023. № 1 (29). С. 43-45.
4. Пиневиц Е.В. Компьютерные программы в обучении русскому языку как иностранному // Гуманитарный вестник. 2015. № 3 (29). С. 2-5.

REFERENCES

1. Akishina A.A., Tryapel'nikov A.V. Kibertekst kak novyi vid uchebnogo teksta v tsifrovoi srede obucheniya RKI // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2018. № 3. S. 207-209.
2. Zagumennikova N.V. Tsifrovye tekhnologii kak sposob optimizatsii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu // Prepodavatel' XXI vek. 2023. № 1. Chast' 1. S. 166-173.
3. Kolomeitseva E.B., Matveev A.P. Vizualizatsiya na urokakh po RKI // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya. 2023. № 1 (29). S. 43-45.
4. Pinevich E.V. Komp'yuternye programmy v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu // Gumanitarnyi vestnik. 2015. № 3 (29). S. 2-5.

**ՌՕԼԻՒ ՈՉ ՏՐԻՎԻԱԼ ԹՎԱՅԻՆ ՈՒՍՈՒՅՄԱՆ ԻՆՏԵՐԱՅՈՒՄ.
ՎԻԶՈՒԱԼԻԶԱՅԻԱ, ՄՈՒԼՏԻՄԵԴԻԱ, ԱՆՀԱՏԱԿԱՆԱՅՈՒՄ**

Ե. ՅՈՒ. ՇԱՀԻՆՅԱՆ

Ռուս-Հայկական համալսարան

Հոդվածում դիտարկվում է թվային ուսուցման ինտեգրացումը և ՌՕԼ-ի թվայնացման առանձնահատկությունները: Ներկայացվում են թվային տեխնոլոգիաների դասակարգումներն ու դրանց դիդակտիկական հատկությունների ներուժը ենթաբաժիններով: Վիզուալիզացիայի, մուլտիմեդիայի և անհատականացման կիրառման պոտենցիալները դիտարկվում են որպես ուսուցման թվայնացման հիմնական ասպեկտներ: Թվային լեզվական ուսուցման կոմպոնենտները ներկայացվում են ոչ տրիվիալ մոտեցումների շրջանակում՝ վիզուալացված, մուլտիմեդիական և անհատականացված թվային ուսուցման ձևաչափերում կիրառելիորեն ՌՕԼ-ի դասավանդման նկատմամբ:

Բանալի բառեր՝ թվային ուսուցում, վիզուալիզացիա, մուլտիմեդիա, անհատականացում, ՌՕԼ:

INTEGRATION OF NONTRIVIAL DIGITAL RFL TEACHING: VISUALIZATION, MULTIMEDIA, PERSONALIZATION

Ye. Yu. SHAHINYAN

Russian-Armenian University

The article examines the integration of digital learning and the peculiarities of the digitalisation of RFL teaching. It presents categorisations of digital technologies and the potential of their didactic properties within subdivisions. The potential of using visualisation, multimedia, and personalisation is considered as key aspects of the digitalisation of learning. The components of digital language instruction are presented within the framework of nontrivial approaches in the formats of visualised, multimedia, and personalised digital learning applied to teaching RFL.

Key words: digital learning, visualization, multimedia, personalization, RFL.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 25 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

У НАС В ГОСТЯХ

НАРУШЕНИЯ ПРИНЦИПОВ КООПЕРАЦИИ КАК СТРАТЕГИЯ ВЫРАЖЕНИЯ ОНЛАЙН-ЖАЛОБ

А. Г. АВЕТИСЯН

ГУ им. В.Я. Брюсова

annaavetisyan987@gmail.com

Статья рассматривает проявления принципов кооперации, предложенных П.Грайсом, в онлайн-жалобах, трактуя их как коммуникативную стратегию. Цель исследования — изучить нарушения максим количества, качества, релевантности и способа, а также их языковые особенности в онлайн-жалобах. Анализ основан на реальных примерах, адресованных различным организациям (службам доставки, сетям общественного питания, платёжным системам и др.). Результаты показывают, что нарушения максим в большинстве случаев носят преднамеренный характер и обусловлены использованием иронии, гиперболы, игры слов, парадокса и других стилистических средств. Несмотря на снижение точности передаваемой информации, такие нарушения усиливают эмоциональное воздействие жалобы и способствуют вовлечению аудитории. Таким образом, нарушение принципов кооперации выступает в качестве эффективного прагматического инструмента, формирующего способы выражения и восприятия жалоб.

Ключевые слова: принцип сотрудничества, прагматика, онлайн-жалоба, речевой акт, максима количества, максима качества, максима релевантности, максима способа, ирония, гипербола, игра слов.

Յուրաքանչյուր մշակույթ ունի խոսքային ակտերի և խոսքային ժանրերի իրեն բնորոշ պահոցը [15: 149], և հենց այդ յուրահատկությունների ուսումնասիրությունն է կարևոր դեր խաղում միջմշակութային հաղորդակցության ճիշտ ընկալման գործընթացում [2: 199]:

Այս համատեքստում յուրաքանչյուր լեզու, բացի բառապաշարային տարբերություններից, առանձնանում է նաև աշխարհը հասկացությանացնելու և մարդկանց միջև հարաբերություններ կառուցելու յուրահատուկ միջոցներով: Այս հարաբերությունների արտահայտման և կարգավորման կարևոր դրսևորումներից մեկը հանրային վարքագիծն է, որի առանցքային քաղաղորհչը քաղաքավարությունն է [16: 255]:

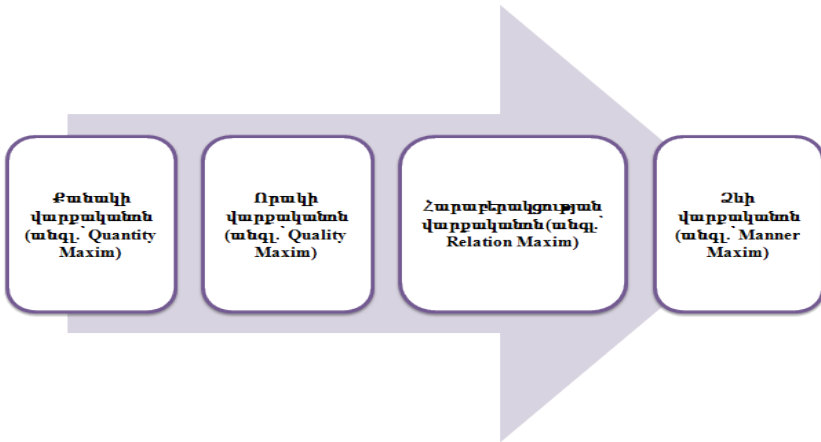
Քաղաքավարության և արդյունավետ հաղորդակցության մեխանիզմների ուսումնասիրության տեսանկյունից կարևոր է նաև հասկանալ, թե ինչ կանոններով է կարգավորվում հաղորդակցման գործընթացը:

Ինչպես նշում է հայ լեզվաբան Ե. Երզնկյանը, հաղորդակցական գործընթացի արդյունավետությունը բացահայտելու համար անհրաժեշտ է սահմանել այն կանոնները, որոնք կարգավորում են խոսքային գործունեությունը: Վերջինս, որպես կանոն, ենթարկվում է որոշակի սկզբունքների՝ այսպես կոչված խոսքի վարքականոնների (անգլ. maxim) [1: 55]:

Խոսքային վարքականոնների հիման վրա քաղաքավարության սահմանումը, ըստ Ե. Երզնկյանի, առաջին հերթին հենվում է Paul Grice-ի «Logic and Conversation» (1975) աշխատության վրա [1: 55]: Պ.Գրայսի համաձայն՝ հաղորդակցական վարքականոնների ամբողջությունը ձևավորում է համագործակցության սկզբունքը, որը ներառում է չորս հիմնական վարքականոններ (տես՝ գծապատկեր 1):

Գծապատկեր 1

Համագործակցության սկզբունքների տեսություն (ըստ Պ.Գրայսի)

Յուրաքանչյուր վարքականոն ներառում է իրեն բնորոշ ենթատեսակներ, որոնք ապահովում են դրա ամբողջականությունն ու համապարփակությունը: Դրանք են՝

➤ ***Քանակի վարքականոն***

- Տրամադրեք այնքան տեղեկատվություն, որքան պահանջվում է:
- Մի տրամադրեք ավելի շատ տեղեկատվություն, քան պահանջվում է [13: 45]:

➤ ***Որակի վարքականոն***

- Մի տրամադրեք տեղեկատվություն, որը կարող է կեղծ լինել:
- Մի տրամադրեք տեղեկատվություն, որի վերաբերյալ բավարար փաստարկներ չեք կարող ներկայացնել [13: 46]:

➤ ***Հարաբերակցության վարքականոն***

- Ներկայացրեք տվյալ իրավիճակի հետ առնչություն ունեցող տեղեկատվություն [13: 46]:

➤ ***Չնի վարքականոն***

- Խուսափեք տեղեկատվության անընմբռնելիությունից:
- Խուսափեք երկիմաստությունից:

- Եղեք հակիրճ (խուսափեք երկարաբանությունից):
- Եղեք համակարգված [13: 47]:

Սույն հետազոտության շրջանակում, հիմք ընդունելով Պ. Գրայսի համագործակցության սկզբունքների ամբողջությունը, փորձ է կատարվել ուսումնասիրել հայերեն և անգլերեն համացանցային խոսույթում առկա **բողոքներում** այդ վարքականոնների պահպանման և խախտման դրսևորումները:

Հարկ է նշել, որ նույն օրինակում հաճախ դիտվում են միաժամանակ մի քանի խախտումներ, այդ պատճառով առանձնացրել ենք առավել հաճախ հանդիպող համակցությունները (տես՝ գծապատկեր 2):

Գծապատկեր 2

Հաճախ հանդիպող վարքականոնների խախտումներ

ՀԱՅԵՐԵՆ	ԱՆԳԼԵՐԵՆ
ՔԱՆԱԿ + ՁԵՎ	
ՈՐԱԿԻ + ՁԵՎ	ՔԱՆԱԿԻ + ՈՐԱԿ
ՈՐԱԿ + ՀԱՐԱԲԵՐԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆ + ՁԵՎ	ՔԱՆԱԿ + ՁԵՎ + ՈՐԱԿ
ՀԱՐԱԲԵՐԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆ+ՁԵՎ+ՔԱՆԱԿ	

1. **Քանակի + ձևի վարքականոնների խախտում**

Քանակի և ձևի վարքականոնների խախտումներ նկատվում են այն օրինակներում, որտեղ օգտատերերն արտահայտում են իրենց բողոքներն՝ առանց ներկայացնելու բավարար մանրամասներ, որն էլ երբեմն առաջացնում է երկիմաստություն:

[*Վեոլիա Ջուր / Veolia Armenia մերսի, բայց արդեն բորբոսնեղ եմ*](#) [3]

Վերոնշյալ առցանց բողոքում, որը հասցեագրված է «ՎԵՈԼԻԱ ՋՈՒՐ» փակ բաժնետիրական ընկերությանը, առկա է **քանակի վարքականոնի խախտում**, քանի որ օգտատերը բավարար և հստակ տեղեկատվություն չի տրամադրում բողոքի պատճառների վերաբերյալ, ինչի հետևանքով ընթերցողը ստիպված է ինքնուրույն կռահել ստեղծված իրավիճակի հանգամանքները: Բացի այդ, նկատվում է նաև **ձևի վարքականոնի** խախտում, քանի որ «*արդեն*

բորբոսնել էմ» արտահայտությունը կիրառված է փոխաբերական իմաստով, ինչը խոսքին հաղորդում է երկիմաստ բնույթ:

Անգլերեն համացանցային խոսույթում նույնպես կարելի է հանդիպել **քանակի և ձևի վարքականոնների խախտումներ**:

DoorDash can dash right out of my life !!

I'M DONE !!!! [11]

Ամերիկյան DoorDash առաքման ծառայությանը հասցեագրված գրառման մեջ **քանակի և ձևի վարքականոնների խախտումները**, մի կողմից, պայմանավորված են բավարար տեղեկատվության բացակայությամբ, իսկ մյուս կողմից՝ բողոքի սաստկությունն ուժգնացնող պատկերավորման միջոցների (տվյալ դեպքում՝ *բառախաղ* ոճական հնար) և պատկերանշանային միջոցների (*գլխագիր, բազմակի բացականչական նշաններ*) կիրառմամբ: *Բառախաղ* ոճական հնարն արտացոլվում է DoorDash անվան «dash» բաղադրիչի կրկնությամբ («dash right out of my life»), ինչը հաղորդագրությանը տալիս է հեզմական երանգ:

2. **Քանակի + որակի վարքականոնների խախտում**

Քանակի + որակի վարքականոնների խախտումները գերիշխող մաս են կազմում անգլերեն համացանցային խոսույթում:

Those chips look older than me !!! [4]

KFC արագ սննդի ռեստորանների ցանցին հասցեագրված գրառումը, որը վերաբերում է սպասարկման որակին, պարունակում է միաժամանակ **քանակի և որակի վարքականոնների խախտում**:

Քանակի վարքականոնի տեսանկյունից հաղորդագրությունը չափազանց սեղմ է և չի տրամադրում բավարար տեղեկատվություն (օրինակ՝ որտեղից են գնվել չիպսերը կամ ինչ վիճակում են եղել):

Որակի վարքականոնը խախտվում է *չափազանցության* («chips look older than me») կիրառմամբ, քանի որ այն բառացիորեն ճշմարիտ չէ, այլ օգտագործվում է հեզմական ձևով՝ ընդգծելու արտադրանքի հնացած լինելը: Օգտատերն այս խախտումը կատարել է դիտավորյալ՝ ընդգծելով բողոքի հուճկոյանը և քննադատական բնույթը:

Մեկ այլ օրինակ է “5 Guys” արագ սննդի ռեստորանների ցանցին հասցեագրված բողոքը:

*I'm renaming “5 Guys” to “5 Lies”. The overpriced fries are “all that”, but the burger SUX. No flavor at all
Apologies to Krystal. [5]*

Թեև գրառման մեջ կիրառված են որոշ գնահատողական լեզվական կառույցներ («overpriced fries», «burger SUX», «no flavor»), այնուամենայնիվ բացակայում են հստակ տվյալներ՝ ժամանակի, տեղի և պայմանների վերաբերյալ, ինչի հետևանքով տեղեկատվությունը լիարժեք չէ:

Որակի վարքականոնը խախտվում է բառախաղի միջոցով՝ “5 Guys”-ը վերանվանելով “5 Lies”, ինչը ենթադրում է կազմակերպության անազնիվ քաղաքականություն: Քանի որ սպացույցներ չեն ներկայացվում, պնդումը փաստական հիմք չունի: Այդ պատճառով տվյալ խախտումը կարելի է դիտարկել որպես դիտավորյալ, որն ուժեղացնում է քննադատական ազդեցությունը:

Ամերիկյան Subway արագ սննդի ռեստորանների ցանցին հասցեագրված մեկնաբանությունը նույնպես ընդգրկում է **քանակի և որակի խախտումներ**:

It was nice you could afford to pay all the professional athletes to make your commercials. Now only professional athletes can afford to buy a sandwich. [8]

Գրառման մեջ առկա է **քանակի վարքականոնի մասնակի խախտում**, քանի որ այն չի ներառում հստակ տվյալներ (օրինակ՝ իրական արժեքները և դրանց համեմատությունը), այլ սահմանափակվում է ընդհանրական ներկայացմամբ:

Սակայն առավել ընդգծված է հենց **որակի վարքականոնի խախտումը**, քանի որ հաղորդագրության մեջ կիրառված *պարադոքս* լեզվաոճական հնարը ոչ միայն շեղում է փաստացի ճշմարտացիությունից, այլև նպատակային կերպով խաթարում է դրա ընկալումը:

Հարկ է նշել, որ այս գրառման մեջ պարադոքսը կառուցվում է երկու հակադիր գաղափարների վրա. առաջինը վերաբերում է գովազդային արշավների վրա մեծ ֆինանսական միջոցների ծախսին

(«you could afford to pay all the professional athletes to make your commercials»), իսկ երկրորդը՝ ապրանքի գնի այնպիսի բարձրացմանը, որի արդյունքում այն դառնում է անհասանելի լայն հանրության համար («Now only professional athletes can afford to buy a sandwich»):

3. Որակի + ձևի վարքականոնների խախտում

Որակի վարքականոնը ենթադրում է ճշմարտացի և հիմնավորված տեղեկատվության փոխանցում, որի խախտումները հաճախ ուղեկցում ձևի վարքականոնի խախտումներով հայերեն համացանցային խոսույթում:

Idram Payment System կարողա Ձեր էփը կիրակի օրերով հանգստանումա, եթե տենց քան կա ասեք, խմանանք էլի, թե չէ 10 րոպե չեմ կարում կպնեմ: [6]

Idram առցանց վճարային համակարգին հասցեագրված գրառման մեջ *անձնավորում* պարունակող ճարտասանական հարցի միջոցով «*կարողա Ձեր էփը կիրակի օրերով հանգստանումա*» օգտատերն ծաղրական վերաբերմունք է արտահայտում ստեղծված իրավիճակի վերաբերյալ: Այս երևույթը կարող է դիտարկվել **որակի վարքականոնի խախտում**, քանի որ անմիջապես չի համապատասխանում բառացի իրականությանը: Գրառման մեջ առկա են նաև *օտարաբանություններ* («էփը») և *առօրյա-խոսակցական լեզվին բնորոշ կառուցվածքներ*, այդ թվում՝ «*ա*» օժանդակ բայի, «*տենց*» (գրական՝ *այդպես*), «*կարում*» (գրական՝ *կարողանում*) և «*կպնում*» (գրական՝ *միանում*) ձևերի կիրառությունները, որոնք կրում են ոչ պաշտոնական և խոսակցական բնույթ: Դա ազդում է գրառման իմաստի հստակության վրա և հանգեցնում **ձևի վարքականոնի մասնակի խախտման**:

4. Որակի + հարաբերակցության + ձևի վարքականոնների խախտում

Այս խմբում դիտարկվում են այն օրինակները, որոնցում միաժամանակ խախտվում են **որակի, հարաբերակցության և ձևի վարքականոնները**՝ դրսևորվելով իրականության աղավաղմամբ, թեմատիկ շեղումներով և լեզվական անորոշությամբ:

Լոնգեր չիզր ավելի փոքր լինել չէր էլ կարող, **"մերսի"**

"կշտացա":

անունը դրեք **ՇՈՐԹԵՐ**))) [7]

KFC արագ սննդի ռեստորանների ցանցին հասցեագրված գրառման մեջ օգտատերը խախտվում է **որակի վարքականոնը** **չարաքանցություն** ոճական հնարի միջոցով, որը գրառմանը հեզնական բնույթ է փոխանցում: Բացի այդ, օգտատերը **բառախաղի** միջոցով առաջարկում է **լոնգեր** անվանման **լոնգ** (անգլ.՝ long, հայ.՝ երկար) **ձևույթը** փոխարինել **շորթ** ձևույթով (անգլերեն՝ short, հայ.՝ կարճ)՝ արտահայտելով սենդվիչի չափերի փոքրացման մասին իր դժգոհությունը: Այս հակադրական խաղը ուժեղացնում է հումորային ազդեցությունը և ավելի է ընդգծում **որակի վարքականոնի խախտումը:**

«Մերսի» և «կշտացա» բառերի ուղիղ իմաստներին հակադրվելով՝ օգտատերը ստեղծում է հեզնանք ոճական հնար, որով ակնարկվում է իրական դժգոհություն մատուցված սննդից: Սա նպաստում է **որակի վարքականոնի դիտավորյալ խախտմանը:**

Շարաքերակցության վարքականոնի խախտումը դրսևորվում է նրանով, որ գրառումը հիմնականում կենտրոնացած է սննդի չափի և ակնկալիքների չարդարացման վրա, սակայն վերջնական ձևակերպումը («անունը դրեք **ՇՈՐԹԵՐ**»)) շեղվում է զուտ տեղեկատվական նկարագրությունից դեպի ծաղրական գնահատական:

Ձևի վարքականոնը մասամբ խախտված է, քանի որ օգտագործված են խոսակցական բառեր («մերսի», «կշտացա») և մեծատառով ներկայացված բառային միավոր «**ՇՈՐԹԵՐ**», ինչը հաղորդագրությանը հաղորդում է անորոշություն:

«ՕՆԷՔՍ» արագ առաքման ծառայությանը հասցեագրված գրառումը, որը վերաբերում է սպասարկման ցածր որակին, նույնպես ընդգրկում է **հարաքերակցության, որակի և ձևի վարքականոնների խախտումներ:**

Մտա [ONEX.AM](https://onex.am) տեսնեմ պատվերներս ուր են հասել էն էլ պարզվեց ես 1.2 տոննայանոց ինչ-որ բան եմ պատվիրել))) ու 2.5 միլլիոն փող եմ պարտք 🙄🙄 մոտոս **ընկճախտ** ա: **Դժնդակ օրեր գնացեք, դրվատանքի օրեր եկեք**))) 😊 [9]

Որակի վարքականոնը խախտվում է, քանի որ բողոքը ձևակերպված է *չափազանցություն* ոճական հնարի («1.2 տոննայանոց ինչ-որ բան եմ պատվիրել», «2.5 միլիոն փող եմ պարտք») կիրառմամբ, սակայն այս խախտումը դիտավորյալ է և նպատակ ունի գրառմանը հաղորդել հումորային երանգ:

Հարաբերակցության վարքականոնի տեսանկյունից նկատվում է թեմատիկ շեղում. թեև գրառումը մեկնարկում է ONEX-ի ծառայության վերաբերյալ դժգոհությամբ, սակայն եզրափակվում է օգտատիրոջ հուզական վիճակի նկարագրությամբ: Այս հուզական արտահայտությունը դրսևորվում է *բառային հակադրություն* ոճական հնարով («դժնդակ օրեր գնացեք, դրվատանքի օրեր եկեք»): Ներկայացնելով այս հակադիր ձևակերպումները՝ օգտատերը խախտում է **հարաբերակցության վարքականոնը**, քանի որ իր բողոքը շեղում է բուն թեմատիկ ուղղվածությունից՝ հաղորդագրությանը տալով հումորային և գնահատողական հնչերանգ:

Ինչ վերաբերում է **ձևի վարքականոնին**, այն խախտվում է ոչ պաշտոնական (*էն, ընկճախտ ա*), հումորային և որոշ չափով երկիմաստ լեզվամիջոցների կիրառմամբ, ինչի հետևանքով հաղորդագրությունը դառնում է ոչ հստակ և կառուցվածքային առումով անկանոն:

5. **Հարաբերակցության+ձևի+քանակի վարքականոնների խախտում**

Այս խմբում ընդգրկված են այն օրինակները, որտեղ համակցվում են **հարաբերակցության, ձևի և քանակի վարքականոնների խախտումները**՝ դրսևորվելով թեմայից շեղմամբ, արտահայտման ոչ հստակությամբ և տեղեկատվության թերի ներկայացմամբ: Նման օրինակ է «ՅՈՒԲՈՄ» հեռահաղորդակցության ընկերությանը հասցեագրված բողոքը:

Նոր զանգել էի Ucom, սակագնային պլանս փոխելի, հիմա էտ աղջկա հետ իրա կիսուրից ենք խոսում [10]

Գրառման մեջ օգտատերը նախ անդրադառնում է Ucom-ի սակագնային պլանի փոփոխությանը, այնուհետև կտրուկ թեմատիկ շեղում է կատարում՝ անցնելով «աղջկա կիսուրի» վերաբերյալ

խոսակցությանը, ինչի արդյունքում խախտվում է **հարաբերակցության վարքականոնը**:

Այս թեմատիկ անցումը խաթարում է հաղորդագրության ամբողջական փոխանցումը և հանգեցնում է իմաստային անհամապատասխանության: Միաժամանակ նկատվում է նաև **ձևի վարքականոնի որոշակի շեղում**, քանի որ խոսքը կառուցված է ոչ պաշտոնական և կտրուկ անցումներով, որոնք նվազեցնում են իմաստի հստակությունն ու տրամաբանական փոխկապակցվածությունը:

Քանակի վարքականոնը մասամբ խախտված է, քանի որ ներկայացվում են ոչ էական և սկզբնական խնդրի լուծմանը չնպաստող մանրամասներ, ինչի արդյունքում նվազում է հաղորդակցության արդյունավետությունն:

6. **Քանակ + ձև + որակ վարքականոնների խախտում**

Այս խմբում ներկայացված են այն օրինակները, որտեղ միաժամանակ խախտվում են **հարաբերակցության, ձևի և քանակի վարքականոնները**: Դա ստեղծում է թեմատիկ անհամապատասխանություն, խոսքի ոչ հստակություն և տեղեկատվության թերի կամ ավելորդ ներկայացում:

Ամերիկյան Krispy Kreme Doughnuts սրճարանին հասցեագրված բողոքը ընդգրկում է **նման խախտումներ**:

They have rats and discrimination [12]

Քանակի վարքականոնի տեսանկյունից հաղորդագրությունը չափազանց հակիրճ է. այն չի տրամադրում որևէ հստակ տեղեկատվություն՝ իրավիճակը հասկանալու համար:

Գրառումը կարելի է դիտարկել նաև **որակի վարքականոնի որոշակի խախտում**, քանի որ ներկայացված պնդումները («rats», «discrimination») փաստացի հաստատված չեն և չեն ուղեկցվում ապացույցներով: Այդ պատճառով դրանք ընկալվում են որպես սուբյեկտիվ մեղադրանքներ, այլ ոչ թե հստակ փաստեր: Բացի այդ, օգտատերը կիրառում է *գյուզմա*¹ ոճական բառային հնարը, որը

¹ Չյուզման ենթադրում է քերականական միևնույն հարաբերություն, սակայն իմաստային տարբեր դրսևորումներ [14]: Տվյալ դեպքում «rats» (առնետներ) և

գրառմանը հաղորդում է պատկերավորություն և արտահայտչականություն, ինչը, իր հերթին, հանգեցնում է **ձևի վարքականոնի որոշակի խախտման**:

Այսպիսով՝ կարելի է նշել, որ Պ. Գրայսի համագործակցության սկզբունքների խախտումներն առցանց բողոքներում ոչ թե պատահական շեղումներ են, այլ գիտակցված հաղորդակցական ռազմավարություններ: Օգտատերերը հաճախ միտումնավոր խախտում են *քանակի, որակի, հարաբերակցության և ձևի վարքականոնները*՝ կիրառելով *չափազանցություն, հեզմանք, բառախաղ, պարապոք* և այլ լեզվաոճական միջոցներ, որոնք ուժգնացնում են բողոքի հուզարտահայտչականությունը: Այսպիսի խախտումները, թեև նվազեցնում են հրապարակման տեղեկատվական արժեքը, սակայն միաժամանակ նպաստում են բողոքի արտահայտմանը և հանրության վրա ազդեցության մեծացմանը: Այսպիսով, առցանց միջավայրում համագործակցության սկզբունքների խախտումը կարելի է դիտարկել որպես արդյունավետ գործարանական գործիք, որի միջոցով օգտատերերը ոչ միայն արտահայտում են իրենց դժգոհությունը, այլև ստեղծում են դրա ընկալման և մեկնաբանման նոր եղանակներ:

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ерзнкян Е.* Лингвистическая категория вежливости: семантика и прагматика. Ереван: ЕГУ, 2018.
2. *Beebe L., Takahashi T.* Sociolinguistic Variation in Face-Threatening Speech Acts Chastisement and Disagreement, In the Dynamic Interlanguage Empirical Studies in Second Language Variation edited by Eisenstein M., New York, Plenum Press, 1989, 199-218.
3. Facebook [Electronic resource] // Mode of access: <https://rebrand.ly/or4l0je> (Date of access: Apr 1, 2026).
4. Facebook [Electronic resource] // Mode of access: <https://rebrand.ly/m5bbkvt> (Date of access: Apr 1, 2026).
5. Facebook [Electronic resource] // Mode of access: <https://rebrand.ly/eqeh1js> (Date of access: Apr 1, 2026).

«discrimination» (խտրականություն) բառային միավորները պատկանում են տարբեր իմաստային խմբերի և տարբեր հասկացություններ են մատնանշում:

6. Facebook [Electronic resource] // Mode of access: <https://rebrand.ly/fd14e2> (Date of access: Apr 1, 2026).
7. Facebook [Electronic resource] // Mode of access: <https://rebrand.ly/1nckqog> (Date of access: Apr 1, 2026).
8. Facebook [Electronic resource] // Mode of access: <https://rebrand.ly/pwjssxy> (Date of access: Apr 1, 2026).
9. Facebook [Electronic resource] // Mode of access: <https://rebrand.ly/eo9pva1> (Date of access: Apr 1, 2026).
10. Facebook [Electronic resource] // Mode of access: <https://rebrand.ly/lyzzpty> (Date of access: Apr 1, 2026).
11. Facebook [Electronic resource] // Mode of access: <https://rebrand.ly/2e4086> (Date of access: Apr 1, 2026).
12. Facebook [Electronic resource] // Mode of access: <https://rebrand.ly/xo4s289> (Date of access: Apr 1, 2026).
13. *Grice H.P.* Logic and Conversation. In: Syntax and Semantics, Vol. 3, Speech Acts edited by Cole P. and Morgan J.L., New York, Academic Press, 1975, 41-58.
14. *Malewitz R.* What is a Zeugma? [Electronic resource] // Mode of access: <https://rebrand.ly/c69bb1> (Date of access: Apr 1, 2026).
15. *Wierzbicka A.* Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2003.
16. *Yus F.* Cyberpragmatics. Internet-Mediated Communication in Context, John Benjamins Publishing Company, 2011.

REFERENCES

1. *Yerznkyan Ye.* Lingvisticheskaya kategoriya vezhlivosti: semantika i pragmatika. Yerevan: YEGU, 2018.
2. *Bibi L., Takakhashi T.* Sotsiolingvisticheskiye variatsii v rechevykh deystviyakh, ugrozhayushchikh litsu, nakazanii i nesoglasii, v «Dinamicheskikh mezh"yazykovykh empiricheskikh issledovaniyakh variatsiy vtorogo yazyka» pod redaktsiyey Eyzenshteyna M., N'yu-York, Plenum Press, 1989, 199–218.
3. Facebook [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://rebrand.ly/or4l0je> (Data dostupa: 1 aprelya 2026 g.).
4. Facebook [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://rebrand.ly/m5bbkvt> (Data dostupa: 1 aprelya 2026 g.).
5. Facebook [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://rebrand.ly/eqeh1js> (Data dostupa: 1 aprelya 2026 g.).

6. Facebook [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://rebrand.ly/fd14e2> (Data dostupa: 1 aprelya 2026 g.).
7. Facebook [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://rebrand.ly/1nckqog> (Data dostupa: 1 aprelya 2026 g.).
8. Facebook [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://rebrand.ly/pwjssxy> (Data dostupa: 1 aprelya 2026 g.).
9. Facebook [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://rebrand.ly/eo9pva1> (Data dostupa: 1 aprelya 2026 g.).
10. Facebook [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://rebrand.ly/lyzzpty> (Data dostupa: 1 aprelya 2026 g.).
11. Facebook [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://rebrand.ly/2e4086> (Data dostupa: 1 aprelya 2026 g.).
12. Facebook [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://rebrand.ly/xo4s289> (Data dostupa: 1 aprelya 2026 g.).
13. *Grice H.P.* Logic and Conversation. In Syntax and Semantics, Vol. 3, Speech Acts edited by Cole P. and Morgan J.L., New York, Academic Press, 1975, 41-58.
14. *Malewitz R.* What is a Zeugma? [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://rebrand.ly/c69bb1> (Data dostupa: 1 aprelya 2026 g.).
15. *Verzhbitska A.* Mezhekul'turnaya pragmatika: Semantika chelovecheskogo vzaimodeystviya, Berlin, N'yu-York, Walter de Gruyter, 2003.
16. *Yus F.* Kiberpragmatika. Internet-oposredovannaya kommunikatsiya v kontekste, John Benjamins Publishing Company, 2011.

**ՀԱՄԱԳՈՐԾԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՄԿՉՈՒՆՔՆԵՐԻ ԽԱԽՏՈՒՄՆԵՐԸ ՈՐՊԵՍ
ԱՌՑԱՆՑ ԲՈՂՈՔՆԵՐԻ ԱՐՏԱՀԱՅՏՄԱՆ ՌԱԶՄԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆ**

Ա. Հ. ԱՎԵՏԻՍՅԱՆ

Վ. Բրյուսովի պետական համալսարան

Մույն հոդվածն ուսումնասիրում է Պ.Գրայսի համագործակցության սկզբունքների դրսևորումներն առցանց բողոքներում դիտարկելով դրանք որպես հաղորդակցական ռազմավարություն: Հետազոտության նպատակն է ուսումնասիրել Պ.Գրայսի կողմից առաջարկված *քանակի, որակի, հարաբերակցության և ձևի վարքականոնների խախտումները*, ինչպես նաև դրանց լեզվական առանձնահատկությունները համացանցում հրապարակված բողոքներում: Վերլուծությունը հիմնված է տարբեր կազմակերպություններին (առաքման ծառայություններ, սննդի ցանցեր, վճարային համակարգեր և այլն) հասցեագրված իրական օրինակների վրա: Արդյունքները ցույց են տալիս, որ վարքականոնների խախտումները հիմնականում կրում են դիտավորյալ բնույթ և պայմանավորված են *հեզևանքի, չափազանցության, բառախաղի, պարադոքսի* և այլ լեզվաոճական միջոցների կիրառմամբ: Թեև դրանք նվազեցնում են տեղեկատվության հստակությունը, միաժամանակ ուժեղացնում են բողոքի հուզական ազդեցությունը և նպաստում լսարանի ներգրավմանը: Այսպիսով, համագործակցության սկզբունքների խախտումը արդյունավետ գործաբանական գործիք է, որը ձևավորում է բողոքի արտահայտման և ընկալման ձևերը:

Բանալի բառեր՝ համագործակցության սկզբունք, գործաբանություն, առցանց բողոք, խոսքային ակտ, քանակի վարքականոն, որակի վարքականոն, հարաբերակցության վարքականոն, ձևի վարքականոն, հեզևանք, չափազանցություն, բառախաղ

**VIOLATIONS OF THE COOPERATIVE PRINCIPLES AS A STRATEGY
FOR EXPRESSING ONLINE COMPLAINTS**

A. G. AVETISYAN

Brusov State University

The article examines the manifestations of Gricean Cooperative Principle in online complaints, viewing them as a communicative strategy. The aim of the study is to

analyze violations of the maxims of quantity, quality, relation, and manner, as well as their linguistic features in online complaints. The analysis is based on authentic examples addressed to various organizations (delivery services, food chains, payment systems, etc.). The results show that maxim violations are largely intentional and are achieved through the use of irony, hyperbole, wordplay, paradox, and other stylistic devices. Although these violations reduce informational clarity, they simultaneously enhance the emotional impact of complaints and increase audience engagement. Thus, violations of the Cooperative Principle function as an effective pragmatic tool, influencing how complaints are expressed and understood.

Key words: *Cooperative Principle, pragmatics, online complaints, speech acts, maxim of quantity, maxim of quality, maxim of relation, maxim of manner, irony, hyperbole, wordplay*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 20 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

ՌԱՓԱՅԵԼ ՀԱՅՐԱՊԵՏՅԱՆԻ «ԶՎԱՐՃԱԼԻ ՀԱՆԵԼՈՒԿՆԵՐ» ԺՈՂՈՎԱԾՈՒՆ

Մ. Մ. ԳԻԼԱՎՅԱՆ

Խաչատուր Աբովյանի անվան ՀՊՄՀ

gilavyan.meline@mail.ru

Հոդվածում քննության են առվում նորագույն շրջանի հայ մանկագիր Ռաֆայել Հայրապետյանի հանելուկները: Ռաֆայել Հայրապետյանը այն բանաստեղծներից է, ով հիմնականում գրել է մանուկների համար ու մանուկների մասին: «Զվարճալի հանելուկներ» ժողովածուն նախատեսված է նախադպրոցական և կրտսեր տարիքի երեխաների համար, որը խիստ կարևոր է նրանց մտածողության, տրամաբանության, զարգացման, ճանաչման տեսանկյունից: Հանելուկը երևույթի կամ առարկայի հակիրճ, նկարագիրն է, ուր քողարկված տրվում են կռահվող երևելույթի հատկանիշները, կամ առարկան փոխարինվում է վերջինիս հատկությունը ունեցող երևույթով:

Բանալի բառեր՝ հանելուկ, արտահայտչամիջոց, լուծում, համեմատություն, գիտելիք, մանկական գրականություն:

Հոդվածում անրադառնում ենք Ռաֆայել Հայրապետյան հանելուկների յուրահատկություններին, ներկայացնում նրա դերը մանուկների մտածողության գործում:

Ռաֆայել Հայրապետյանը հաջողությունների է հասել մանկական պոեզիայում՝ իր հետ բերելով թարմ շունչ, հետաքրքիր պատկերամտածողություն, յուրօրինակ գույներ, երանգներ ու հնչյուններ: Նրա մանկական բանաստեղծությունների առաջին

Ժողովածուն «Կախարդական մորուք» (1996), որին հաջորդեցին «Փիղը այգեպան» (2006) , «Հումորի նժար» (2008), «Զվարճալի հանելուկներ» (2019) ժողովածուները, որոնք մանկական գրականություն բերեցին հետաքրքիր մտահղացումներ, հայրենասիրական, գեղագիտական դաստիարակության վերաբերյալ նոր մոտեցումներ:

Ռ.Հայրապետյանը հիմնականում գրում է նախադպրոցական տարիքի երեխաների համար ինչը, անշուշտ, շատ դժվար է: Դժվար է այն առումով, որ աշխարհը պետք է տեսնել այդ տարիքի երեխաների աչքերով, տեսնել միայն լուսավորն ու պայծառը, գեղեցիկն ու անխաթարը: Տեսնել այնպես, որ երեխայի լուսավոր երազները չմթազնվեն, ու նա ապրի միայն բարության դաշտում իրեն զգա բնության մի մասնիկը: Հեղինակի ստեղծագործությունների յուրահատկությունը նրա պարզությունն ու մատչելիությունն է, երեխաները հաճույքով կարդում ու առանց դժվարության մտապահում են նրա փոքրիկ, սրամիտ բանաստեղծությունները, հանելուկները:

Ռ.Հայրապետյանի «Զվարճալի հանելուկներ» ժողովածուն լիարժեք պատկերացում է տալիս հանելուկի ժանրի զարգացման վերաբերյալ: Ժողովածուն, որի մեջ ընդգրկված հանելուկները նաև հիանալի փոքրիկ բնապատկերներ են՝ գեղեցիկ, երեխայի հետաքրքրությունը շարժող համեմատություններով, երաժշտականությամբ և դյուրին անգիր արվող, ինչը նույնպես շատ կարևոր է մանկական ընթերցանության համար:

Հեղինակը գեղարվեստական հետաքրքիր լուծումներով և արտահայտչամիջոցներով ներկայացնում է 30-ից ավելի կենդանապատկերներ:

Քայլվածքը շատ դանդաղ է,
Բայց չկարծեք, թե կաղ է,
Ուր էլ գնա ինչ անի,
Իր տունն իր հետ կտանի: (Կրիա) [1, 10]

Կամ՝

Այ՛քեզ հրաշք կենդանի,
Քթով գերան կտանի,

Խոտ է ուտում խրձերով,
Հսկաններ են ողջ ցեղով: (Փիղ) [2, 17]

Կամ՝

Շատ նման է նա գայլի,
Բայց գայլի հետ չի քայլի
Հավատարիմ ու արի
Բարեկամն է մեր բարի: (Ծուռ) [3, 18]

Հանելուկները իրանց մեջ խտացնում են սերունդների կենսափոքր ռո իմաստությունը, և այս առումով դժվար է գերազնահատել նրանց դերը երեխաների ինացական ու ճանաչողական ունակությունների զարգացման գործում: Երեխան հանելուկը ընկալում է ոչ թե որպես ռեալ կենցաղային գաղտնիք, այլ իրենից ժամանակավորապես թաքնված բացահայտ իրողություն, որին հասու լինելու համար պահանջվում են որոշակի գիտելիքներ: Հանելուկներում առարկաների կամ երևույթների համեմատական նկարագրության, նրանց որևէ հատկանիշի հիման վրա մյուս առարկաներն ու հատկանիշները գտնելու միջոցով բավականին մեծ դաշտ է ստեղծվում երևակայության զարգացման համար:

Դասականների այս մոտեցումը հաջողությամբ կիրառվում է Ռ. Հայրապետյանի հանելուկներում: Ուսուցման ընթացքում նյութի ամփոփման կամ նրա շուրջ մտավոր-իմացական վարժություններ կատարելու տեսանկյունից այս մոտեցումը բավականին լավ արդյունք է տալիս: Երեխան սովորում է համեմատել ու համադրել երևույթները, հատկանիշները, առարկաների բնորոշ կողմերը, որը խիստ կարևոր է նրա տրամաբանության զարգացման, շրջապատի ճանաչման, անձնական վերաբերմունքի տեսանկյունից:

Ժողովածուում հանելուկները խմբավորված են ըստ թեմատիկայի ու բովանդակության առանձին շարքերում, ինչը նպաստում է երեխայի մտքի կենտրոնացմանը:

Մթնոլորտային երևույթներին նվիրված հանելուկներ՝
Մեկ ակնթարթում
Շողաց ու անցավ,
Ծնվեց երկնքում:

Հողում մահցավ:
(Կայծակ) [4, 37]

Կամ՝

Ձմռանը գալիս է
Գանանը գնում
Մասիսի վրա
Հավիտյան մնում: (Ջուն) [5, 11]

Ձմեռը ներկայացնում է նաև այլ կերպ.
Եկավ, բերեց առատ ձյուն,
Դաշտը ծածկեց վերմակով
Փողոց, տանիք, ծառ ու թուփ:
Ներկեց առատ – ճերմակով: [6, 10]

Բանաստեղծը իր մանուկ ընթերցողներին դաստիարակում է հայրենիքի, տան պաշտպանի հոգեբանությամբ, նրան ծանոթացնում ազգային սրբություններին, նրա մեջ սերմանում հայրենասիրական զգացմունքներ:

Մեզ բոլորիս քաջածանոթ
Երկիր է նա մի քարքարոտ
Ուր էլ լինենք նրա հանդեպ
Միշտ տածում ենք անհուն կարոտ:
(Հայաստան) [7, 20]

Կամ՝

Որքան մեծ լինենք
Եվ որքան հզոր
Այնքան թշնամին
Կլինի անգոր: (Բանակ) [8, 20]

Կամ՝

Այս աշխարհում քանի կանք
Կծածանվի շարունակ,
Գույներ ունի նա տեղին՝
Կարմիր, կապույտ ու դեղին:
(Հայկական դրոշ) [9, 8]

Գեղարվեստական պատկերը ընկալելի դարձնելու նպատակով հեղինակը դիմում է համեմատությունների օգնությանը: Օրինակ՝

Որ ծաղիկն է՝ ասեք որ

Շատ նման է արևի

Նա արևի հեռավոր

Ազգականն է երևի: (Արևածաղիկ) [10, 24]

Հանելուկներին երաժշտականություն են հաղորդում նմաձայնություններն ու նմանահունչ բառերը: Հաճախակի կրկնվող հնչյունների միջոցով բանաստեղծը օգնում է երեխային ավելի լավ պատկերացնել նկարագրվող առարկան, երևույթը, որոնք շատ «կարևոր իմաստային դեր են կատարում՝ ուժեղացնում են հուզական բովանդակությունը, ռիթմը, երաժշտականությունը» [12, 248]:

Տուկ,տուկ,տուկ,տուկ ով է, ով

Ինչ թռչուն է ձեզ ծանոթ

Ծառի բունը փորելով՝

Փնտրում է նա թրթուրներ: (Փայտփորիկ) [11, 38]

Հանելուկի լուծումը գվարճալի ժամանց է երեխայի համար:Այն ուրախություն է պատճառում նրան, ուժեղացնում վստահությունը սեփական անձի, մտքի նկատմամբ, ընդաձակում է նրա գիտելիքները բնության, առարկաների և կյանքի երևույթների մասին, միաժամանակ ծանոթացնելով ժողովրդական խոսքի արտահայտչականությանը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՑԱՆԿ

1. Հայրապետյան Ռ. Չվարճալի հանելուկներ. Երևան, 2019. – 57 էջ.
2. Գիլախյան Մ. Նորոգույն շրջանի հայ մանկակա պոեզիայի միտումները. Երևան, 2000. – 85 էջ
3. Զրբաշյան Էդ. Գրականության տեսություն. Երևան, 1980. – 248 էջ.

REFERENCES

1. *Hayrapetyan RR. Zvarchali hanelukner. Yerevan, 2019. – 57 ej.*
2. *Gilavyan M. Noroguyn shrjani hay mankaka poyeziayi mitumneri. Yerevan, 2000. – 85 ej*
3. *Jrbashyan Ed. Grakanut'yan tesut'yun. Yerevan, 1980. – 248 ej*

СБОРНИК РАФАЭЛА АЙРАПЕТЯНА «ВЕСЕЛЫЕ ПАЗЛЫ»

М. М. ГИЛАВЯН

АГПУ имени Хачатура Абовяна

В статье рассматриваются загадки современного армянского детского писателя Рафаэля Айрапетяна. Р.Айрапетян – один из поэтов, пишущих преимущественно для детей и о детях. Сборник «Забавные загадки» предназначен для детей дошкольного и младшего возрастов, что чрезвычайно важно с точки зрения развития их мышления, логики, роста и познания. Загадка — это краткое, описательное представление явления, понятия или объекта, где характеристики угадываемого замаскированы, или объект заменен характеристиками, обладающими узнаваемыми свойствами.

Ключевые слова: загадка, средство выражения, решение, сравнение, знание, детская литература.

RAFAEL HAYRAPETYAN'S "FUNNY PUZZLES" COLLECTION

M. M. GILAVYAN

Khachatur Abovyan ASPU

The article examines the riddles of the modern Armenian children's writer Rafael Hayrapetyan. Rafael Hayrapetyan is one of the poets who mainly wrote for and about children. The collection "Funny Riddles" is intended for preschool and younger children, which is extremely important from the point of view of their thinking, logic, development, and cognition. A riddle is a brief, descriptive description of a phenomenon or object, where the features of the phenomenon

being guessed are given in disguise, or the object is replaced by a phenomenon that has the latter's properties.

Key words: *riddle, means of expression, solution, comparison, knowledge, children's literature.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 3 ноября 2025 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.10.2026.

CHUCK PALAHNIUK: THE LIMITS OF ADAPTATION AND THE LOGIC OF INTERNAL CINEMA

K. S. TOVMASYAN

YSU

paninfo.am@gmail.com

ORCID: 0009-0004-2323-4106

This article examines the interaction between Chuck Palahniuk's prose and cinema, considering both realized adaptations and unrealized or potential film projects, as well as identifying cinematic principles structurally embedded in his texts. Particular attention is given to "Fight Club" as a key case of adaptation, compared with less coherent or unrealized versions. The study argues that the boundary between filmed and unfilmed cinema in Palahniuk's work is fundamentally unstable, as his prose functions as a form of internal cinema, structured through principles of montage, visual organization, and effects of presence.

Key words: *Chuck Palahniuk; adaptation; internal cinema; cinematicity of prose; montage; visuality; narrative strategies.*

Introduction

In recent decades, the problem of the relationship between literature and cinema has become increasingly significant in light of the ongoing transformation of media culture, within which the boundaries between text, image, and spectacle have grown ever more permeable. Chuck Palahniuk's work offers especially revealing material in this regard, since his prose is intrinsically oriented toward visual effects, montage-like fragmentation, and mediated forms of representation, which makes it particularly responsive to the process of screen adaptation.

The scholarly novelty of this study lies in the fact that Palahniuk's work is examined not only in relation to completed film adaptations, but also from the perspective of unfilmed and potential cinema, including projects that were never realized on screen as well as novels whose internal structure is shaped by the logic of cinematic language.

The central hypothesis of the study is that, in Palahniuk's case, the boundary between filmed and unfilmed cinema is ultimately conditional, since his texts function as medial constructions that already contain an inherent cinematic logic.

The aim of this article is to explore how Palahniuk's prose engages with cinema both through actual adaptations and through the internal structure of the texts themselves. To this end, the study analyzes "Fight Club" as a key case of successful adaptation, compares it with less successful or unrealized screen versions, and considers the writer's later novels as forms of "internal cinema". The methodological framework combines hermeneutic and intermedial approaches with elements of narratological and cultural analysis.

Main Part

David Fincher's 1999 adaptation of Chuck Palahniuk's novel "Fight Club" (1996) occupies a distinctive place within the writer's body of work, as it was the first to bring Palahniuk's poetics into the realm of mass spectacle, thereby establishing a perspective through which even those texts that were never adapted for the screen may subsequently be interpreted. What is at stake here is not the question of "fidelity to the original", but a more complex process – the translation of the novel's specific narrative structure into the language of visual culture, where montage, advertising aesthetics, and voice-over function as equivalents of Palahniuk's fragmented prose and its rhythmic intensity [11: 89-90]. Already in Palahniuk's original text, the subject is presented as an unstable, fragmented structure, lacking a coherent core and constituted through external systems of signs. In the film, this idea acquires an explicitly visual form: the unnamed narrator appears literally "assembled" from consumer objects that are catalogued and aestheticized. His well-known statement – "I wasn't the only slave to my nesting instinct. The

people I know who used to sit in the bathroom with pornography, now they sit in the bathroom with their IKEA furniture catalogue” [14: 43] – is amplified in the cinematic version through visual sequences in which the interior space and the protagonist’s body become interchangeable elements within a single system. In this sense, the subject in “Fight Club” can be understood as an effect of consumer discourse – a kind of “catalog self” that exists only within the space of representation [11: 84-89].

The central paradox of the film, however, lies in the fact that the attempt to break out of this system is carried out by means that themselves belong to it. Tyler Durden, who appears as a figure of radical negation, does not offer a genuine alternative but merely pushes to the extreme the very logics that produce the subject’s original emptiness. His language, composed of rhythmically structured and easily memorable phrases, is formally akin to the advertising discourse he ostensibly rejects. As a result, the film’s anti-capitalist impulse is internally undermined: rather than dismantling the system, the protest reproduces it in an inverted form [4: 53].

The body becomes the key mediator of this contradiction. In A. Grønstad’s interpretation, corporeality in “Fight Club” functions as a “last reserve of reality” to which the subject turns under conditions of total simulation; yet this return is fundamentally ambivalent. Pain and physical impact, which are meant to affirm existence, simultaneously become a repeatable ritual and thus lose their authenticity [8]. In this context, violence ceases to operate as an act of resistance and instead assumes a communicative function, replacing language and social bonds. Consequently, bodily practice does not lead the subject beyond the system but merely relocates it within a different mode of subjection – one structured by discipline, repetition, and collective ritual.

Closely connected to this is the motif of the crisis of masculinity, widely recognized in criticism as one of the film’s central themes. The film registers the erosion of traditional models of male identity, brought about by the disappearance of patriarchal structures and the transformation of labor in post-industrial society. Under these conditions, the fraternity of the fight club emerges as an attempt to reconstruct a lost male community grounded in bodily experience, pain, and hierarchy. Yet, as J. Craine

argues, this model does not restore identity but rather hyperbolizes its crisis, pushing the idea of “authentic masculinity” to its limit and thereby exposing its internal instability [6: 291].

No less significant is the film’s narrative level, where a strategy of systematically undermining the viewer’s trust is at work. The narrator in “Fight Club” is not merely unreliable; he is structurally incapable of producing a truthful account, since he himself constitutes a site of rupture. As E. Anderson observes, the film operates as the film of lies, in which illusion is not an external deception but forms the very fabric of the narrative [1: 84]. The final revelation does not dissolve this illusion but merely renders it visible, demonstrating that both the subject and his story are from the outset constructed as an effect of montage – as the result of superimposed, incompatible perspectives.

In this sense, Fincher’s adaptation does not simply interpret Palahniuk’s novel but brings to light its latent cinematicity. Fragmentation, repetition, the use of false leads, and the play with perception characteristic of Palahniuk’s prose find in cinema not merely an adequate but an intensified equivalent. For this reason, “Fight Club” can be regarded as a key text for understanding Palahniuk’s relationship with cinema more broadly: the film does not complete the novel but opens up a way of reading his later prose as inherently oriented toward visual and media forms. From this perspective, the boundary between filmed and unfilmed cinema becomes fundamentally blurred, as Palahniuk’s texts themselves function as projects of potential adaptation, already structured by the logic of spectacle, montage, and mediated effect.

Thus, in Fincher’s interpretation, “Fight Club” represents a rare instance in which adaptation not only preserves but intensifies the philosophical and aesthetic complexity of the source text, emerging as an autonomous artistic statement. It is precisely here that a particular mode of interaction between literature and cinema takes shape – one in which cinema does not illustrate the novel but reveals its latent structural possibilities, pushing its inherent cinematicity to its limit.

However, the subsequent history of adaptations of Palahniuk’s work demonstrates that such an outcome is by no means typical. The next major attempt to bring his prose to the screen – “Choke” (2008) – reveals a

different adaptation strategy and, consequently, a different artistic result. Whereas “Fight Club” achieved a coherent visual and conceptual system, the adaptation of “Choke” tends to preserve the plot while significantly reducing the philosophical and stylistic intensity of the source text. Directed by Clark Gregg, who also authored the screenplay, the film reflects an interpretative approach to Palahniuk’s work, in contrast to “Fight Club”, where the author’s involvement in the script contributed substantially to preserving the internal logic and philosophical density of the original novel. “Choke” premiered at the Sundance Film Festival in January 2008 and was released in U.S. theaters later that autumn. The film stars Sam Rockwell (Victor Mancini), Anjelica Huston (Ida), and Kelly Macdonald (Paige Marshall).

Critical reception was mixed from the outset. According to the review aggregator Metacritic, the film received a score of 47 out of 100 based on 27 reviews [12], placing it in the category of “mixed or average reviews.” This rating alone indicates the generally restrained response of critics.

In his review, Roger Ebert notes that the film possesses a certain sharpness and an element of absurd charm; however, from a dramaturgical standpoint, it appears diffuse and fails to achieve internal coherence. He describes it as a work that moves “not at a resolution but at a rest stop” [7]. While acknowledging Sam Rockwell’s performance as convincing, Ebert points out that the film’s overall structure does not sustain dramatic tension.

The British critic Xan Brooks, writing in *The Guardian*, characterizes the film as a satirical black comedy with elements of grotesque, yet emphasizes its tonal instability and the limitations of its directorial approach [5]. His review suggests that the film fails to match the depth and sharpness of the novel, remaining at the level of a stylized but somewhat superficial adaptation.

In an online review, Christian Sauv  highlights the film’s relative fidelity to the spirit of Palahniuk’s work – particularly in its portrayal of the protagonist’s sexual addiction and its ironic tone – while also noting that the cinematic version simplifies the complexity of the source text and softens its philosophical implications [21]. Thus, three recurring themes emerge in Anglophone criticism: the strength of Sam Rockwell’s

performance; the preservation of the novel's provocative tone; and the insufficient structural and conceptual depth of the adaptation.

When "Choke" is compared with "Fight Club", the difference in their cultural and critical status becomes immediately apparent. Although "Fight Club" was initially received with a degree of restraint, it later attained cult status; its Metascore stands at 67/100 [12], and the film has since been widely discussed in academic and philosophical criticism as a text addressing the crisis of masculinity, consumerism, and identity. The key difference in adaptation strategy lies in the directorial approach. Fincher constructs a visually and conceptually coherent system: editing style, color palette, voice-over, and narrative structure together form a fully realized cinematic language. In contrast, Clark Gregg, while remaining closer to the plot of the novel, does not develop an equally distinct visual or philosophical framework in "Choke". The adaptation preserves the narrative lines but does not transform them into an autonomous cinematic system.

Moreover, "Fight Club" intensifies the philosophical subtext of the source material, whereas "Choke" foregrounds its comic and sexually provocative elements. As a result, the 2008 adaptation is perceived as competent yet less ambitious and less radical in comparison with the 1999 film.

In interviews, Clark Gregg emphasized that his intention was to preserve the emotional core of the novel and the character of its protagonist, rather than to produce a visually shocking film [2]. However, it is precisely this refusal of a radical stylistic approach that contributed to the film remaining in the shadow of Palahniuk's more large-scale and conceptually cohesive adaptation. At the same time, this situation did not lead Palahniuk to distance himself from cinematic language. On the contrary, a few years later he returned to cinema – now from a different position and with a different strategy.

In 2015, reports emerged regarding a planned adaptation of the novel "Lullaby", with Palahniuk announcing his involvement in writing the screenplay [3]. In 2016, the project was launched as a crowdfunding campaign on Kickstarter with a stated goal of \$250,000 [9]. The campaign reached its funding target ahead of schedule [20]. Thus, Palahniuk

emerges not merely as a source of literary material but as an active participant in both the production and screenwriting stages of the project.

Significantly, following the moderate success of *Choke*, the author does not distance himself from cinema; on the contrary, he seeks to increase his degree of control over the adaptation process. Whereas in the 2008 film he remained outside the directorial framework, the *Lullaby* project entails his more direct involvement in script development. In interviews related to the campaign, Palahniuk emphasizes the need to reshape the text in accordance with cinematic dynamics and reflects on the challenges of translating the novel's central motif into film language [18].

It may be suggested that what emerges here is a characteristic feature of Palahniuk's authorial position: repetition not as regression, but as a form of correction. If the adaptation of "*Choke*" failed to convey the philosophical depth that critics identified in the novel, then the "*Lullaby*" project can be understood as a more author-controlled process. This is not merely a continuation of collaboration with the film industry, but an attempt to reconfigure the integration of his own text within the media environment.

It is also noteworthy that Palahniuk's later novels increasingly engage with cinematic imagination: montage-like fragmentation, abrupt transitions between episodes, and the scenaristic compactness of dialogue. Even in cases where no adaptation is realized, the internal structure of the text reveals a clear orientation toward visual dynamism. In this sense, the shift toward "*Lullaby*" as a film project does not constitute an external episode in the author's biography, but rather forms part of the logic of his aesthetic evolution.

Particularly indicative in this context is the adaptation project of the novel "*Snuff*" (2008), which at a certain stage was in active development and even reached a concrete level in terms of casting and directorial concept. In the early 2010s, plans were announced for a film adaptation to be directed by Fabien Martorell; the project attracted a cast including Daryl Hannah, Thora Birch, and Tom Sizemore [22].

The plot of the novel, centered on the porn star Cassie Wright, who seeks to set a record by engaging in sexual encounters with six hundred men over the course of a single day of filming, establishes from the outset

an extreme degree of bodily and spectacular radicalism, calling into question the very possibility of its adequate cinematic representation [19].

It is characteristic that, already at the stage of the project's discussion, critics and journalists raised the issue of the material's fundamental "unfilmability." Any attempt to transfer the text to the screen would inevitably require either a radical softening of its content – thereby effectively undermining its semantic structure – or, conversely, the preservation of its provocative corporeality, which would push the film beyond the limits of what is permissible in mainstream distribution. As noted in one review, the very premise of "Snuff" implies such a degree of explicitness that its culmination is "enough to guarantee an X rating" [Ibid.].

In this sense, the fate of the project proves symptomatic. Despite the existence of a screenplay, a director, and a cast, the film was never realized as a full theatrical release. This case makes it possible to speak of a boundary at which the interaction between Palahniuk's prose and cinema encounters the institutional and cultural constraints of the industry itself: a text that functions in literature as a form of radical satire and critique of spectacle becomes, in cinema, either unacceptable or subject to substantial reduction.

Thus, "Snuff" represents not merely an "unrealized adaptation," but a specific type of film project that exists at the boundary between the possible and the impossible within mass visual culture. If "Fight Club" demonstrates a successful translation of Palahniuk's poetics into the language of cinema, and "Choke" its partial adaptation, then "Snuff" exposes the limits of this translation, marking the point at which the very logic of the text proves incompatible with the conditions of cinematic production and distribution.

Following both successful and unsuccessful adaptation attempts, Palahniuk increasingly relocates cinema into the internal structure of the novel itself. This is particularly evident in "Snuff", where cinema is no longer an external medium but becomes the very theme, setting, and organizing principle of the narrative. The concept of "snuff," commonly associated with the visual recording of extreme violence, is understood here as a form of representation in which murder is transformed into

spectacle and commodity; accordingly, scholars have linked it to the logic of “murder as sexual entertainment” [10: 40-59]. In this sense, Palahniuk’s novel operates at the intersection of transgressive prose and cinematic imagination, pushing to its limit the very question of the boundary between staging and reality.

At the center of the novel is the porn actress Cassie Wright, who seeks not only to “make history” [15: 4] but to “make a snuff movie” [Ibid.], transforming her own death into the culmination of a large-scale media project. The very composition of the text is organized according to principles of montage: the narrative unfolds through the voices, memories, and observations of multiple characters, while the author, following his own technique of “hiding the I” of the narrator and consistently “keep your camera pointed elsewhere, describing other characters” [13: 62], effectively simulates the operation of a filming apparatus. It is no coincidence that the action is set within a studio space, where six hundred men wait their turn before the cameras, each arriving not only as a participant in the erotic marathon but also as a bearer of personal illusion, trauma, or fantasy.

Most importantly, however, “Snuff” is not limited to the exploitation of shock material. Beneath its radically provocative premise lies a narrative about the transformation of human life into a script, and of death into a final shot. When Branch Bacardi declares, “Didn’t one of us on purpose set out to make a snuff movie” [15: 188], the novel reaches the point at which cinematic logic no longer merely represents violence but begins to govern the very fate of its characters. The ending, in which “With the billion volts of power still pulsing into Bacardi... the cameras rolling...” [Ibid.: 154], articulates this idea with particular clarity: in Palahniuk’s work, spectacle does not reflect reality but absorbs it. For this reason, “Snuff” is crucial for understanding the writer’s later prose: here, the novel itself functions as an extreme cinematic project – internally spectacular, montage-driven, and at the same time resistant to full realization as a film.

If in “Snuff” cinema appears as a space of extreme spectacle, where life is transformed into a final shot, then in the novel “Tell-All” Palahniuk shifts attention to another level – the very mechanism of producing the star

image. Here cinema is no longer important as a shocking event, but as a system that fabricates biography, appearance, memory, and destiny. The novel is constructed as an explicitly screenplay-like structure: it is divided into acts and scenes and saturated with stage directions that imitate the language of cinema and theatre – “to break the fourth wall” [16: 10, 107], “dissolve into flashback” [Ibid.: 17, 47, 95], “voice-over” [Ibid.: 80, 81, 82, 91, 93, 98, 99, 104 etc.], “Cut. Print it. Roll credits” [Ibid.: 140]. In this way, Palahniuk does not merely introduce a cinematic theme but builds the novel itself as a script internally oriented toward montage, shifts of perspective, and visual dynamism. It is no coincidence that in “Consider This” he explicitly recommends ending “one scene and jump to a flashback, alternating between the past and present” [13: 31, 32], while also emphasizing that “a nonfiction form will allow you to make even the most fantastic, the most maudlin, the most silly story seem completely plausible” [Ibid.: 51].

At the center of the novel lies not so much the Hollywood diva Katherine Kenton as the figure of her creator and double, Hazie Coogan, who transforms another person’s life into a carefully directed project. In this sense, “Tell-All” inherits not only the Hollywood myth but also a Wildean model of artificially produced beauty: Hazie does not separate herself from her creation, and the story of the star becomes a form of aesthetic montage in which authenticity exists only as the effect of a successfully constructed image [23: 121]. Her confession is telling: “My life is far less steered by Katherine Kenton than her life is by me” [16: 11]. In the finale, this hidden authorial control reaches its limit: Hazie does not simply complete another person’s biography but ensures for her heroine “A dramatic exit – after a suitable third act” [Ibid.: 135], saving her from the humiliation of aging and decline.

In “Tell-All”, Palahniuk radicalizes one of his central concerns – the substitution of life with its aesthetically constructed version. If *Snuff* exposed the transformation of death into spectacle, here the object of analysis becomes the very technology of producing cinematic illusion, in which a person, their past, body, and even memory are subordinated to the logic of the script. The novel thus occupies a crucial place within

Palahniuk's later works, where cinema no longer appears as an object of adaptation but as an internal model of writing.

This trajectory culminates in the novel "The Invention of Sound", where Palahniuk brings the cinematic dimension to its most radical and exposed form by shifting from the visual to the acoustic. While in earlier works spectacle determined the structure of the narrative, here sound emerges as the final bearer of authenticity: "What made all this make-believe garbage real was the sound" [17: 22]. In doing so, Palahniuk intensifies one of the fundamental impulses of cinema: the pursuit of authenticity, of an experience that must be perceived bodily and immediately. It is significant that the protagonist of the novel, sound engineer Mitzi Ives, perceives sound as "the future of motion pictures. Acting beyond acting" [Ibid.], while her professional practice is built around the creation of hyper-realistic acoustic effects. In this respect, Palahniuk effectively extends and radicalizes a well-known principle of cinematic authenticity articulated by Luchino Visconti, who insisted on constructing authentic filming conditions, since "otherwise falseness may appear in the actor's performance, and that is precisely what the viewer will perceive" [24: 62]. However, whereas in Visconti this principle functions as a subtle enhancement of verisimilitude, in Palahniuk it takes on an extreme form: sound must not imitate but literally reproduce the limits of experience – fear, pain, and agony. From this emerges the central premise of the novel: "Only dread and terror brought out a marketable recording." [17: 39]. In a world where the viewer is saturated with visual effects and seeks increasingly intense sensations, cinema shifts into the domain of affect, transforming into an industry of controlled terror. Palahniuk demonstrates how this mechanism dissolves the boundary between fiction and reality: sound, initially intended for cinematic production, begins to demand a real source – and thus real suffering.

The plot, structured around the intersecting trajectories of Mitzi Ives and Foster Gates, follows the same logic of montage as in Palahniuk's earlier works: the characters initially exist in parallel narrative lines, linked by the motif of a missing child, before converging into a single narrative in which a transfer of roles occurs. Foster thus continues Mitzi's practice, inheriting the role she had occupied – that of a figure who was

“an independent contractor, making some writer’s twisted dream come true” [Ibid.: 24]. At the same time, the principle of simulation is pushed to its limit: the characters operate within a space of reflections and substitutions, where “A waitress playing an actress playing a waitress.” [Ibid.: 27], and reality itself becomes dependent on its registration – “If a nose was broken in the forest and no one was there to record it and dub it into a film, did the nose really break?” [Ibid.: 49].

In “The Invention of Sound”, Palahniuk brings his “cinematic” trajectory to completion: if “Snuff” explores the limits of visual spectacle, and “Tell-All” the mechanisms of image production, here he turns to the most fundamental layer of the medium – sensory impact, sound as the carrier of affect and the illusion of authenticity. Cinema in this novel no longer merely reflects reality or constructs it; rather, it produces reality as experience, in which the boundary between art and life becomes completely dissolved.

Conclusion

Thus, the analysis confirms the proposed hypothesis that in Chuck Palahniuk’s work the boundary between filmed and unfilmed cinema proves to be conditional. While the adaptation of “Fight Club” demonstrates the possibility of an adequate translation of his poetics into the language of film, subsequent adaptations and unrealized projects reveal the limits of such translation, whereas the novels themselves increasingly function as forms of internal cinema, structured according to the principles of montage, spectacle, and medial representation. In this sense, Palahniuk’s prose not only interacts with cinema but reinterprets it as a model of writing, shifting the focus from external adaptation to the internal cinematicity of the text. Prospects for further research are connected with a broader examination of intermedial strategies in contemporary literature, as well as with the analysis of texts that are conceived from the outset as medial projects existing at the intersection of word, image, and spectacle.

LITERATURE

1. *Anderson Emily R.* Telling Stories: Unreliable Discourse, “Fight Club,” and the Cinematic Narrator // *Journal of Narrative Theory*. 2010. Vol. 40, No. 1. – P. 80-107 // URL: <https://surl.li/mqhtoc> (accessed 8 April 2026).
2. Back Stage. Interview with Clark Gregg, writer/director of Choke. 2008 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B7Q3wp1Udfw> (accessed 9 April 2026).
3. *Bernstein Paula.* Fight Club Author Chuck Palahniuk Crowdfunding Lullaby // *Filmmaker Magazine*. 2016. May 17 // URL: <https://surl.li/vqmmfj> (accessed 8 April 2026).
4. *Bishop Kyle.* Artistic Schizophrenia: How Fight Club’s Message Is Subverted by Its Own Nature // *Studies in Popular Culture*. 2006. Vol. 29, No. 1. – P. 41-56 // URL: <https://www.jstor.org/stable/23418071> (accessed 8 April 2026).
5. *Brooks Xan.* Choke // *The Guardian*. 2008. November 21 // URL: <https://surl.li/kzxdfx> (accessed 8 April 2026).
6. *Craine J., Aitken S.C.* Street fighting: Placing the crisis of masculinity in David Fincher's Fight Club // *GeoJournal*. 2004. Vol. 59, No. 4. – P. 289-296 // URL: <https://doi.org/10.1023/B:GEJO.0000026702.99315.b5> (accessed 9 April 2026).
7. *Ebert Roger.* Sex Addict Seeks Heimlich Maneuver // *RogerEbert.com*. 2008. September 25 // URL: <https://www.rogerebert.com/reviews/choke-2008> (accessed 9 April 2026).
8. *Grønstad Asbjørn.* One-Dimensional Men: Fight Club and the Poetics of the Body // *Scribd* // URL: <https://ru.scribd.com/document/328011027/Fight-Club> (accessed 8 April 2026).
9. *Han Angie.* Chuck Palahniuk’s “Lullaby” Adaptation Launches Kickstarter Campaign // *Slash Film*. 2016. May 18 // URL: <https://www.imdb.com/news/ni59845467/> (accessed 8 April 2026).
10. *Johnson E., Schaefer E.* Soft Core / Hard Gore: Snuff as a Crisis in Meaning // *Journal of Film and Video*. 1993. Vol. 45, No. 2/3 // URL: https://archive.org/details/snuff0000pala_z1s5/page/4/mode/2up (accessed 9 April 2026).
11. *Klecker Cornelia.* Authentication Authority and Narrative Self-Erasure in Fight Club // *Amerikastudien / American Studies*. 2014. Vol. 59, No. 1. – P. 83-98 // URL: <https://www.jstor.org/stable/43486798> (accessed 30 March 2026).
12. Metacritic. Fight Club Reviews. 1999 // URL: <https://www.metacritic.com/movie/fight-club/> (accessed 9 April 2026).

13. *Palahniuk Chuck*. Consider This: Moments in My Writing Life After Which Everything Was Different. London: Corsair, 2020. – 256 p.
14. *Palahniuk Chuck*. Fight Club. London: Vintage Books, 2005. – 218 p.
15. *Palahniuk Chuck*. Snuff. London: Jonathan Cape, 2008. – 197 p. // URL: https://archive.org/details/snuff0000pala_z1s5/page/4/mode/2up (accessed 9 April 2026).
16. *Palahniuk Chuck*. Tell-All. New York: Doubleday, 2010. – 192 p.
17. *Palahniuk Chuck*. The Invention of Sound. New York: Grand Central Publishing, 2020. – 256 p.
18. *Puchko Kristy*. Palahniuk on the “Lullaby” Kickstarter, His Adult Coloring Book & Channing Tatum // CBR. 2016. June 16 // URL: <https://surl.li/llrnio> (accessed 8 April 2026).
19. *Raup Jordan*. Cast Joins Chuck Palahniuk’s “Snuff,” But Is It Actually Filmable? // The Film Stage. 2011. February 8 // URL: <https://surl.li/enpkvq> (accessed 8 April 2026).
20. *Sandwell Ian*. Fight Club Author Chuck Palahniuk’s Lullaby Kickstarter Reaches \$250,000 Goal // Digital Spy. 2016. June 5 // URL: <https://surl.li/jubbgp> (accessed 8 April 2026).
21. *Sauvé Christian*. Choke (2008) // Christian Sauvé. 2008. September 4 // URL: <https://www.christian-sauve.com/2008/page/4/> (accessed 9 April 2026).
22. The Playlist Staff. Daryl Hannah, Tom Sizemore & Thora Birch Join Adaptation of Chuck Palahniuk’s “Snuff” // The Playlist. 2011. February 8 // URL: <https://surl.li/outyof> (accessed 8 April 2026).
23. *Гончар-Ханджян Н., Товмасян К.* Эстетические и этические искажения в романах Паланика «Снафф», «Кто всё расскажет», «До самых кончиков», «Рождение звука» // FLHE. 2023. Vol. 27, №. 2 (35). – P. 107-121. DOI: <https://doi.org/10.46991/FLHE/2023.27.2.107> (accessed 8 April 2026).
24. *Козлов Л.К.* Лукино Висконти и его кинематограф. М.: Всесоюз. бюро пропаганды киноискусства, 1987. – 128 с.

REFERENCES

1. *Anderson Emily R.* Telling Stories: Unreliable Discourse, “Fight Club,” and the Cinematic Narrator // Journal of Narrative Theory. 2010. Vol. 40, No. 1. – P. 80-107 // URL: <https://surl.li/mqhtoc> (accessed 8 April 2026).

2. Back Stage. Interview with Clark Gregg, writer/director of Choke. 2008 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B7Q3wp1Udfw> (accessed 9 April 2026).
3. Bernstein Paula. Fight Club Author Chuck Palahniuk Crowdfunding Lullaby // Filmmaker Magazine. 2016. May 17 // URL: <https://surl.li/vqmmfj> (accessed 8 April 2026).
4. Bishop Kyle. Artistic Schizophrenia: How Fight Club's Message Is Subverted by Its Own Nature // Studies in Popular Culture. 2006. Vol. 29, No. 1. – P. 41-56 // URL: <https://www.jstor.org/stable/23418071> (accessed 8 April 2026).
5. Brooks Xan. Choke // The Guardian. 2008. November 21 // URL: <https://surl.li/kzxdfx> (accessed 8 April 2026).
6. Craine J., Aitken S.C. Street fighting: Placing the crisis of masculinity in David Fincher's Fight Club // GeoJournal. 2004. Vol. 59, No. 4. – P. 289-296 // URL: <https://doi.org/10.1023/B:GEJO.0000026702.99315.b5> (accessed 9 April 2026).
7. Ebert Roger. Sex Addict Seeks Heimlich Maneuver // RogerEbert.com. 2008. September 25 // URL: <https://www.rogerebert.com/reviews/choke-2008> (accessed 9 April 2026).
8. Grønstad Asbjørn. One-Dimensional Men: Fight Club and the Poetics of the Body // Scribd // URL: <https://ru.scribd.com/document/328011027/Fight-Club> (accessed 8 April 2026).
9. Han Angie. Chuck Palahniuk's "Lullaby" Adaptation Launches Kickstarter Campaign // Slash Film. 2016. May 18 // URL: <https://www.imdb.com/news/ni59845467/> (accessed 8 April 2026).
10. Johnson E., Schaefer E. Soft Core / Hard Gore: Snuff as a Crisis in Meaning // Journal of Film and Video. 1993. Vol. 45, No. 2/3 // URL: https://archive.org/details/snuff0000pala_z1s5/page/4/mode/2up (accessed 9 April 2026).
11. Klecker Cornelia. Authentication Authority and Narrative Self-Erasure in Fight Club // Amerikastudien / American Studies. 2014. Vol. 59, No. 1. – P. 83-98 // URL: <https://www.jstor.org/stable/43486798> (accessed 30 March 2026).
12. Metacritic. Fight Club Reviews. 1999 // URL: <https://www.metacritic.com/movie/fight-club/> (accessed 9 April 2026).
13. Palahniuk Chuck. Consider This: Moments in My Writing Life After Which Everything Was Different. London: Corsair, 2020. – 256 p.
14. Palahniuk Chuck. Fight Club. London: Vintage Books, 2005. – 218 p.

15. *Palahniuk Chuck*. Snuff. London: Jonathan Cape, 2008. – 197 p. // URL: https://archive.org/details/snuff0000pala_z1s5/page/4/mode/2up (accessed 9 April 2026).
16. *Palahniuk Chuck*. Tell-All. New York: Doubleday, 2010. – 192 p.
17. *Palahniuk Chuck*. The Invention of Sound. New York: Grand Central Publishing, 2020. – 256 p.
18. *Puchko Kristy*. Palahniuk on the “Lullaby” Kickstarter, His Adult Coloring Book & Channing Tatum // CBR. 2016. June 16 // URL: <https://surl.li/llrnio> (accessed 8 April 2026).
19. *Raup Jordan*. Cast Joins Chuck Palahniuk’s “Snuff,” But Is It Actually Filmmable? // The Film Stage. 2011. February 8 // URL: <https://surl.li/enpkvq> (accessed 8 April 2026).
20. *Sandwell Ian*. Fight Club Author Chuck Palahniuk’s Lullaby Kickstarter Reaches \$250,000 Goal // Digital Spy. 2016. June 5 // URL: <https://surl.li/jubbgp> (accessed 8 April 2026).
21. *Sauvé Christian*. Choke (2008) // Christian Sauvé. 2008. September 4 // URL: <https://www.christian-sauve.com/2008/page/4/> (accessed 9 April 2026).
22. The Playlist Staff. Daryl Hannah, Tom Sizemore & Thora Birch Join Adaptation of Chuck Palahniuk’s “Snuff” // The Playlist. 2011. February 8 // URL: <https://surl.li/outyof> (accessed 8 April 2026).
23. *Gonchar-Khandzhyan N., Tovmasyan K.* Esteticheskiye i eticheskiye iskazheniya v romanakh Palanika «Snaff», «Kto vso rasskazhet», «Do samykh konchikov», «Rozhdeniye zvuka» // FLHE. 2023. Vol. 27, №. 2 (35). – P. 107-121. DOI: <https://doi.org/10.46991/FLHE/2023.27.2.107> (accessed 8 April 2026).
24. *Kozlov L.K.* Lukino Viskonti i yego kinematograf. M.: Vsesoyuzn. byuro propagandy kinoiskusstva,, 1987. – 128 s

ԶԱԿ ՊԱԼԱՆԻԿ. ԷԿՐԱՆԱՎՈՐՄԱՆ ՍԱՀՄԱՆԱԳԻԾԸ ԵՎ ՆԵՐՀԱՅԵՑՈՂԱԿԱՆ ԿԻՆՈՅԻ ՏՐԱՄԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ

Կ. Ս. ԹՈՎՄԱՍՅԱՆ
ԵՊՀ

Հոդվածում վերլուծվում է Չակ Պալանիկի արձակի և կինեմատոգրաֆի փոխազդեցությունը՝ ինչպես Էկրանավորումների մակարդակում, այնպես էլ չիրականացված ու պոտենցիալ կինոնախագծերի համատեքստում: Ուսումնասիրվում են նաև նրա տեքստերում կառուցվածքային առումով ներդրված կինեմատոգրաֆիկ սկզբունքները: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում «Մարտական ակումբ» ֆիլմին՝ որպես ադապտացիայի

առանցքային օրինակ, որը համադրվում է ավելի պակաս ամբողջական կամ ձախողված տարբերակների հետ: Հիմնավորվում է այն վարկածը, որ Պալանիկի ստեղծագործության մեջ «նկարահանված» և «չնկարահանված» կինոյի սահմանը պայմանական բնույթ է կրում, քանի որ նրա արձակը գործում է որպես «ներքին կինոյի» տեսակ՝ կառուցված մոնտաժայնության, տեսողական կազմակերպման և ներկայության էֆեկտի սկզբունքներով:

Բանալի բառեր: Չակ Պալանիկ, էկրանավորում, ներքին կինո, արձակի կինոպատկերավորություն, ադապտացիա, մոնտաժ, վիզուալություն, պատումի ռազմավարություններ:

ЧАК ПАЛАНИК: ГРАНИЦА ЭКРАНИЗАЦИИ И ЛОГИКА ВНУТРЕННЕГО КИНО

К. С. ТОВМАСЯН

ЕГУ

В статье анализируется взаимодействие прозы Чака Паланика с кинематографом как на уровне экранизаций, так и в перспективе нереализованных и потенциальных кинопроектов, а также через выявление кинематографических принципов, структурно заложенных в его текстах. Особое внимание уделяется фильму «Бойцовский клуб» как ключевому примеру адаптации, сопоставляемому с менее целостными или несостоявшимися версиями. Обосновывается гипотеза о том, что граница между «снятым» и «неснятым» кино в творчестве Паланика носит условный характер, поскольку его проза функционирует как форма «внутреннего кино», выстроенная по принципам монтажности, визуальной организации и эффектов присутствия.

Ключевые слова: Чак Паланик, экранизация, внутреннее кино, кинематографичность прозы, адаптация, монтаж, визуальность, нарративные стратегии.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 23 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.СХХІІ (122).2026 30.05.2026.

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ «ПОЛИТИКА — ЭТО ТЕАТР»

А. С. АРУТЮНЯН

ГУ им. В.Я. Брюсова

ani.harutvunyan88@gmail.com

А. Г. АГАЯН

ГУ им. В.Я. Брюсова

ann.aghavan@gmail.com

Статья посвящена анализу концептуальной метафоры «ПОЛИТИКА — ЭТО ТЕАТР». Исследовано, каким образом политическая реальность моделируется в языке как театральное представление. В центре внимания находятся лингвокогнитивные механизмы, посредством которых политические события интерпретируются через призму театральной постановки. Результаты анализа свидетельствуют о том, что данная метафора широко функционирует в американском политическом дискурсе, обеспечивая более наглядную, выразительную и доступную интерпретацию сложных политических процессов для широкой аудитории. В итоге политика моделируется как структурированное театральное представление, в рамках которого политические акторы, зрители и закулисные процессы совместно формируют целостную модель политической реальности.

Ключевые слова: когнитивная метафора; политический дискурс; лингвокогнитивное моделирование; метафорическая модель; область-источник; область-цель.

Փոխաբերությունները քաղաքական խոսույթի անբաժանելի մասն են և առանցքային դերակատարում ունեն քաղաքական ու հասարակական իրականության մեկնաբանման գործընթացում:

Քաղաքականությունը վերացական և բազմաշերտ երևույթ է, ուստի քաղաքական գործիչները հաճախ կիրառում են փոխաբերություններ՝ քաղաքական բարդ հասկացություններն ավելի պատկերավոր դարձնելու համար:

Սույն հոդվածի նպատակն է վերլուծել ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԹԱՏՐՈՆ Է փոխաբերության լեզվաճանաչողական առանձնահատկությունները ամերիկյան քաղաքական դաշտը լուսաբանող լրագրային հոդվածներում և բացահայտել այն ճանաչողական մեխանիզմները, որոնց միջոցով թատերական բառապաշարն օգտագործվում է փոխաբերաբար՝ ձևավորելով քաղաքական իրականության ընկալումը:

Ինչպես նշում է Ն.Չայչիկովան, քաղաքականությունը, ի տարբերություն սոցիալական գործունեության այլ ձևերի, ունի վառ արտահայտված խոսությային բնութագիր. լեզուն այստեղ գործում է ոչ միայն որպես քաղաքական իրականության արտացոլման միջոց, այլև որպես սոցիալական ուժ՝ ունակ պարտադրելու տեսակետներ քաղաքական հաղորդակցության գործընթացում [2: 17]:

Ընդգծելով փոխաբերության դերը քաղաքական խոսությամբ՝ Ջ.Լեքոֆը և Մ.Ջոնսոնը սահմանում են այն որպես հասարակական և քաղաքական իրականության ձևավորման կարևորագույն գործոն [9: 160]: Փոխաբերությունների վերլուծությունը հնարավորություն է տալիս բացահայտել քաղաքական առաջնորդի ենթագիտակցական մտածողությունն ու ձգտումները: Միևնույն ժամանակ, այն արտացոլում է տվյալ ժողովրդի ազգային ինքնության առանձնահատկությունները և ցույց է տալիս հասարակության քաղաքական մտածելակերպի զարգացման աստիճանը [1: 6]:

Քաղաքական փոխաբերությունը որպես ուսումնասիրության առարկա գտնվում է հումանիտար գիտությունների երեք ոլորտների հատման կետում՝ ճանաչողական լեզվաբանություն, խոսությային վերլուծություն և հռետորաբանություն: Ճանաչողական լեզվաբանությունը ընդգծում է փոխաբերության կապը մարդու մտածողության և ճանաչողական համակարգերի հետ, խոսությային վերլուծությունը դիտարկում է այն որպես մտակառույցների ձևավորման գործիք, իսկ հռետորաբանությունը՝ փոխաբերության դերը հաղորդակցական գործընթացում՝ այն դիտարկելով որպես

ազդեցության և համագործակցության միջոց: Այս մոտեցումների համադրությամբ քաղաքական փոխաբերությունը ձեռք է բերում բազմաշափելիություն՝ դառնալով լեզվի, մտածողության, հասարակության, մշակույթի փոխազդեցության արդյունք [5: 35-36]:

Չ.Կովեչեսի դիտարկմամբ՝ քաղաքական խոսույթը հազեցած է ճանաչողական փոխաբերություններով, որոնք ձևավորում են քաղաքական իրականության ընկալումը: Մասնավորապես, քաղաքական խոսույթը խարսխված է այնպիսի փոխաբերական կադապարների վրա, ինչպիսիք են՝ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՊԱՏԵՐԱԶՄ Է, ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԲԻԶՆԵՍ Է, ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԽԱՂ Է և այլն [7: 68]:

Ընդգծելով և կարևորելով փոխաբերության ճանաչողական բնույթը՝ Ա.Չուդինովը նշում է, որ փոխաբերությունները մտածողության անբաժանելի մասն են կազմում և արմատացած են մարդկային մտածողության ճանաչողական համակարգում [3: 37]: Նա առաջարկում է քաղաքական խոսույթի հետևյալ փոխաբերական կադապարները՝ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՄԱՐԴԿԱՅԻՆ ՕՐԳԱՆԻԶՄ Է, ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԹԱՏՐՈՆ Է, ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՍՊՈՐՏ Է, ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՊԱՏԵՐԱԶՄ Է, ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԿԵՆԴԱՆԱԿԱՆ ԱՇԽԱՐՀ Է, ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԲՈՒՍԱԿԱՆ ԱՇԽԱՐՀ Է և այլն [4]:

Սույն հոդվածում փորձ է արվում խորքային և համակողմանիորեն ուսումնասիրել ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԹԱՏՐՈՆ Է ճանաչողական փոխաբերությունը, ինչպես նաև առանձնացնել և համակարգել այն փոխաբերական միավորները, որոնք ձևավորում են վերոնշյալ փոխաբերական կադապարի ճանաչողական հիմքը և ապահովում դրա ճանաչողական մոդելավորումը լեզվում:

ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԹԱՏՐՈՆ Է փոխաբերության արտապատկերումը բազմաշերտ է, քանի որ այն ներառում է երկու բարդ ճանաչողական տիրույթներ՝ «թատրոն» և «քաղաքականություն», որոնք իրենց հերթին բաղկացած են մի շարք հասկացություններից, կամ, ինչպես Ջ.Գրեյդին է նշում, «պարզ փոխաբերություններից» [6: 308]: Ըստ Ջ.Գրեյդիի՝ «բոլոր բարդ

փոխաբերությունները «մոլեկուլային» են՝ բաղկացած «ատոմային» փոխաբերական մասերից, որոնք կոչվում են պարզ փոխաբերություններ: Պարզ փոխաբերությունների ճանաչողական միաձուլման արդյունքում «ծնվում» են բարդ փոխաբերությունները» [8: 51]:

Առաջնորդվելով Ջ.Գրեյդիի առաջարկած պարզ փոխաբերությունների տեսությամբ՝ կարող ենք վստահաբար շեշտել, որ ուսումնասիրվող ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԹԱՏՐՈՆ Է փոխաբերությունը բարդ է՝ բաղկացած բազմապիսի պարզ փոխաբերություններից:

1. ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԸՆՏՐԱՐԾԱՎԸ ԹԱՏԵՐԱԿԱՆ ՓՈՐՁ Է

Քաղաքական ընտրությունների սկզբնական փուլը նմանեցվում է բեմական փորձին, որտեղ գործողությունները դեռ վերջնական չեն, այլ փորձարկվում են և կատարելագործվում: Այս փոխաբերական ենթակադապարտում օգտագործվում են հետևյալ փոխաբերական միավորները՝ *“dress rehearsal”*; *“test-drive lines”*; *“set the stage”*; *“go off-script”*; *“stay on script”*; *“new plot twist”*: Դիտարկենք հետևյալ օրինակը՝

- *In the eyes of many experts and election officials, the 2022 midterms were a **dress rehearsal** for the 2024 presidential election.* [11]

Վերոնշյալ քաղաքական հոդվածում **“dress rehearsal”** փոխաբերական միավորի միջոցով 2022 թվականի միջանկյալ ընտրություններն ընկալվում են որպես «նախապատրաստական թատերական փորձ»՝ 2024 թվականի նախագահական ընտրությունների համար:

Նախքան ընտրությունների հիմնական փուլի մեկնարկը՝ կազմակերպվում են բազմապիսի փորձնական միջոցառումներ՝ ստուգելու հանրության արձագանքը, մշակվում է քաղաքական ծրագրի նախնական տարբերակը, ինչպես հետևյալ օրինակներում՝

- *... quasi-public events like fundraisers allow Biden to **test-drive lines** and thoughts* [23]

- *Biden unplugged: President goes off-script in election fundraisers* [12]
- *Trump struggles to stay on script, frustrating GOP again... But this week, the unscripted Trump started showing up again more often.* [29]
- *So why does it feel like an unwanted movie sequel – same actors, predictable new plot twist.* [16]

Վերոնշյալ օրինակներում *“test-drive lines”, “go off-script”, “struggle to stay on script”, “the unscripted Trump”* փոխաբերական միավորները քաղաքական գործիչների ելույթները ներկայացնում են որպես նախապես գրված սցենարներ, որտեղ նրանք, դերասանների նման, փորձում են չչեղվել այդ սցենարից, քանի որ ցանկացած շեղում և ինքնաբերական խոսք կարող է վտանգել նրանց քաղաքական կարիերան: Միևնույն ժամանակ, վերջին լրագրային հոդվածում *“unwanted movie sequel; same actors; predictable new plot twist”* փոխաբերական միավորների միջոցով քաղաքական գործընթացն ընկալվում է որպես կրկնվող ներկայացումների շարք, որտեղ դերակատարները մնում են նույնը, իսկ պլոտետային զարգացումները՝ կանխատեսելի: Այս փոխաբերական միավորների միջոցով քաղաքական գործընթացն ընկալվում է ոչ թե որպես պատահական իրադարձությունների շարք, այլ նախապես կազմակերպված, վերահսկվող և կրկնվող թատերական սցենար:

Քաղաքականության մեջ, նախքան ընտրությունների հիմնական փուլը, թիմակիցները ձևավորում են քաղաքական «բեմահարթակը», ձեռնարկում բոլոր հնարավոր գործողությունները իրենց քաղաքական առաջնորդի հաղթանակի համար, ինչպես հետևյալ օրինակում՝

- ... *“set stage for Trump comeback”* [12]

Այս քաղաքական հոդվածում հանրապետականների հնարավոր հաղթանակը Կոնգրեսում մեկնաբանվում է որպես նախաբեմային փուլ՝ Դ.Թրամփի քաղաքական վերադարձի համար, իսկ քաղաքական ներկա զարգացումները որպես բեմի նախապատրաստում ապագա ներկայացման համար:

Այս փոխաբերական ենթակադապարը ցույց է տալիս, որ քաղաքական իրականությունը նախապես «բեմադրվում» է մինչև իր վերջնական հանրայնացումը:

2. ԲԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՆՐԱՅՆԱՑՈՒՄԸ ԲԵՄԱԿԱՆ ՆԵՐԿԱՅԱՑՈՒՄ Է

Այս փոխաբերական ենթակադապարը արտացոլում է անցումը նախապատրաստական փուլից դեպի քաղաքական գործընթացների հրապարակային փուլ: Թատերական պրակտիկայում բեմադրության պաշտոնական մեկնարկը ազդարարվում է կարմիր գորգի արարողությամբ և վարագույրի բարձրացմամբ, ինչը փոխաբերաբար արտահայտվում է նաև քաղաքական խոսույթում՝ **“roll out the red carpet”** և **“raise the curtain”** փոխաբերական միավորների միջոցով՝ նկարագրելով գործընթացի սկիզբը կամ դրա հանրայնացումը, ինչպես հետևյալ օրինակներում՝

- *Republicans **roll out red carpet** for Trump ahead of joint address to Congress* [18]
- *First ballots to go out, **raising curtain on** 2024 US election.* [30]

Բերված օրինակներում քաղաքական գործընթացը ներկայացվում է իբրև բեմականացված իրադարձության սկիզբ, որտեղ քվեարկության մեկնարկն ազդարարում է ընտրությունների պաշտոնական բացումը:

Այս ենթակադապարի շրջանակում քաղաքական դաշտն ընկալվում է թատերաբեմ, ուր դերակատարները հայտնվում են տարբեր բեմերում՝ իրականացնելով իրենց դերային գործողությունները: Դիտարկենք հետևյալ օրինակները՝

- *Biden has been a candidate **on the national stage**.* [16]
- *When America witnessed a pale and feeble Joe Biden take the **debate stage**...* [21]
- *Higher Education Will Take **Center Stage** in 2024 Presidential Election.* [27]
- *Vice President Kamala Harris in the last seven days, **emerging, blasting out from behind the curtain** of the Biden presidency onto **a stage of her own**.* [15]

Այս փոխաբերական միավորների համադրությունը ցույց է տալիս, որ ամերիկյան քաղաքական գործընթացներն ընկալվում են որպես բեմականացված ներկայացումներ, երբ քաղաքական գործիչները հայտնվում են տարբեր «բեմերում» (**“national stage”, “debate stage”**), իսկ քաղաքական օրակարգի հրատապ խնդիրները ստանում են առաջնային տեսանելիություն (**“center stage”**): Առանձնահատուկ ուշադրության են արժանի վերջին հոդվածում կիրառված **“behind the curtain”** և **“stage of her own”** փոխաբերական միավորները, որոնք բացահայտում են քաղաքական դերային դինամիկան: Լեզվաճանաչողական տեսանկյունից այս փոխաբերական միավորները բացահայտում են Ք.Հարիսի քաղաքական դերային վերափոխումը՝ կուլիսային դիրքից դեպի կենտրոնական դիրք:

Ցանկացած ներկայացում անիմաստ է առանց այն մարմնավորող դերակատարների, ուստի, սա տրամաբանորեն հանգեցնում է հաջորդ ենթակադապարի քննությանը:

3. ԲԱՂԱԲԱԿԱՆ ԳՈՐԾԻՉՆԵՐԸ ԴԵՐԱԿԱՏԱՐՆԵՐ ԵՆ

Այս ենթակադապարը փոխըացնում է նախորդին՝ կենտրոնանալով հիմնական մասնակիցների՝ քաղաքական գործիչների վրա: Դիտարկենք հետևյալ օրինակները՝

- *“Several Republican House members appeared willing to play the role Trump proposed for them.” [31]*
- *“Kamala Harris defines her role:” [13]*
- *Kamala Harris trounced Trump at Tuesday’s debate, but to win the election she and Tim Walz will have to keep giving performances like it for the next 55 days. [14]*

Վերոնշյալ բոլոր օրինակներում առանցքային է «դեր» հասկացությունը (**“define her role”, “play the role”**), որի միջոցով քաղաքական գործիչները ներկայացվում են որպես դերակատարներ, որոնք ստանձնում և իրագործում են բազմաբնույթ գործառույթներ: Այս համատեքստում քաղաքական ինքնությունը ձևավորվում է դերերի բարդ համակարգի շրջանակում, որտեղ դերակատարները ճկուն կերպով հարմարվում են տարբեր իրավիճակների՝

իրականացնելով բազմաշերտ գործառույթներ: Վերջին հոդվածում օգտագործված **“keep giving performances”** փոխաբերական միավորը լրացուցիչ ընդգծում է այն մոդելը, ըստ որի՝ քաղաքականությունը ընկալվում է որպես շարունակական դերակատարումների թատերաբեմ:

Բացի տարբեր դերերից, երբեմն թեկնածուները ներկայացվում են որպես շոումեն (**“showman”**), ստենդափ–կատակերգու (**“stand-up comic”**) կամ կրկեսավար (**“ringmaster of multiple sideshows”**), որտեղ ընտրությունները հիմնականում համեմատվում են կրկեսի հետ: Օրինակ՝

- *Donald Trump is still a **showman** who knows how to put on a performance and get even a hostile crowd on his side <...> Trump’s solo show looks like the one you’d buy a ticket for. <...> his body language suggests the kind of easy-going confidence of a **stand-up comic** Trump is a **ringmaster of multiple sideshows** as Biden cranks up pace of reelection bid.* [17].

Այս հոդվածում Դ.Թրամփը բնութագրվում է որպես կրկեսավար և հմուտ շոումեն, ով կարողանում է մտաշահարկման միջոցով ազդել թիրախ լսարանի գիտակցության վրա՝ դրսևորելով խարիզմա և բեմական տաղանդ: Ավելին, **“Trump’s solo show; stand-up comic”** փոխաբերական միավորները ընդգծում են քաղաքական գործչի անձնակենտրոն և թատերականացված գործելաոճը, որի գերակա նպատակը լսարանին միաժամանակ զվարճացնելն է ու համոզելը: Տրամպրանական նույն հենքի վրա է կառուցված նաև **“ringmaster of multiple sideshows”** փոխաբերական միավորը, որը վերջինիս բնութագրում է իբրև հմուտ «կրկեսավարի»՝ ունակ հանրային ուշադրությունը նպատակային կերպով ուղղորդելու երկրորդական, սակայն առավել սենսացիոն բնույթ կրող թեմաների վրա: Նշված փոխաբերությունների համալիր քննությունը թույլ է տալիս կառուցել Դ.Թրամփի կերպարը՝ որպես վարպետ մանիպուլյատորի և քաղաքական «ներկայացման» գլխավոր մենակատարի:

Ինչ փաստում է վերլուծությունը, ամերիկյան քաղաքական «թատերաբեմում» առաջնային դերակատարումը ստանձնում են նախագահի թեկնածուները, ի դեմս Դ.Թրամփի, Զ.Բայդենի և

Բ.Հարիսի, մինչդեռ երկրորդական գործառույթները՝ կուսակցական այն գործիչները, որոնք ապահովում են կազմակերպչական աշխատանքները: Ասվածի վկայությունն է հետևյալ լրագրային օրինակը՝

➤ “Both tend to be **behind-the-scenes players**...” [12]

Այս լրագրային հոդվածում “**behind-the-scenes players**” փոխաբերական միավորի միջոցով արտապատկերվում են քաղաքական թիմի այն անդամները, ովքեր, թեև գործում են հանրային տեսանելիության դաշտից դուրս՝ «կուլիսներում», այնուամենայնիվ, վճռորոշ ազդեցություն ունեն քաղաքական գործընթացների զարգացման ընթացքի վրա:

Բացի գլխավոր դերակատարներից և քաղաքական «կուլիսներում» գործող թիմակիցներից, քաղաքական դաշտում հանդիպում են նաև, այսպես կոչված, «երրորդ կուսակցության թեկնածուներ», որոնք, թատերական եզրութաբանությամբ, նկարագրվում են որպես «դերեր փչացնողներ» (**spoilers**), ինչպես ասկանառու է հետևյալ լեզվական դրսևորումներում՝

➤ “Some argue that **third-party candidates play the role of spoiler**.” [31]

➤ Because **third-party candidates** are unlikely to win the presidential election, they may **act as “spoilers.”** [24]

Այս հոդվածում կիրառվող “**play the role of spoiler**”, “**act as “spoilers”**” փոխաբերական միավորները արտապատկերում են այն թեկնածուներին, որոնք նպատակ ունեն ոչ թե հաղթել, այլ խաթարել հիմնական մրցակիցների հնարավորությունները՝ առաջացնելով մրցակցային անհավասարակշռություն:

Ամփոփելով իրականացված վերլուծությունը՝ կարող ենք փաստել, որ **ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԳՈՐԾԻՉՆԵՐԸ ԴԵՐԱԿԱՏԱՐՆԵՐ ԵՆ** փոխաբերական ենթակադապարն աչքի է ընկնում կիրառելիության խիստ բարձր հաճախականությամբ: Այս

ենթակադապարի շրջանակներում քաղաքական գործիչներն ընկալվում և դասակարգվում են ըստ իրենց իրագործած դերերի:

Այս փոխաբերական ենթակադապարի քննությունը տրամաբանորեն հանգեցնում է հաջորդ՝ **ԸՆՏՐՈՂՆԵՐԸ ԵՎ ՄԵԴԻԱՆ ՀԱՆՐԱՅՈՒՄՆԵՐԸ** են ենթակադապարի ուսումնասիրությանը, որտեղ քաղաքական հաղորդակցությունն անխուսափելիորեն ենթադրում է նաև հանդիսատեսի՝ ընտրողների և զանգվածային մեդիայի մասնակցությունը՝ որպես գործընթացը դիտարկող և գնահատող սուբյեկտներ:

4. ԸՆՏՐՈՂՆԵՐԸ ԵՎ ՄԵԴԻԱՆ ՀԱՆՐԱՅՈՒՄՆԵՐԸ

Այս ենթակադապարի շրջանակում լսարանի՝ ընտրողների ու մեդիայի ուշադրությունը կենտրոնացնելու, գրավելու և պահելու նպատակով քաղաքական գործիչները կիրառում են տարբեր լուսային և բեմական հնարքներ (**“spotlight”, “front and center”**): Քաղաքական քարոզարշավները հաճախ կազմակերպվում են որպես հանրային զանգվածային «շոուներ», որոնք ուղեկցվում են ընդգծված հանդիսավորությամբ, ինչն արտացոլվում է **“fanfare”** փոխաբերական միավորի կիրառմամբ: Դիտարկենք հետևյալ օրինակները՝

- *Trump struggles with Harris in the spotlight.* [10]
- Harris tries to put Trump's age *front and center* [19]
- *In the 2024 election year, caucuses throughout the country are bringing with them political fanfare and flurries of media attention.* [22]

Այս քաղաքական հոդվածների վերլուծությունից պարզ է դառնում, որ Դ.Թրամփի և Բ. Հարիսի քաղաքական մրցակցությունը տեղի է ունենում բարձր տեսանելիության պայմաններում: Ավելին, Բ. Հարիսը ներկայացվում է որպես դերակատար, ով նպատակային կերպով փորձում է Դ.Թրամփի տարիքը դարձնել հանրային քննարկման գլխավոր թեմա: Վերջին հոդվածում **“political fanfare”** փոխաբերական միավորի գործածությամբ կուսակցական ժողովները

կադապարվում են որպես մեդիայի և հանրության մշտական ուշադրության կիզակետում գտնվող հանրային «ներկայացումներ»: Այս համատեքստում, քաղաքական դերակատարների գերխնդիրը մեդիայի և հանրության ուշադրության նպատակային ուղղորդումն է շահեկան թեմաների վրա, իսկ քաղաքական գործընթացի վերջնականատակը հանրային ճանաչելիության և տեսանելիության գազաթնակետին հասնելն է, ինչն էլ արտահայտվում է **“up in lights”** փոխաբերական միավորով: Օրինակ՝

- US election results: ***Biden's name finally up in lights*** - but now he has to deliver [25]

Այս հոդվածում Բայդենի անունը «լույսերի մեջ հայտնվելը» ընկալվում է որպես նրա քաղաքական հաղթանակի և հանրային ճանաչման պաշտոնական հաստատում, որը համարժեք է թատերական ներկայացման գլխավոր դերակատարի ճանաչմանը: Միաժամանակ, հաջողությունը գնահատվում է ոչ թե միայն «բեմ բարձրանալով», այլ իրական արդյունք «ապահովելով», ինչպես դա ակնարկվում է Ջ.Բայդենի դեպքում (**“but now he has to deliver”**):

Քաղաքական խոսույթում, արտաքին տեսանելի գործընթացներին զուգահեռ, կարևորվում է նաև կուլիսային աշխատանքը, որը, թեպետ դուրս է հանրային ուշադրությունից, սակայն ունի որոշիչ նշանակություն քաղաքական գործընթացում:

5. ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՌԱԶՄԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԿՈՒԼԻՍԱՑՅՈՒՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՅ Է

Զուգահեռներ անցկացնելով նախորդ ենթակադապարի հետ՝ հարկ է նշել, որ քաղաքականությունը ներկայացվում է երկշերտ կառուցվածքով. մի կողմից որպես հանրային, բեմականացված «ներկայացում», մյուս կողմից՝ որպես կուլիսներում ընթացող կազմակերպչական գործընթաց: Այսպիսով, ձևավորվում է քաղաքական խոսույթի ճանաչողական երկբևեռ մոդել, որտեղ տեսանելի շերտում կառուցվում է քաղաքական իմիջն ու հանրային ազդեցությունը, իսկ անտեսանելի՝ «վարագույրից այն կողմ» մակարդակում, ապահովվում են նույն գործընթացի իրականացման մեխանիզմները: Դիտարկենք հետևյալ առանձնացված լրագրային

օրինակները՝

- *Behind the 2024 US Election Curtain: Cyberwar's Silent Sabotage.* [20]
- *Barack Obama worked "behind the scenes" to prevent Kamala Harris' nomination* [26]
- *Backstage maneuvering begins in wide-open GOP chairman's race* [28]

Վերլուծված լրագրային օրինակներում կիրառված *“behind the scenes”, “behind the 2024 US election curtain”, “backstage maneuvering”* փոխաբերական միավորները լեզվաճանաչողության տեսանկյունից արտապատկերում են քաղաքական գործընթացների անտեսանելի շերտը: Հենց այս կուլիսային տիրույթում է իրագործվում քաղաքական կառավարման գաղտնի և ռազմավարական աշխատանքը:

Իրականացված վերլուծության արդյունքները համակարգված կերպով ներկայացված են ստորև բերված **ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԹԱՏՐՈՆ Է** փոխաբերական կադապարի միջտիրույթային արտապատկերումներում, որոնք բացահայտում են աղբյուր և թիրախ տիրույթների միջև առկա ճանաչողական համապատասխանությունները և կառուցվածքային փոխկապակցվածությունը:

Աղյուսակ 1

Աղբյուր տիրույթ: ԹԱՏՐՈՆ		Թիրախ տիրույթ: ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ	
թատերական փորձ	⇒	քաղաքական ընտրարշավ	
թատերական սցենար	⇒	քաղաքական ծրագիր	
թատերական ներկայացում	⇒	քաղաքականության հանրայնացում	
դերակատարներ	⇒	քաղաքական գործիչներ	

հանդիսատես	⇒	ընտրողներ և մեղիա
կուլիսային գործընթացներ	⇒	ստվերային գործընթացներ

Ամփոփելով՝ կարելի է եզրակացնել, որ «թատրոն» աղբյուր տիրույթի միջոցով մոդելավորվում է «քաղաքականություն» թիրախ տիրույթը՝ որպես բեմականացված և փուլային կառուցվածք ունեցող գործընթաց: Այս փոխաբերական կաղապարի միջտիրույթային արտապատկերումների հիմքում ընկած են **ցիկլային զարգացում (cycle)** և **գործընթաց (process)** պատկեր-սխեմաները, որոնք ներկայացնում են ողջ քաղաքական գործընթացը որպես թատերական ներկայացման ցիկլային զարգացումներ՝ նախապատրաստում → սցենարի ձևավորում → բեմականացում → դերերի բաշխում → հանդիսատեսի արձագանք → կուլիսային գործընթացներ՝ ապահովելով քաղաքական «ներկայացման» ամբողջական ցիկլային շարժը:

Սույն հոդվածում իրականացված ամերիկյան քաղաքականությունը լուսաբանող շուրջ 150 լրագրային հոդվածների վերլուծությունը թույլ է տալիս հանգել այն եզրակացության, որ **ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԹԱՏՐՈՆ Է** փոխաբերական կաղապարն ունի լայն կիրառություն ամերիկյան լեզվամշակույթում՝ պայմանավորված «թատրոն» աղբյուր տիրույթի ճանաչողական մատչելիությամբ և մշակութային խորը արմատավորվածությամբ: Այս փոխաբերական կաղապարի օգնությամբ քաղաքական ողջ գործընթացը մոդելավորվում է որպես բեմականացված ամբողջական գործընթաց, որը ներառում է դերակատարում, դերերի բաշխում, սցենար, հանդիսատեսի գնահատում և կուլիսային գործընթացներ: Այսպիսով, թատերական փոխաբերությունները ոչ միայն լեզվական միջոցներ են, այլև արդյունավետ ճանաչողական գործիքներ, որոնք ձևավորում են քաղաքական ընկալումը ժամանակակից ամերիկյան հասարակությունում:

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая метафорология: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2008. – 248 с.

2. *Зайчикова Н.В.* Языковой образ современного американского политика: от объективного к моделируемому. Монография. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2011. – 227 с.
3. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
4. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
5. *Скребцова Т.Г.* Современные исследования политической метафоры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 1. 2005. С. 35–46.
6. *Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics. Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
7. *Kövecses Z.* Metaphor in Culture // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica, 2, 2 (2010). pp. 197-220.
8. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. – 590 p.
9. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. London: The University of Chicago Press, 2003. – 276 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

10. Apple Podcasts. Trump struggles with Harris in the spotlight // URL: <https://11nk.dev/qqikp2a> (accessed 04.04.2026).
11. BPCElections Summit. Panel 3 // URL: <https://11nq.com/q5r17ck> (accessed 06.04.2026).
12. CNN Politics. Democrats refine messaging against Trump // URL: <https://sl1nk.com/4dkhcaf> (accessed 06.04.2026).
13. CNN Politics. Kamala Harris historic vice president nomination // URL: <https://sl1nk.com/0g0siu8> (accessed 15.04.2025).
14. CNN Politics. Kamala Harris interview // URL: <https://11nq.com/9asxzog> (accessed 11.04.2025).
15. CNN Politics. Kamala Harris presidential campaign // URL: <https://sl1nk.com/ms5n7ew> (accessed 12.04.2026).
16. CNN Politics. Old men for president: what matters // URL: <https://11nq.com/a5exyq4> (accessed 04.04.2026).
17. CNN Politics. Trump–Biden campaign contrast // URL: <https://sl1nk.com/jz2hi4y> (accessed 13.04.2025).

18. Courthouse News Service. Republicans roll out red carpet for Trump ahead of joint address to Congress // URL: <https://11nq.com/77ig6o4> (accessed 04.04.2026).
19. NBC News. Harris tries to put Trump's age front and center // URL: <https://s11nk.com/3rwd31c> (accessed 06.04.2026).
20. NSFocus Global. Behind the 2024 US election curtain // URL: <https://11nq.com/9qqhwlf> (accessed 12.04.2026).
21. Politico. Biden campaign dropout timeline // URL: <https://11nq.com/2u15aqa> (accessed 06.04.2026).
22. Politico. Joe Biden presidential election coverage // URL: <https://s11nk.com/j785ryj> (accessed 12.04.2026).
23. Reuters. Joe Biden "unplugged": fundraisers clash with scripted politics // URL: <https://11nq.com/0e30k7a> (accessed 14.04.2026).
24. Royal Examiner. Third-party candidates hold appeal but received slightly less votes this election // URL: <https://s11nk.com/yg2300y> (accessed 05.05.2026).
25. Sky News. Biden's name up in lights but challenges remain // URL: <https://11nq.com/gopipkw> (accessed 06.04.2026).
26. The Economic Times. Obama worked behind the scenes on Harris nomination // URL: <https://s11nk.com/sxtoma6> (accessed 04.04.2026).
27. The Edu Ledger. Higher education will take center stage in 2024 presidential election // URL: <https://s11nk.com/shtbogu> (accessed 12.04.2026).
28. The Hill. Backstage maneuvering in GOP chairman race // URL: <https://11nq.com/8tganjq> (accessed 12.04.2026).
29. The Hill. Trump struggles to stay on script // URL: <https://11nq.com/qtigy90> (accessed 12.04.2026).
30. The Straits Times. First ballots to go out, raising curtain on 2024 US election // URL: <https://11nq.com/siflgw7> (accessed 04.04.2026).
31. U.S. News. Election 2024 coverage articles // URL: <https://s11nk.com/evs4dqc> (accessed 05.04.2026).

REFERENCE

1. *Budayev E.V., Chudinov A.P.* Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya: Monografiya. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2008. – 248 s.

2. *Zaychikova N.V.* Yazykovoy obraz sovremennogo amerikanskogo politika: ot ob'yektivnogo k modeliruyemomu. Monografiya. Blagoveshchensk: Amurskiy gosudarstvennyy universitet, 2011. – 227 s.
3. *Chudinov A.P.* Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000). Monografiya. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2001. – 238 s.
4. *Chudinov A.P.* Politicheskaya lingvistika. Uchebnoye posobiye. M.: Flinta: Nauka, 2006. – 256 s.
5. *Skrebtsova T.G.* Sovremennyye issledovaniya politicheskoy metafory // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Vyp. 1. 2005. S. 35–46.
6. *Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics. Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
7. *Kövecses Z.* Metaphor in Culture // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica, 2, 2 (2010). pp. 197-220.
8. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. – 590 p.
9. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. London: The University of Chicago Press, 2003. – 276 p.

ELEKTRONNYE RESURSY

10. Apple Podcasts. Trump struggles with Harris in the spotlight // URL: <https://11nk.dev/qkikp2a> (accessed 04.04.2026).
11. BPCElections Summit. Panel 3 // URL: <https://11nq.com/q5r17ck> (accessed 06.04.2026).
12. CNN Politics. Democrats refine messaging against Trump // URL: <https://sl1nk.com/4dkhcaf> (accessed 06.04.2026).
13. CNN Politics. Kamala Harris historic vice president nomination // URL: <https://sl1nk.com/0g0siu8> (accessed 15.04.2025).
14. CNN Politics. Kamala Harris interview // URL: <https://11nq.com/9asxzog> (accessed 11.04.2025).
15. CNN Politics. Kamala Harris presidential campaign // URL: <https://sl1nk.com/ms5n7ew> (accessed 12.04.2026).
16. CNN Politics. Old men for president: what matters // URL: <https://11nq.com/a5exyq4> (accessed 04.04.2026).
17. CNN Politics. Trump–Biden campaign contrast // URL: <https://sl1nk.com/jz2hi4y> (accessed 13.04.2025).

18. Courthouse News Service. Republicans roll out red carpet for Trump ahead of joint address to Congress // URL: <https://11nq.com/77ig6o4> (accessed 04.04.2026).
19. NBC News. Harris tries to put Trump's age front and center // URL: <https://s11nk.com/3rwd31c> (accessed 06.04.2026).
20. NSFfocus Global. Behind the 2024 US election curtain // URL: <https://11nq.com/9qqhwlf> (accessed 12.04.2026).
21. Politico. Biden campaign dropout timeline // URL: <https://11nq.com/2u15aqa> (accessed 06.04.2026).
22. Politico. Joe Biden presidential election coverage // URL: <https://s11nk.com/j785ryj> (accessed 12.04.2026).
23. Reuters. Joe Biden "unplugged": fundraisers clash with scripted politics // URL: <https://11nq.com/0e30k7a> (accessed 14.04.2026).
24. Royal Examiner. Third-party candidates hold appeal but received slightly less votes this election // URL: <https://s11nk.com/yg2300y> (accessed 05.05.2026).
25. Sky News. Biden's name up in lights but challenges remain // URL: <https://11nq.com/gopipkw> (accessed 06.04.2026).
26. The Economic Times. Obama worked behind the scenes on Harris nomination // URL: <https://s11nk.com/sxtoma6> (accessed 04.04.2026).
27. The Edu Ledger. Higher education will take center stage in 2024 presidential election // URL: <https://s11nk.com/shtbogu> (accessed 12.04.2026).
28. The Hill. Backstage maneuvering in GOP chairman race // URL: <https://11nq.com/8tganjq> (accessed 12.04.2026).
29. The Hill. Trump struggles to stay on script // URL: <https://11nq.com/qtigy90> (accessed 12.04.2026).
30. The Straits Times. First ballots to go out, raising curtain on 2024 US election // URL: <https://11nq.com/siflgw7> (accessed 04.04.2026).
31. U.S. News. Election 2024 coverage articles // URL: <https://s11nk.com/evs4dq> (accessed 05.04.2026).

**«ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԹԱՏՐՈՆ Է»
ՓՈԽԱԲԵՐՈՒԹՅԱՆ ԼԵԶՎԱՃԱՆԱԶՈՂԱԿԱՆ
ՄՈԴԵԼԱՎՈՐՈՒՄԸ**

Ա. Ս. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ, Ա. Գ. ԱՂԱՅԱՆ

Վ. Բրյուսովի պետական համալսարան

Սույն հոդվածի նպատակն է ուսումնասիրել «քաղաքականությունը թատրոնն է» փոխաբերության լեզվաճանաչողական առանձնահատկությունները և ճանաչողական մոդելավորումը ամերիկյան քաղաքական դաշտը լուսաբանող լրագրային հոդվածներում: Վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ այս փոխաբերական կադապարը լայնորեն կիրառվում է ամերիկյան քաղաքական խոսույթում՝ նպաստելով բարդ քաղաքական երևույթների պարզ և հանրամատչելի ներկայացմանը: Արդյունքում քաղաքականությունն ընկալվում է որպես փուլային կառուցվածք ունեցող «թատերական ներկայացում», որտեղ դերակատարները, հանդիսատեսը և կուլիսային գործընթացները միասին ձևավորում են քաղաքական իրականության ամբողջական մոդելը:

Բանալի բառեր՝ ճանաչողական փոխաբերություն, քաղաքական խոսույթ, լեզվաճանաչողական մոդելավորում, փոխաբերական կադապար, աղբյուր տիրույթ, թիրախ տիրույթ:

**LINGUO-COGNITIVE MODELLING OF
THE “POLITICS IS THEATRE” METAPHOR**

A. S. HARUTYUNYAN, A. G. AGHAYAN
Brusov State University

This article explores the conceptual metaphor “*politics is theatre*” and examines how political reality is shaped through theatrical metaphors. It focuses on the linguo-cognitive mechanisms that enable political events to be interpreted in theatrical terms. The analysis shows that this metaphor is widely used in American political discourse as it helps make complex

political processes clearer, more vivid, and more accessible to the general public. As a result, politics is often modelled as a carefully structured theatrical performance in which political actors, the audience and backstage processes together construct a coherent representation of political reality.

Key words: *cognitive metaphor; political discourse; linguo-cognitive modelling; metaphorical model; source domain; target domain*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 23 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՏԵՂԱՆՈՒՆՆԵՐԻ ԱՆՎԱՆԱԳԱՏՄԱՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՎԱԳ ԴՊՐՈՑՈՒՄ

Ռ. Պ. ԶՈՒԼՖԱՅԱՆ

Խ.Արովյանի անվան ՀՊՄՀ,

Հայաստանում ֆրանսիական համալսարան հիմնադրամ

rrdzh@mail.ru

Գ. Ն. ՎԱՐԴԱՆՅԱՆ

Հայաստանում ֆրանսիական համալսարան հիմնադրամ,

«Շիրակացու ճեմարան» միջազգային գիտակրթական համալիր

jaagayane@yahoo.com

Ս. Ֆ. ԹՈՐԳՈՄՅԱՆ

Խ.Արովյանի անվան ՀՊՄՀ

sofitorgomyan@gmail.com

Հոդվածը նվիրված է հայկական տեղանունների անվանապատման ուսուցմանը ավագ դպրոցի 11-րդ դասարանում: Հայկական տեղանունների ստուգաբանության ուսումնասիրությունը, որն իրականացվում է տարբեր աղբյուրների համեմատական վերլուծության միջոցով, հիմնալի նյութ է տրամադրում հետաքրքիր և նորարարական մեթոդներով հետազոտությունների համար: Առաջարկվող մեթոդը՝ դեպքի ուսումնասիրությունը, հնարավորություն կտա ավագ դպրոցի աշակերտներին համապարփակ կերպով ուսումնասիրել նյութը, բացահայտել տեղանունների ծագման հետաքրքիր և երբեմն զարմանալի կողմերը, վերլուծել դրանք և եզրակացություններ անել՝ քննադատական մտածողության հմտությունների զարգացման գործում:

Բանալի բառեր. անվանապատում, տեղանունների ստուգաբանություն, բնիկ հայերեն տեղանուններ, իրանական անվանումներ, թուրք-թաթարական անվանումներ, հունական անվանումներ, ռուսական

անվանում, պրակտիկ ուղղվածություն, ինքնուսուցում, դեպքի ուսումնասիրություն:

Կյանքը հասարակությանն ապրելու և գործելու նոր ռազմավարություն է պարտադրում, և այդ նոր ռազմավարության մշակումն էլ ամենաընդհանուր իմաստով կազմում է ժամանակակից կրթական քաղաքականության բովանդակությունը:

Այսօր կրթության մեջ մեծ կարևորություն է տրվում ուսուցման պրակտիկ ուղղվածությանը. ուշադրություն է դարձվում այն գիտելիքներին ու կարողություններին, որոնք կիրառություն կգտնեն գործնական կյանքում:

Աշխարհի, սեփական երկրի հանդեպ երեխաների բնատուր հետաքրքրությունը, որն ուսումնառության իրական դրդապատճառ է, պետք է խթանվի ժամանակակից դպրոցում: Ուսուցման կիրառվող տեխնոլոգիաները պետք է նպաստեն բացահայտելու սովորողի հակումներն ու ընդունակությունները, ինտելեկտուալ ներուժը: Դեպի պրակտիկական կողմնորոշված ուսուցման նպատակը գիտելիքները կյանքին կապելն ու դրանք առավել հետաքրքիր դարձնելն է: Այս պարագայում սովորողը հասկանում է իր ձեռք բերած գիտելիքների կենսական նշանակությունն ու իմաստը, որն ապահովում է գիտելիքների իմաստավորված յուրացում:

Ինքնուրույնության գաղափարի համատեքստում ուսուցչի համար կարևոր խնդիր է դառնում ուսուցման գործընթացն աստիճանաբար ինքնուսուցման գործընթացի վերածելը:

Ինքնուրույն ուսումնական աշխատանքներ լավագույնս կարելի է իրականացնել ուսուցման գործընթացը մասնակիորեն հետազոտական գործընթացի վերածելով: Ասել է, թե՝ սովորողների ուսումնական գործունեությունը կազմակերպել որպես ուսումնափետազոտական գործունեություն: Ուսումնական աշխատանքները, որ կատարում է սովորողը դպրոցում թե տանը, պետք է ունենան հետազոտական գործունեության տարրեր, և այդօրինակ գործունեության չափաբաժինը կրթության յուրաքանչյուր հաջորդ աստիճանում համապատասխան չափով պետք է ավելանա: Հանրակրթության առարկայական չափորոշչում՝ *հայոց լեզվի վերջնարդյունքների ստեղծարարություն*

հասկացության մեջ, գրված է. «Ստեղծի տարաբնույթ *ուսումնական ցուցադրական նյութեր՝ պատտառ, գրքույկ, ուղեցույց, սահիկաշար, անխմացիա, տեսանյութ և այլն, և փաստարկված մեկնաբանություններով ներկայացնի*» [5]:

Սույն նյութի ուսուցման գործընթացը ցուցադրելու համար ընտրել ենք «Դեպքի ուսումնասիրություն» մեթոդը, որը ներառում է տարբեր մեթոդների բաղադրիչներ: Կախված ուսումնասիրվող դեպքի բնույթից՝ ուսուցիչը կարող է դիմել մտազրոհի, բանավեճի, համագործակցային խմբերով աշխատանք կազմակերպելուն և այլն: «Դեպքի ուսումնասիրություն» մեթոդի քայլաշարերը (ալգորիթմները) փորձենք սահմանել հետևյալ հաջորդականությամբ.

- ա.** անհրաժեշտ ուսումնական նյութերի տրամադրում,
- բ.** ուսումնական նյութերի հետ աշխատելու կարողություններ,
- գ.** գրավոր խոսքի վերլուծություն, դասակարգում, խմբավորում, հիմնավորում,
- դ.** անհրաժեշտ փաստերի գրավոր շարադրանք,
- ե.** որոշակի ծավալով ներկայացված լեզվական երևույթի նկարագրություն,
- զ.** վերլուծական (քերականական) կարողություններ,
- է.** նյութի մատուցում որպես ուսումնասիրություն կամ ներկայացվող դեպքի նկարագրություն,
- ը.** խմբային աշխատանքի կարողություններ,
- թ.** միասնական պատասխանատվություն,
- ժ.** որոշումների համատեղ կայացում:

Սովորողների քննարկմանն են ներկայացվում դիտարկվող հետազոտության թեման՝ «Հայկական տեղանունների անվանապատման ուսումնասիրություն», և առաջադիր խնդիրները.

- ա.** Առանձնացնել անվանման պատմություն ունեցող մի շարք տեղանուններ:
- բ.** Խմբավորել վերոնշյալ տեղանուններն ըստ բնիկ և փոխառյալ տեսակների:
- գ.** Ուսումնասիրել տեղանունների ծագումն ու ստուգաբանությունը:
- դ.** Ներկայացնել տեղանունների անվան հետ կապված պատմական իրողությունները, ավանդագրույցները:

Հետազոտության համար առաջարկում ենք ուսումնական տարաբնույթ նյութեր՝ բառարաններ, հանրագիտարաններ, դասագրքեր, կայքէջեր:

Աշխատանքը կձևավորի սովորողների ճանաչողական, վերլուծական, հետազոտական-որոնողական կարողությունները:

Ըստ առարկայական ծրագրի՝ հատկանունների ուսուցումը ներառված է հանրակրթական դպրոցի 7-րդ և ավագ դպրոցի 11-րդ դասարաններում, համալսարանական ծրագրերում:

Աշխատանքը հատկապես կհետաքրքրի ավագ դպրոցի 11-րդ դասարանի սովորողներին, քանի որ այն գուտ լեզվական նյութի ուսումնասիրություն չէ, այլև ենթադրում է պատմական և աշխարհագրական տվյալների հետազոտություն: Հանրակրթության նոր չափորոշիչի 11-րդ դասարանի հայոց լեզվի առարկայական ծրագրում ընդգրկված «Բառարանագրություն» բաժնում հատուկ անդրադաժ կա բառարանների տեսակներին, որտեղ էլ առաջարկվում են հետաքրքիր աշխատանքներ, ինչպես, օրինակ՝ «Տեղանունների բառարանից *դուրս գրել* որևէ համայնքի աշխարհագրական անունների բացատրությունները: *Գտնել և ներկայացնել* հետաքրքիր պատմություններ, ավանդազույցներ տեղանունների առաջացման մասին» [5]: Մեր կողմից նախատեսված աշխատանքը հենվում է արդեն ուսումնասիրված և հողվածում ներկայացված տեղանունների վրա՝ ստիպելով սովորողներին դրանց շուրջ հետաքրքիր աշխատանք կատարել: Սովորողները կարող են նաև իրենք կատարել ուսումնասիրությունները, և ինչպես առաջարկվում է առարկայական ծրագրում, իրենց հետազոտության վրա կատարեն դեպքի ուսումնասիրություն: Այսպիսով՝ ուսումնական գործընթացում ապահովվում են նաև միջառարկայական կապերը:

Դեպքի ուսումնասիրության մեթոդի կիրառման ընթացքում դասարանը բաժանում ենք չորս խմբի՝ նախապես որոշելով խմբերին տրվելիք առաջադրանքները:

1-ին խմբի դեպքի ուսումնասիրության նյութը բնիկ հայերեն տեղանուններն են և դրանց անվանադրման հետ կապված ավանդապատումները:

2-րդ խմբի ուսումնասիրության դեպք է դառնում այն տեղանունների ստուգաբանությունը, որոնք պատմական որոշակի ժամանակահատվածում փոխարինվել են իրանական անվանումներով:

3-րդ խմբի դեպքի ուսումնասիրությունը այն տեղանունների ստուգաբանությունն է, որոնք պատմական որոշակի ժամանակահատվածում փոխարինվել են թուրք-թաթարական անվանումներով:

4-րդ խումբը ուսումնասիրում է այն տեղանունները, որոնք պատմական որոշակի ժամանակահատվածում ունեցել են հունական, ռուսական կամ եվրոպական անվանումներ:

Սովորողները մեկ-երկու էջի սահմաններում շարադրում են փաստերը՝ մեկ կամ մի քանի տեսանկյուններից ներկայացնելով դիպվածները պարզեցված կամ բարդեցված տարբերակներով: Աշխատանքի ընթացքում բացահայտվում են փաստեր, որտեղ առկա են ստուգաբանման որոշ հակասություններ:

Դեպքի ներկայացումը ենթադրում է անհրաժեշտ օրինակների ընտրություն և ներկայացում. աշխատանքը կատարելիս կարևոր է նաև ժամանակին հետևելը. այս ծավալի խմբային աշխատանքաին տրամադրվում է մեկ կամ մի քանի ժամ:

Ուսումնասիրության հիմնախնդիրը տեղանունների տարբերակման այն սկզբունքն է, որ օտար անվանումների մի մասը մնացել է խոսակցական մակարդակում, ինչպես՝ *Ղարափղիսա*, *Կիրովական*, *Բասարզեշար*, մինչդեռ մի շարք տեղանունների օտար անվանումներ այսօր պետականորեն ընդունված անվանումներ են, ինչպես՝ *Գյումրի*, *Ալավերդի*, *Դիլիջան* և այլն:

1-ին խումբը ուսումնասիրում է *Արագած* և *Սևան* տեղանունների ստուգաբանությունը:

Արագածը Հայաստանի Հանրապետության ամենաբարձր քառազագաթ լեռն է (4096 մ): Արագածի անվան ծագումը պատմիչները կապում են Արա աստծո հետ (*Արագած* բառը վերծանվում է այսպես՝ Արա+գահ=Արայի գահ) [2, էջ 677]: Ավանդությունը պատմում է, որ երբ Արա Գեղեցիկ թագավորը ընկավ Շամիրամի դեմ կռվում, հայերը շատ մտահոգվեցին. մտահոգություններից մեկն էլ կապված էր Արա Գեղեցիկի ադամանդակուռ շքեղ գահի հետ, որին ցանկանում էին տիրանալ Շամիրամի զորականները: Հայերն այն թաքցրին

քառագագաթ լեռան վրա: Թշնամին այդպես էլ չկարողացավ այն գտնել, իսկ երբ ձյունը ծածկեց լեռը, գահի հետքն անգամ հայերը կորցրին: Ժամանակ անցավ, սակայն մարդիկ այդպես էլ չմոռացան Արայի գահը: Նայելով քառագագաթ լեռանը՝ նրանք ասում էին, որ այնտեղ է Արայի գահը: Այդպիսով՝ լեռը կոչվեց *Արագահ*, որ, հետագայում հնչյունափոխվելով, դարձավ *Արագած* [1, էջ 28]: Արագածը նաև թուրքական անվանումներ է ունեցել՝ Ալագյազ, Ալագյոզ, Արակյազ, Էլագյոզ, որ թուրքերենից թարգմանաբար նշանակում է *բազմագույն աչք* (alaş gۆyնqգույն, բազմերանգ, gۆyз` աչք [9, էջ 147]:

Սևանը քաղաք է Գեղարքունիքի մարզում: Նախկին անուններն են Սառցաշեն, Ելենովկա: Սևան է վերանվանվել 1930-ական թվականներին: Որոշ հնագետներ Սևան անվանումը նույնացնում են սեպագիր արձանագրություններում հիշատակված *Սունիա* անվանը [3, էջ 576]: Ըստ ավանդության՝ վանեցիները գաղթում և վերաբնակվում են Սևանի ափերին՝ որոշելով, որ դա էլ մի Վան է: Սակայն շուտով տեղի ցուրտ կլիման նրանց դուր չի գալիս. հիշում են իրենց երկրի մեղմ ու տաք բնությունը, բարեկեցիկ կյանքը և ասում՝ *սև Վան եկավ գլխներին, սև Վան*: Այսպես էլ առաջանում է *Սևան* անունը [4, էջ 80-81]:

2-րդ խումբն ուսումնասիրում է *Աշտարակ*, *Եղեգնաձոր*, *Սպիտակ* տեղանունների ստուգաբանությունը:

Աշտարակ (Արագածոտնի մարզկենտրոնը) քաղաքի անվանումը իրանական ծագում ունի. նշանակում է *ուղիղ բարձրացող կառույց, բերդապարսպի բուրգ, սլացիկ բարձրաբերձ շինություն*: Հակոբ Մանանդյանը այս տեղանունը նույնացնում է 4-րդ դարի Պևտինգերյան քարտեզում նշված Strangira կայարանի հետ՝ ենթադրելով, որ բառն ունի նախահայկական ծագում, երբ դեռ «աշտարակ» բառը հայերենում գործածական չէր [12]: Կա մի ավանդություն՝ կապված անվան ծագմանը. մի քանի հազար տարի առաջ այս կողմերում մարդիկ ապրում էին միայն Արարատյան դաշտի ցածրադիր մասերում՝ Արաքսի գետահովտում, որտեղ եղանակը մեղմ էր: Մարդկանց բազմանալու պատճառով դաշտում ապրողների մի մասն սկսեց տարածվել դեպի մոտակա լանջերը, մի մասն էլ բնակություն հաստատեց Աշտարակում: Արաքսի համեմատությամբ այդ վայրը բարձր էր աշտարակի պես: Այդ է պատճառը, որ տեղանքը անվանվեց *Աշտարակ*, չնայած այդտեղ ոչ մի աշտարակ չկար [1, էջ 21]: Որոշ հետազոտողներ կարծում են՝ անունը

առաջացել է *աշտարակ* հայերեն հասարակ գոյականից: Գրիգոր Ղափանցյանը բնակավայրի անունը կապում է ասուրա-բաբելական *Բշտար* աստվածուհու անվանը [3, էջ 297]:

Եղեգնաձոր քաղաքը Սյունիքի հնագույն ուստաններից մեկն է: Հնում բնակավայրը կոչվել է Խոտորալեզ, ավելի ուշ՝ օտար անվանմամբ՝ Քեշիշքենդ. բառը պարսկերեն է՝ *քեշիշ* (պարսկերեն) *keşis* – քահանա և *քենդ* (պարսկերեն) *kend*– գյուղ. *kend* բառը պարսկերենից փոխառել է թուրքերենը *քաղաք* նշանակությամբ [9, էջ 156]: Կա մեկ այլ տեսակետ, որ *քենդ* (*kent*) բաղադրիչը թուրքերենին անցել է հունարենից, որում ևս *քենդ*–ը քաղաք է նշանակում [6, էջ 268]: 1935-57 թթ. քաղաքը կոչվել է Միկոյան՝ ի պատիվ ԽՍՀՄ պետական գործիչ Անաստաս Միկոյանի, իսկ 1957 թվականից հետո՝ Եղեգնաձոր: Բնակավայրը հիմնադրման օրից մինչև 19-րդ դարը կոչվել է Եղեգիք կամ Եգեգյաց, որ, հետագայում փոփոխվելով, դարձել է Եղեգնաձոր [2, էջ 501]: Անվանադրման հետ կապված է հետևյալ ավանդապատումը: Թշնամին գրավում է ավանն ու ամրոցը, սակայն բնակիչներին գերեվարել չի կարողանում. ավանի շրջակայքում եղեգնապատ լճակներ են լինում, որոնցում թաքնվում են մարդիկ՝ գաղտնուղիներով փախչելով ամրոցից: Այստեղից էլ Եղեգիք կամ Եղեգյաց անվանումը, որ ձևափոխվել և դարձել է Եղեգնաձոր [1, էջ 91]:

Սպիտակը քաղաք է Լոռու մարզում: Մինչև 1949 թ. կոչվել է Համամիու կամ Համամի, ինչը, ամենայն հավանականությամբ, պարսկական «համամ» - բաղնիք բառից է. այս են վկայում քաղաքում հայտնաբերված կավե մեծ կարասներն ու խողովակները: Կա նաև տեսակետ, որ համամ-ը արաբերեն բաղնիք բառն է և -լու / -լի ունեցող նշանակող վերջածանցը՝ «Բաղնիք ունեցող վայր»: Ներկայիս Սպիտակ անունը նրա շրջակայքում եղած սպիտակ կրաքարի հանքերի հետևանք է [2, էջ 73]:

3-րդ խումբն ուսումնասիրում է *Ալավերդի, Ծաղկաձոր, Ստեփանավան, Վանաձոր* տեղանունների ստուգաբանությունը:

Ալավերդի քաղաքը բնակավայր է եղել դեռևս հին ժամանակներում. այդ են վկայում տարածքում հայտնաբերված հնագիտական առարկաները: Եղել է Անդրկովկասի մետաղագործական կարևոր օջախ: Տարածքը հայտնի է դեռևս Արտաշես Առաջին թագավորի ժամանակներից (*մ.թ.ա. 189 – 160*): Պատմական

աղբյուրներում հիշատակվում է Մանես կամ Մանասգոմեր, Մանից Գոմ, Մանից Գոմեր անուններով: 17-րդ դարում Ալավերդին և նրա շրջակայքը դառնում են թուրք բորչալու ցեղի արոտավայրերը: Անվանումը մնացել է այդ ցեղի ցեղապետներից մեկի՝ Ալլահվերդի մոլլա օղլի Թարխանի անունից [2, էջ 139] *Ալավերդի*- հիբրիդ բառ է՝ կազմված Allah արաբերեն և verdi թուրքերեն vermek՝ տալ - «տվեց» բայի անցյալ կատարյալի ձևից [9, էջ 51]:

Ծաղկաձոր քաղաքը հնում կոչվել է Ծաղկոցաձոր, այնուհետև՝ Ծաղկունյաց ձոր, մտել է Այրարատ նահանգի Վարաժնունիք գավառի մեջ: Եղել է հայոց Արշակունի թագավորների ամառանոցը: 16-րդ դարում անվանվել է Դարաչիչակ. սա Ծաղկունյաց ձորի թուրքերեն պատճենումն է՝ բառացի թարգմանությունը. դարա (թուրքերեն) – ձոր, չիչակ (թուրքերեն çişek) – ծաղիկ [9, էջ 962]: 1947 թ. քաղաքը վերանվանվեց Ծաղկաձոր [2, էջ 110]: Ըստ ավանդության՝ հեռուներից եկած մի դյուցազուն հետապնդում էր հայոց գեղեցկության և սիրո աստվածուհի Աստղիկին: Նա փախչում էր ու զգում, որ հսկան հասնում է իրեն: Այդ պահին լսում է իր քրոջ՝ ողջախոհության աստվածուհի Նանեի փափսուքը. «Հանի՛ր ու մի կո՛ղմ նետի՛ր գեղազարդ թիկնոցը»։ Աստղիկն անում է այնպես, ինչպես ասում է քույրը, և թիկնոցը ծածկվում է մառախուղով ու փակում հսկայի տեսադաշտը: Հազար տարի հետո Նանեի արձակած մառախուղը բարձրանում է, ու մարդիկ տեսնում են, որ Աստղիկի գետնամած թիկնոցը դարձել է ծաղկավետ մի հովիտ: Այն կոչում են Ծաղկաձոր [1, էջ 108]:

Ստեփանավան քաղաքը կազմել է Մեծ Հայքի Գուգարք նահանգի Տաշիր գավառի մի մասը: Մինչև 1923 թ. Կոչվել է Ջալալօղլի: Ջալալօղլին հիբրիդ բառ է. կազմված է Ջալալ -արաբերեն փառք, մեծություն և օղլի թուրքերեն օջև – որդի բառերից [9, էջ 894]: 1923 թ. անվանվել է հայ հեղափոխական Ստեփան Ծախումյանի անվամբ՝ Ստեփանավան: Որպես բնակավայր՝ գոյություն է ունեցել հին ժամանակներից [3, էջ 685]:

Վանաձոր քաղաքի անվանումը նոր է, սակայն այն իր հետևում մի քանի հին անվանումներ ունի՝ Գարաքիլիսե, Կարաքիլիսա, Ղարաքիլիսա, Մարտունական, Մարտունաշեն: Խորհրդային տարիներին այն կոչվում էր *Կիրովական*՝ ի պատիվ ռուս բոլշևիկ, Խորհրդային Միության պետական գործիչ Սերգեյ Կիրովի: Քաղաքը

Վանաձոր է վերանվանվել 1989 թվականին [3, էջ 149]: Ղարաքիլիսա անվան մասին ժողովրդական ավանդությունը պատմում է, որ թուրք փաշան իր գործով մտնում է գյուղ, ավերում այն և գործը տեղավորում եկեղեցում՝ գիշերելու, իսկ ինքը մի քանի հոգու հետ տեղավորվում է գյուղի մեծահարուստներից մեկի տանը: Գյուղի երիտասարդները գիշերը իջնում են սարերից, կոտորում գործը ու էլի քաշվում սարերը: Առավոտյան փաշան, տեսնելով գործի կոտորվելը, բացականչում է՝ *ղարա(սև) քիլիսա(եկեղեցի)*, որ սևացրեց իր բանակը: *Ղարա* - *Kara*-թուրքերեն սև և *քիլիսա*, որ թուրքերենն իր հերթին փոխառել է *էկկիսիս* հունարեն բառից, նշանակում է $\epsilon\kappa\kappa\lambda\eta\sigma\iota\alpha \rightarrow$ եկեղեցի [9, էջ 815]: Մեկ այլ կարծիք կա, որ այն սկզբնապես ունեցել է «սև քարերով եկեղեցի» իմաստը. հատկապես գմբեթի և զանգակատան դեպքում էին այդպես կոչվում, հաջորդ դարերում տիրապետողների կողմից թարգմանվել ու դարձել է Ղարաքիլիսա: Իսկ ըստ Հայկական ճարտարապետությունն ուսումնասիրող հիմնադրամի՝ *ղար* պարսկերենից թարգմանաբար նշանակում է *մեծ*, ոչ թե *սև*: Այս բառիմաստի պարզաբանումը հասկանալի է դարձնում *Ղարաքիլիսա* անվան իրական նշանակությունը, ըստ որի՝ տեղանունն առաջացել է Թադեոս առաքյալի վանքին տրված Ղարաքիլիսա անունից և թարգմանվել է Սև եկեղեցի՝ նկատի ունենալով հին եկեղեցու՝ մուգ գույնի քարերով շարված լինելը [4]: Վանքի՝ 19-րդ դարում սպիտակ ավազաքարից կառուցված հատվածը շատ ավելի մեծ է և իր ձյունաթույր ճերմակությամբ նույնիսկ հեռվից տեսանելի է մթնոլորտի մեջ: Այսպիսով՝ ըստ Ատրպատականի բարբառների նորագույն ուսումնասիրությունների՝ Ղարաքիլիսա նշանակում է ոչ թե *սև եկեղեցի*, այլ *մեծ, կարևորագույն եկեղեցի* [4]:

4-րդ խումբն ուսումնասիրում է *Արտաշատ*, *Գյումրի*, *Դիլիջան* տեղանունների ստուգաբանությունը:

Արտաշատ քաղաքը գտնվում էր Մեծ Հայքի Այրարատ աշխարհի Ոստան գավառում: Կոչվել է նաև Արտաշաշատ, Արտաշար, Արտաքսադ, Արտաքսատե, Արտաքսիասատա: Բաղաբը հիմնադրել է Արտաշես Առաջինը [3, էջ 494]: Այն մ.թ.ա. 2-րդ-մ.թ. 5-րդ դարերում եղել է հին Հայաստանի մայրաքաղաքը: Անվանման ստուգաբանություններից մեկը կապվում է հունարեն *Aptakata* – *Արտաշեսի ուրախություն* արտահայտության հետ: Կա նաև տեսակետ,

որ անվանումը հիբրիդ բառ է, և «շատ» պարսկերեն նշանակում է *սպրեյում տեղ, ակալն* [2, էջ 135]:

Գյումրի քաղաքը գտնվում է ՀՀ Շիրակի դաշտում: Հնագույն բնակավայր է. հնագիտական ուսումնասիրությունների արդյունքում բնակավայրում գտնվել են դեռևս մ.թ.ա. 2-րդ հազարամյակին վերագրվող առարկաներ: 8-րդ դարում կոչվել է Կումայրի (**անունը հիշատակում է Ղևոնդ պատմիչը**), այնուհետև՝ Գումրի: 1837 թ. ռուս Նիկոլայ Առաջին կայսեր այցելությունից հետո քաղաքն անվանվում է նրա կնոջ՝ Ալեքսանդրայի անվամբ՝ Ալեքսանդրապոլ, իսկ 1924 թ-ից անվանվել է Լենինական ռուս հեղափոխականի անունով [2, էջ 543]:

Դիլիջան քաղաքի (ՀՀ Տավուշի մարզ) անվանումը համեմատաբար նոր ժամանակների ծնունդ է: Ենթադրվում է, որ բնակավայրի հին անվանումը եղել է Հովք, որն Արշակունի թագավորների ժամանակ ամառանոց էր և արքունի որսատեղի [3, էջ 782. էջ 385]: Գրավոր աղբյուրներում այն առաջին անգամ հիշատակվում է 17-րդ դարում ֆրանսիացի ճանապարհորդ Ժան Շարդենի ճանապարհային գրառումներում: Նա գրում է, որ իրենք հասել են Դիլիջան կոչվող քաղաք, որտեղ կա երեք հարյուր տուն [14]: Նույն ժամանակաշրջանի հետ կապված մեկ այլ ստուգաբանություն կա: 17-րդ դարում եվրոպացի երկու քարոզիչ է գալիս Աղստևի ձորահովիտ՝ հայերին կաթոլիկացնելու: Այստեղ մի մեծ կառք են պատրաստում, զարդարում սրբապատկերներով, կառքը անվանում դիլիժանս: Այն դառնում է քարոզիչների բնակարան- քարոզատեղին: Նրանք նաև այս կառքից հայերին զանազան դեղեր էին վաճառում: Մարդիկ անընդհատ կրկնում էին՝ *դիլիժանս, դիլիժանս*, և քաղաքի անունը դառնում է *Դիլիջան* [1, էջ 87]: *Դիլիջան* անվան ծագման մասին մի քանի պատմություններ էլ կան. ոմանք այն կապում են *Դիլիջան* անունով ոմն իշխանի անվան սիրո պատմության հետ, ոմանք էլ՝ Դելի կամ Դիլի անունով մի մարդու հետ, ում գայլերը հոշոտել են, և նրան որոնող հարազատները, երկար ժամանակ նրան փնտրելով, կանչել են՝ Դիլի ջան, Դիլի ջան, որից էլ առաջացել է *Դիլիջան* անվանումը [3, էջ 110]:

Վարդենիսը քաղաք է ՀՀ Գեղարքունիքի մարզում՝ Սևանա լճի ափին: Հայաստանի հնագույն բնակավայրերից է: Այստեղ հայտնաբերվել են բրոնզի դարի դամբարաններ: Կոչվել է նաև

Վասակաշեն, Գեղամաբակ, Բասարգեչար [3, էջ 782]: Ըստ Ղ. Ալիշանի՝ այստեղ է գտնվել Վասակ Գաբուռի ապարանքը, ուստի բնակավայրը հնում կոչվել է Վասակաշեն: Մինչև 1969 թ. բնակավայրը կոչվել է Բասարգեչար, որ, ըստ տեղաբնակների, մոնղոլ-թաթարերենից թարգմանաբար նշանակում է *նորի տակ տվեցինք, անցանք*: Այսօր այն կոչվում է Վարդենիս հավանաբար ծաղկաշատ, վարդերով հարուստ լինելու պատճառով:

Աշխատանքային խմբերն իրենց տրամադրության տակ կարող են ունենալ անհրաժեշտ և լրացուցիչ տվյալներ. ինչպես, ասենք՝ 3-րդ խմբի դեպքում ներկայացվելիք հետևյալ նյութը, որ սովորողներին հասանելի կլինի էլեկտրոնային նշված հղումով՝ [Հայկական տեղանունների թյուրքականացումը](#):

«Հայաստանի տեղանունների թյուրքացումն սկսվել է 13-րդ դարից և ավելի խորացել 16-17-րդ դարերում՝ օսմանյան և սեֆյան տիրապետությունների հաստատման հետ: Հայկական տեղանունների յուրացումը կատարվել է խոսակցական մակարդակում. մի դեպքում՝ դրանք հարմարեցվել են թյուրքերենի արտասանությանը՝ Ագարակ-Էքրեք, Աղստև-Աղստաֆա, Գավառ-Գևեռ, Կարկառ-Գյառգյառ, Հարժիս-Յայջի, Ձագեձոր-Չանգեզուր, Շահապոնք-Շահբուզ, Շիրակ-Շորագյալ, Վանք-Ֆենք, Կումայրի-Գյումրի, Կարս-Ղարս և այլն, մի այլ դեպքում՝ դրանք պատճենումներ են՝ բառացի թարգմանություններ, ինչպես՝ Ազնվաձոր-Գեոգալդարա, Աղջկաբերդ-Ղըզալա, Ամուլսար-Ղըսրդաղ, Արեգունի-Գյունեյ, Ծաղկուտ-Գյուլիջա, Կարմիրաղբյուր-Ղըզլիբուլաղ, Ջորագյուղ-Դարաքենդ, Մոխրոց-Քյոմուռլու, Ջերմուկ-Իստիսու, Սև լիճ-Գարա գյուղ և այլն: Գործընթացները եղել են նաև իմաստային-հնչյունական պատճենումների տեսքով, երբ հայերենից թյուրքերենին անցած անվանումները՝ թե՛ հնչյունական կազմով և թե՛ իմաստով, համապատասխանում են նախաձևին՝ Աղբերք-Աղբուլաղ, Աղխասար-Ախիդաղ և այլն: Կան տեղանվանումների պատճենումներ, որտեղ թյուրքերեն են թարգմանվել միայն տեղանվան եզրերը՝ պահպանելով բուն անունը՝ Այրիգետ-Այրիչայ-Այրիսու և այլն»:

Հավաքագրած տեղեկությոթը կարող է մատուցվել որպես փաստագրական նյութ կամ ներկայացվել խոսքային և տեսողական միջոցներով (տեսագրություն կամ լուսապատկերների ցուցադրություն):

Կարծում ենք՝ անհերքելի է մեթոդի արդյունավետությունը փաստերի, դեպքերի և գործնական օրինակների ուսումնասիրությամբ ու վերլուծությամբ տեսական նյութն ավելի խոր ու իրատեսորեն ըմբռնելու համար:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՑԱՆԿ

1. *Խաչատրյան Հ.* Հայկական տեղանվանապատում, Երևան, Հայկ Խաչատրյան հրատ., 2025:
2. Հայկական սովետական հանրագիտարան, հատոր 1, 2, 3, 4, 5, 11, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ, 1974, 1977, 1978, 1979, 1985:
3. *Հակոբյան Թ., Մելիք-Բախշյան Ս., Բադսեղյան Հ.*, Հայաստանի և հարակից շրջանների տեղանունների բառարան, հատոր 1, 2, 3, 4, Երևան, 1986, 1988, 1991, 1998:
4. Հայկական նարտարապետությունն ուսումնասիրող հիմնադրամ, Դաշտային և գրադարանաարխիվային ուսումնասիրություններ: <https://armenianarchitecture.org/am/locations/200>, Դիտումը՝ 15.01.2026:
5. ՀՀ ԿԳՄՍ նախարարի հրամանը (07.05.2024 N37-Ն) «Հանրակրթական ուսումնական հաստատությունների 1-ին և 4-րդ դասարանների «Մայրենի», 9-րդ և 12-րդ դասարանների «Հայոց լեզու», 9-րդ դասարանի «Գրականություն», 12-րդ դասարանի «Հայ գրականություն» առարկաների ծրագրերը հաստատելու մասին», <https://www.arlis.am/hy/acts/192783>, Դիտումը՝ 15.02.2026:
6. *Ղազարյան Ռ.* Թուրքերեն-հայերեն բառարան, 2003:
7. *Ղանալանյան Ա.* Ավանդապատում, Երևան, 1969:
8. Türkçe Sözlük, Gözden Geçirilmiş, Altinci Baskı, Bilgi Basimevi - Ankara, 1974:
9. *Mustafayev E. M.-E. ve Şçerbinin V. G.* Русско-турецкий словарь, rusça-türkçe sözlük, , Sovetskaya entsiklopediya yayinevi, Moskova-1972:
10. «*Վասակաշեն [Բասարգեշար/հնում՝ Վասակաշեն]*», հոդված, ՀՍՍՌ հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտ, Հայոց պատմություն, հնագիտություն, Երևան, ՀՍՍՌ ԳԱ. file:///C:/Users/Admin/Downloads/293759_.pdf, Դիտումը՝ 19.01.25:
11. Communities Association of Armenia (CAA) Armenian Discovery կայքէջեր:
12. <https://www.dasaran.am/apps/wiki/view/id/7602>, Դիտումը՝ 15.01.25:

13. <https://www.majstro.com/Web/Majstro/bdict.php?gebrTaal=eng&bronTaal=tur&doelTaal=eng&teVertalen=ke%C5%9Fi%C5%9F>, Turkish-English Online Dictionary, Դիտումը՝ 16.01.26:
14. <https://www.gotodili.com/am/about/history/> Go to Dili նախագիծ, Դիտումը՝ 14.01.26:

REFERENCES

1. *Khach'atryan H.* Haykakan teghanvanapatum, Yerevan, Hayk Khach'atryan hrat., 2025:
2. Haykakan sovetakan hanragitaran, hator 1, 2, 3, 4, 5, 11, Yerevan, HSSH GA, 1974, 1977, 1978, 1979, 1985:
3. *Hakobyan T'. Melik'-Bakhshyan S., Barseghyan H.*, Hayastani yev harakits' shrjanneri teghanunneri barraran, hator 1, 2, 3, 4, Yerevan, 1986, 1988, 1991, 1998:
4. Haykakan chartarapetut'yunn usumnasirogh himnadram, Dashtayin yev gradaranaarkhivayin usumnasirut'yunner // <https://armenianarchitecture.org/am/locations/200>, Ditumy, 15.01.2026:
5. HH KGMS nakharari hramany (07.05.2024 N37-N) «Hanrakrt'akan usumnakan hastatut'yunneri 1-in yev 4-rd dasaranneri «Mayreni», 9-rd yev 12-rd dasaranneri «Hayots' lezu», 9-rd dasarani «Grakanut'yun», 12-rd dasarani «Hay grakanut'yun» arrarkaneri tsragrery hastatelu masin», <https://www.arlis.am/hy/acts/192783>, Ditumy, 15.02.2026:
6. *Ghazaryan R.* T'urk'eren-hayeren barraran, 2003:
7. *Ghanalanyan A.* Avandapatum, Yerevan, 1969:
8. Türkçe Sözlük, Gözden Geçirilmiş, Altinci Baski, Bilgi Basimevi - Ankara, 1974:
9. *Mustafayev E. M.-E. ve Şçerbinin V. G.* Russko-tureckij slovar', rusça-türkçe sözlük, , Sovetskaya entsiklopediya yayinevi, Moskova-1972:
10. «Vasakashen [Basargech'ar/hnum, Vasakashen/», hodvats, HSSRR hnagitut'yan yev azgagrut'yan institut, Hayots' patmut'yun, hnagitut'yun, Yerevan, HSSRR GA. file:///C:/Users/Admin/Downloads/293759__.pdf, Ditumy, 19.01.25.
11. Communities Association of Armenia (CAA) Armenian Discovery kayk'ejer.
12. URL: <https://www.dasaran.am/apps/wiki/view/id/7602>, Ditumy, 15.01.25.
13. URL: <https://www.majstro.com/Web/Majstro/bdict.php?gebrTaal=eng&bronTaal=tur&doelTaal=eng&teVertalen=ke%C5%9Fi%C5%9F>, Turkish-English Online Dictionary, Ditumy, 16.01.26:
14. <https://www.gotodili.com/am/about/history/> Go to Dili nakhagits, Ditumy, 14.01.26

ИЗУЧЕНИЕ АРМЯНСКИХ ТОПОНИМОВ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Р. П. ДЖУЛЬФАЯН

**АГПУ имени Хачатура АБОВЯНА,
ФРАНЦУЗСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В АРМЕНИИ**

Г. Н. ВАРДАНЯН

**ФРАНЦУЗСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В АРМЕНИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «ЛИЦЕЙ
ИМ.ШИРАКАЦИ»**

С. Ф. ТОРГОМЯН

АГПУ имени Хачатура АБОВЯНА

Статья посвящена преподаванию армянских топонимов в 11-м классе средней школы. Изучение этимологии армянских топонимов, осуществляемое посредством сравнительного анализа различных источников, представляет собой ценный материал для проведения исследований с использованием новаторских методов. Предлагаемый метод — тематическое исследование — позволит старшеклассникам всесторонне изучить материал, выявить как интересные, так и неожиданные аспекты возникновения топонимов и проанализировать их, развивая способности критического мышления.

***Ключевые слова:** Наименование, этимология топонимов, исконно армянские топонимы, иранские названия, тюрко-татарские названия, греческие названия, русские названия, практическая направленность, самообучение, анализ конкретных случаев.*

THE STUDY OF THE NAME DEFINITION OF ARMENIAN PLACE NAMES IN HIGH SCHOOL

R. P. JULFAYAN

Kh. Abovyan ASPU, French University in Armenia Foundation

G. N. VARDANYAN

French University in Armenia Foundation,

"Shirakatsi Luceum" International Scientific- Educational Complex

S. F. TORGOMYAN

Kh. Abovyan ASPU

The article is dedicated to the teaching of Armenian place names in the 11th grade of high school. The study of the etymology of Armenian place names, conducted through the comparative analysis of various sources, provides excellent material for research using interesting and innovative methods. The proposed method, a case study, will enable high school students to examine the material comprehensively, uncover interesting and sometimes surprising aspects of the origins of place names, analyze them, and draw conclusions developing the foundations of critical thinking.

Key words: *Naming, etymology of place names, native Armenian place names, Iranian names, Turkic-Tatar names, Greek names, Russian names, practical orientation, self-study, case study.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 11 марта 2026 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УЧИТЬ КОММУНИКАЦИИ ИЛИ КОММУНИКАЦИЕЙ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

А. М. АМИРХАНЫН

АГПУ им. Х. Абовяна

amirknan@yahoo.com

amirkhanyananahit03@aspu.am

• ORCID: 0000-0003-2810-2052

В рецензии рассматривается новый учебник для вузов «Межкультурная коммуникация», подготовленный И.С. Саркисян и Н.И. Таткало. В настоящее время закономерно и актуально внимание к роли и месту межкультурной коммуникации как учебной дисциплины с особой значимостью, так как возросло понимание и необходимость знаний культурных кодов в межличностных взаимоотношениях для формирования интереса обучающихся к наследию и традициям разных культур и цивилизаций и подготовки умений использования получаемых профессиональных навыков в вербальной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, слово и словесность, *чужой*, инокультурное мировосприятие и мировоззрение, знак, культурный код, раскодирование, комплекс канонов.

В издательстве РАУ вышел в свет учебник **«Межкультурная коммуникация»**, подготовленный И.Р. Саркисян и Н.И. Таткало (Ереван: РАУ, 2026. – 208 с.), который представляет собой комплексное, методически выверенное и концептуально целостное учебное пособие, ориентированное на формирование у обучающихся системного представления о межкультурной коммуникации как междисциплинарной области знания. Работа отличается актуальностью, научной обоснованностью и практической направленностью, что позволяет рекомендовать её к использованию в образовательном процессе высшей школы, прежде всего в рамках филологических, педагогических и гуманитарных направлений подготовки.

Структура учебника логична и последовательно выстроена: от введения в базовые теоретические положения (Тема 1) к более сложным аспектам межкультурного взаимодействия, включая невербальную и паравербальную коммуникацию (Тема 2), социокультурные параметры (Тема 3), уровни взаимодействия культур (Тема 4), а также основные теории межкультурной коммуникации (Тема 5). Такой принцип организации материала обеспечивает постепенное углубление знаний и формирование целостной картины изучаемой дисциплины.

Особого внимания заслуживает включение тем, отражающих динамику современного глобализованного мира: культурный шок (Тема 6), диалог Востока и Запада (Тема 7), взаимодействие культур в образовательном процессе (Тема 8). Эти разделы не только раскрывают теоретические основы, но и подводят обучающихся к осмыслению реальных коммуникативных ситуаций, с которыми они сталкиваются в условиях межкультурного взаимодействия.

Сильной стороной учебника является его лингвистическая направленность. Темы 9–11 демонстрируют интеграцию межкультурной коммуникации с лингвистикой, переводоведением и методикой преподавания языков. Рассмотрение концепта межкультурной коммуникации в лингвистическом аспекте, а также связь МКК с переводом и процессом изучения языка позволяют говорить о высоком уровне научной проработанности материала и

его актуальности для подготовки специалистов в области РКИ и перевода.

В этой связи обратимся к функции слова как инструменту мысли. Функции межкультурной коммуникации как учебной и научной дисциплины, сформированной в середине XX века, предопределены своим названием – это система знаков, кодов, требующих раскодирования, знание которых способствует взаимопониманию разных антропологических сред.

Сформировавшись изначально в качестве правительственной программы (США), межкультурная коммуникация имела целью поиск средств противодействия любым конфликтам, возникающим вследствие непонимания исторической динамики иных, чужеродных, инокультурных мировоззрений, особенностей национальных философий и мировосприятий. Отметим, что в одной и той же языковой среде не всегда действует закон понимания в силу различных социальных расслоений – поколенческих, статусных, классовых и т.п. И важно помнить, что «в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной отчизны, но и вся история духовной жизни народа» [4].

В данном аспекте поиск способов познания *иного* при формировании в свое время принципов и методологии межкультурной коммуникации предлагал своего рода дивергентное мышление как творчество понимания и истолкования малопонятных суждений, так как «даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур» [2: 26]. Таким образом межкультурная коммуникация стала необходимостью времени и эпохи, в которой столкновения интересов диктовали создание форм мышления для поиска выбора позиции, отводящей возникающие столкновения интересов.

Общие и особенные механизмы общения различных культур требовали и требуют определенных канонов, правил ведения и знания коммуникации, основанных прежде всего на гуманитарных науках. В предыдущие столетия опыт литературных и историко-культурных связей дает нам и сегодня богатый (и востребованный)

материал для понимания *чужого*. Характеры и традиции *чужого* освещены в словесном творчестве – литературе и официально-деловой письменности разных национальных культур, зримо представлены в архитектуре, живописи, музыке, скульптуре и танце, которые являются своеобразным культурологическим тезаурусом. Их функционирование во все времена имеет свои механизмы узнавания и является своеобразной формой узнавания *чужого* и, безусловно, требует систематизации – то, что стало бы началом объединения через общение.

По справедливому замечанию С.Г. Тер-Минасовой, «ни одна наука, ни одна специальность не может обойтись без слов. Они нужны хотя бы для того, чтобы сформулировать знание и опыт, сохранить его и передать следующим поколениям» [3: 8]. И в данном аспекте внимание к слову, коммуникации как важной составляющей межкультурного механизма понимания выявляет необходимость обобщения известных отдельных материалов, положений и разработок для единой методологической основы межкультурной коммуникации как науке – о канонах, комплексе правил для умения и освоения общения и достижениях взаимного уважения через слово.

Отметим, что новом учебнике не менее значимыми являются темы, посвящённые поликультурному и билингвальному образованию (Темы 12–13), а также формированию межкультурной коммуникативной компетенции (Тема 14). Эти разделы отражают современные образовательные тенденции и ориентированы на развитие профессиональных компетенций студентов, что особенно важно в контексте интернационализации образования и усиления межкультурных контактов.

Заключение логично обобщает представленный материал, подводя итоги и акцентируя внимание на значимости межкультурной коммуникации как ключевого компонента профессиональной подготовки современного специалиста. Список литературы свидетельствует о хорошей теоретической базе исследования.

К числу несомненных достоинств учебника следует отнести системность и логичность изложения материала, междисциплинарный характер исследования, сочетание

теоретической глубины и практической направленности, актуальность рассматриваемых проблем, ориентацию на формирование профессиональных компетенций.

Учебник адресован студентам филологических, лингвистических, педагогических, психологических и социогуманитарных специальностей, а также всем, кто интересуется проблемами межкультурного взаимодействия. Его структура ориентирована на сочетание теоретического материала и практических заданий, что позволит обучающимся не только освоить теоретическую базу, но и применять полученные знания в реальных коммуникативных ситуациях.

Таким образом, изданный новый учебник И.Р. Саркисян и Н.И. Таткало «Межкультурная коммуникация» имеет важное значение, так как необходимые в настоящее время знания и разрозненная информация систематизированы, актуализированы и структурированы по требованиям настоящего времени.

Межкультурная коммуникация – это прежде всего мотивация к коммуникации. И благодаря одному из первых учебников, изданных в Армении для профессиональной подготовки гуманитариев по межкультурной коммуникации, вопрос взаимодействия культурных кодов уходит в плоскость ближайшей и отдаленной перспективы не только обучения науке коммуникации, но и **обучения коммуникацией.**

ЛИТЕРАТУРА

1. *Саркисян И.С., Таткало Н.И.* Межкультурная коммуникация. Учебник. Ереван: РАУ, 2026. – 208 с.
2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990 (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного). – 251 с.
3. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. – 148 с.
4. *Ушинский К.Д.* Родное слово // Избр.пед.соч.: В 2 т. – Т. 2. – М., 1954. – С. 541-556.

REFERENCES

1. Sarkisyan I.S., Tatkalov N.I. Mezhskul'turnaya kommunikatsiya. Uchebnik. Yerevan: RAU, 2026. – 208 s.
2. Vereshchagin Ye.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. 4-ye izd., pererab. i dop. M.: Rus. yaz., 1990 (Biblioteka prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo). – 251 s.
3. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhskul'turnaya kommunikatsiya. M.: Slovo / Slovo, 2000. – 148 s.
4. Ushinskiy K.D. Rodnoye slovo // Izbr.ped.soch.: V 2 t. – T. 2. – M., 1954. – S. 541-556.

**ԴԱՍԱՎԱՆԴՈՒՄ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆ ԹԵ
ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՈՒԹՅԱՐԲ. ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԿՈՂԵՐԻ
ՓՈԽԱԶԴԵՑՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԻ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ**

Ա. Մ. ԱՄԻՐԽԱՆՅԱՆ

Խ. Արուսյանի անվան ՀՊՄՀ

Գրախոսությունը անդրադառնում է Ի.Ս. Սարգսյանի և Ն.Ի. Տատկալոյի համահեղինակությամբ պատրաստված «Միջմշակութային հաղորդակցություն» համալսարանական նոր դասագրքի: Ներկայումս միջմշակութային հաղորդակցության դերի և տեղի նկատմամբ ուշադրությունը որպես հատուկ կարևորության ակադեմիական առարկա և՛ բնական է, և՛ արդիական, քանի որ միջանձնային հարաբերություններում մշակութային կողերի ըմբռնումն ու իմացության անհրաժեշտությունը մեծացել է՝ ուսանողների հետաքրքրությունը տարբեր մշակույթների և քաղաքակրթությունների ժառանգության և ավանդույթների նկատմամբ խթանելու և ձեռք բերված մասնագիտական հմտությունները բանավոր հաղորդակցության մեջ կիրառելու հմտություններ զարգացնելու համար:

Բանալի բառեր՝ միջմշակութային հաղորդակցություն, խոսք և գրականություն, օտար, օտար մշակութային աշխարհայացք և ընկալում, նշան, մշակութային կոդ, վերժանում, կանոնների սահմանափակում:

**STUDYING COMMUNICATION OR LEARNING BY
COMMUNICATION: ON THE INTERACTION OF CULTURAL CODES****A. M. AMIRKHANYAN****Kh. Abovyana ASPU**

This review examines the new university textbook "Intercultural Communication," prepared by I.S. Sargsyan and N.I. Tatkalo. Currently, attention to the role and place of intercultural communication as an academic discipline of particular importance is both natural and relevant, as the understanding and need for knowledge of cultural codes in interpersonal relationships has increased to foster students' interest in the heritage and traditions of different cultures and civilizations and to develop the skills to apply acquired professional skills in verbal communication.

Key words: *intercultural communication, word and literature, alien, foreign cultural worldview and perception, sign, cultural code, decoding, set of canons.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 3 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXXII (122).2026 30.05.2026.

СОДЕРЖАНИЕ	СТРАНИЦА
------------	----------

Литературоведение

К. И. Шарафадина <i>К творческой истории «армянского текста» русской поэзии (книга С. М. Городецкого «Ангел Армении», 1918)</i>	3
---	---

Лингвистика

А. Г. Варданян, Л. Г. Варданян <i>К вопросу о некоторых процессах в терминологической системе языка</i>	13
А. Р. Гарегинян <i>Основные аспекты лингвопрагматики</i>	23
В. А. Григорян <i>Креолизация текста: поликодовость, элементы и классификации</i>	33
К. Г. Мурадян <i>Словообразовательные модели терминосистемы современного военного дискурса</i>	44
А. Г. Оганесян <i>Неология и неологизм</i>	53
И. Р. Саркисян <i>Предвыборная речь в структуре политического дискурса: жанровая специфика и коммуникативные стратегии</i>	65

Сопоставительная типология

М. Г. Бабаханян, Прием Аксель <i>Сопоставительный анализ русских глаголов движения с их английскими и французскими аналогами</i>	73
М. Д. Кесаян <i>Об особенностях синонимии эмотивных фразеологизмов в русском и армянском языках</i>	81

Лингвопоэтика

Н. И. Мартирян <i>Церковно-религиозная лексика в лирике М. Ю. Лермонтова и ее стилистические функции</i>	99
--	----

Теория перевода

Р. Г. Заргарян <i>Об использовании переводческих трансформаций в практике перевода естественнонаучных текстов</i>	112
---	-----

Методика: Теория и практика обучения

Г. А. Антонян <i>Система оценивания учебной деятельности студентов колледжей РА</i>	121
А. С. Зурабян <i>Стилистические и жанровые особенности малых прозаических форм в контексте цифрового обучения русскому языку</i>	131
В. Ю. Сафьян <i>Обучение иностранных студентов языку специальности</i>	152
Е. Ю. Шагинян <i>Интеграция нетривиального цифрового обучения РКИ: визуализация, мультимедиа, персонализация</i>	159

У нас в гостях

А. Г. Аветисян <i>Нарушения принципов кооперации как стратегия выражения онлайн-жалоб</i>	169
М. М. Гилявян <i>Сборник Рафаэла Айрапетяна «Веселые пазлы»</i>	184
К. С. Товмасян <i>Чак Паланик: граница экранизации и логика внутреннего кино</i>	191
А. С. Арутюнян, А. Г. Агаян <i>Лингвокогнитивное моделирование метафоры «политика — это театр»</i>	208
Р. П. Джульфаян, Г. Н. Варданын, С. Ф. Торгомян <i>Изучение армянских топонимов в средней школе</i>	227

Критика и библиография

А. М. Амирханян <i>Учить коммуникации или коммуникацией: к вопросу о взаимодействии культурных кодов</i>	242
--	-----

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ	ԷԶ
------------------------	-----------

Գրականագիտություն

Կ. Ի. Շարաֆադինա Ռուսական պոեզիայի «հայերեն տեքստի» ստեղծագործական պատմության մասին (Ս. Մ. Գորոդեցկու «Հայաստանի հրեշտակը» գիրքը, 1918 թ.)	3
--	---

Լեզվաբանություն

Ա. Գ. Վարդանյան, Լ. Գ. Վարդանյան Լեզվի տերմինաբանական համակարգում որոշակի գործընթացների հարցի վերաբերյալ	13
Ա. Ռ. Գարեգինյան Լեզվաբանական պրագմատիկայի հիմնական ասպեկտները	23
Վ. Հ. Գրիգորյան Տեքստի կրեոլիզացիա. պոլիկոդ, տարրեր և դասակարգումներ	33
Ք. Հ. Մուրադյան Ժամանակակից ռազմական խոսույթի տերմինաբանական համակարգի բառակազմության մոդելները	44
Ա. Գ. Հովհաննիսյան Նեոլոգիա և նեոլոգիզմ	53
Ի. Ռ. Սարգսյան Նախընտրական եղությի կառուցվածք քաղաքական խոսույթում. ժանրային առանձնահատկություններ և հաղորդակցական ռազմավարություններ	65

Համեմատական տիպաբանություն

Մ. Գ. Բաբախանյան, Ակսել Պրիսոմ Ռուսերենի շարժման բայերի համեմատական վերլուծությունը նրանց անգլերեն և ֆրանսերեն համարժեքների հետ	73
Մ. Դ. Կեսայան Հուլյային դարձվածաբանական միավորների հոմանիշների առանձնահատկությունների մասին	81

Լեզվապոետիկա

Ն. Ի. Մարտիրոսյան Եկեղեցական-կրոնական բառապաշարը Մ. Յու. Լերոնոտովի քնարերգության մեջ և նրա ոճային գործառնությունները	99
---	----

Թարգմանության տեսություն

Ռ. Հ. Չարգարյան Թարգմանական փոխակերպումների օգտագործումը քնագիտական տեքստերի թարգմանության պրակտիկայում	112
---	-----

Մեթոդաբանություն՝ Դասավանդման տեսություն և պրակտիկա

Գ. Ա. Անտոնյան Ուսանողների կրթական գործունեության գնահատման համակարգը ՀՀ քոլեջներում	121
Ա. Ս. Չուբարյան Փոքր արձակի ձևերի ոճական և ժանրային ստանձնահատկությունները ռուսաց լեզվի էլեկտրոնային ռուսցման համատեքստում	131
Վ. Յու. Սաֆյան Օտարերկրյա ուսանողների մասնագիտական լեզվի ռուսցումը	152
Ե. Յու. Ճահինյան ԲՕԼ-ի ոչ տրիվիալ թվային ռուսցման ինտեգրացում. վիզուալիզացիա, մոլտիմեդիա, անհատականացում	159

Մեր հյուրն է

Ա. Հ. Ավետիսյան Համագործակցության սկզբունքների խախտումները որպես առցանց բողոքների արտահայտման ռազմավարություն	169
Մ. Մ. Գիլավյան Ռաֆայել Հայրապետյանի «Չվարճալի հանելուկներ» ժողովածուն	184
Կ. Ս. Թովմասյան Չակ Պարանիկ. Էկրանավորման սահմանագիծը եվ ներհայեցողական կինոյի տրամաբանությունը	191

Ա. Ս. Հարությունյան, Ա. Գ. Ադայան «Քաղաքականությունը թատրոն է» փոխաբերության լեզվաճանաչողական մոդելավորումը	207
Ռ. Պ. Զուլֆայան, Գ. Ն. Վարդանյան, Ս. Ֆ. Թորգոմյան Հայկական տեղանունների անխնայատման ունասիրությունը ավագ դպրոցում	227

Քննադատություն և մատենագիտություն

Ա. Մ. Ամիրխանյան Դասավանդում հաղորդակցություն թե հաղորդակցությամբ. մշակութային կոդերի փոխադրեցության հարցի վերաբերյալ	242
---	-----

Խմբագրությունից

Գիտական հոդվածների ձևավորման պահանջներ	249
--	-----

CONTENT	PAGE
<i>Literary criticism</i>	
K. I. Sharafadina <i>On the Creative history of the «Armenian text» of Russian poetry (S. M. Gorodetsky's book «The Angel of Armenia», 1918)</i>	3
<i>Linguistics</i>	
A. G. Vardanyan, L. G. Vardanyan <i>On the question of some processes in the terminological system of the language</i>	13
A. R. Gareginyan <i>The main aspects of linguistic pragmatics</i>	23
V. H. Grigoryan <i>Creolization of the text: polycode, elements and classifications</i>	33
K. H. Muradyan <i>Word-formation models of the terminological system of modern military discourse</i>	44
A. G. Hovhannisyan <i>Neology and neologism</i>	53
I.R. Sargsyan <i>Election speech in the structure of political discourse: genre specifics and communication strategies</i>	65
<i>Comparative typology</i>	
Մ. Գ. Բաբախանյան, Ալիսկ Դրիով <i>Comparative analysis of Russian verbs of motion and their English and French equivalents</i>	73
M. D. Kesayan <i>On the Features of Synonymy of Emotive Phraseological units in Russian and Armenian</i>	81
<i>Linguopoetics</i>	
N. I. Martiryan <i>Church-Religious Vocabulary in the lyrics of M.Yu. Lermontov and its Stylistic functions</i>	99

Translation theory

R. H. Zargaryan <i>Translational Transformations in Translating texts about Natural sciences</i>	112
--	-----

Methodology: Theory and practice of teaching

G. A. Antonyan <i>System for Evaluating the Academic performance of College students in the Republic of Armenia</i>	121
A. S. Zurabyan <i>Stylistic and Genre features of Small prose forms in the Context of Electronic Teaching of the Russian Language</i>	131
V. Yu. Safyan <i>Teaching Foreign students the Language of their Specialty</i>	152
Ye. Yu. Shahinyan <i>Integration of Nontrivial digital RFL Teaching: Visualization, Multimedia, Personalization</i>	159

Our guest

A. G. Avetisyan <i>Violations of the Cooperative principles as a Strategy for Expressing online complaints</i>	169
M. M. Gilavyan <i>Rafael Hayrapetyan's "Funny Puzzles" collection</i>	184
K. S. Tovmasyan <i>Chuck Palahniuk: The limits of Adaptation and the logic of Internal Cinema</i>	191
A. S. Harutyunyan, A. G. Aghayan <i>Linguo-cognitive modelling of the "Politics is Theatre" metaphor</i>	207
R. P. Julfayan, G. N. Vardanyan, S. F. Torgomyan <i>The Study of the Name definition of Armenian Place Names in High School</i>	227

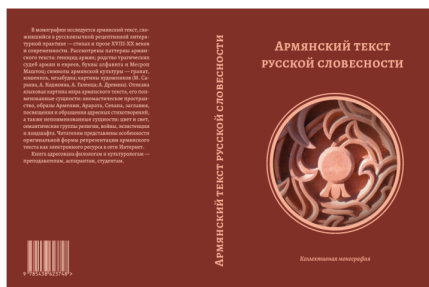
Criticism and Bibliography

A. M. Amirkhanyan <i>Studying Communication or Learning by Communication: On the Interaction of Cultural Codes</i>	242
--	-----

From the editor

<i>Requirements for the design of a scientific article</i>	249
--	-----

ВЫШЛИ В СВЕТ

В Санкт-Петербурге в издательстве «Свое издательство» вышло в свет фундаментальное литературоведческое исследование (ред.-сост. И.В. Романова и Э.Ф. Шафранская), посвященное репрезентации Армении в произведениях русских поэтов и писателей. Коллективная монография обобщает многолетние исследования феномена «локального текста» в русской литературе. В центре внимания исследователей геопоэтика и топонимика, ключи к разгадке национальных символов, паттерны и языковая картина армянского мира. В книге анализ того, как воссоздается образ Армении в стихах и прозе отечественных авторов, проводится детальный разбор устойчивых символов и образов Арарата, Севана, хачкаров и ландшафтов, интерес к арменизмам, цветовой палитре и лексическим особенностям текстов об Армении на русском языке. Представленные в книге темы и концепции обобщают многолетние исследования феномена «локального текста» в русской литературе. Книга адресована филологам и культурологам — преподавателям, аспирантам, студентам.

Учебник И.Р. Саркисян и Н.И. Таткало «Межкультурная коммуникация» — одно из первых в Армении изданий для вузов. В учебнике представлен теоретический материал и практические задания. Концептуальная основа учебника — комплексному принципу построения учебных материалов, который способствует достижению цели успешного применения знаний в реальных коммуникативных ситуациях. Данная учебная дисциплина — фундамент современного гуманитарного образования. В учебнике разнообразие культурных контекстов, понимание обусловленных культурой различий речевого поведения и интерпретация невербальных сигналов отражает необходимые для коммуникации умения формирования диалога с представителями иных культур и сообществ. Язык не только инструмент, но и носитель культурной памяти, и изучение межкультурной коммуникации в образовательной системе вузов связано с преподаванием иностранных языков для понимания иных мировоззрений, ценностей и систем. Учебник адресован студентам и аспирантам филологических, лингвистических, педагогических, психологических и социогуманитарных специальностей и всем тем, кто интересуется проблемами межкультурного взаимодействия.

Татьяна Владимировна Саркисян
Кандидат филологических наук, преподаватель

Наталья Игоревна Таткало
Кандидат филологических наук, преподаватель

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУРЫ
КОММУНИКАЦИИ

И.Р. САРКИСЯН, Н.И. ТАТКАЛО

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Учебник для вузов

Ереван-2020

